

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСУДИЯ

К 100-летию Судебной системы в Удмуртской Республике

Верховный Суд Удмуртской Республики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Управление Судебного департамента в Удмуртской Республике

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСУДИЯ

К 100-летию Судебной системы в Удмуртской Республике

Сборник статей

Ижевск
2023

УДК 343.1(063)+347.9(063)
ББК 67.410я43
П845

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ

Научные редакторы:

*Председатель Верховного Суда УР А.В. Полушкин,
к.ю.н., профессор, директор ИПСУБ ФГБОУ ВО «УдГУ» В.Г. Ившин,
к. ю. н., доцент Г.А. Решетникова,
начальник Управления Судебного департамента в УР Ю.С. Овечкин*

П845 Процессуальные гарантии современного правосудия: к
100-лет. Судебной системы в УР : сб. ст. – Ижевск : Уд-
муртский университет, 2023. – 368 с.

ISBN 978-5-4312-1098-3

Сборник содержит статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Процессуальные гарантии современного правосудия», проведенной Институтом права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» совместно с Верховным Судом Удмуртской Республики и Управлением Судебного департамента в Удмуртской Республике. В статьях рассматриваются актуальные вопросы теории и практики современного российского правосудия.

УДК 343.1(063)+347.9(063)
ББК 67.410я43

ISBN 978-5-4312-1098-3

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2023
© Авторы статей, 2023

**Приветственное слово ректора ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет» Мерзляковой Г. В.,
директора Института права, социального управления
и безопасности Ившина В. Г.**

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ!

Ректорат Удмуртского государственного университета, коллектив Института права, социального управления и безопасности поздравляют Вас, коллектив судей, ветеранов судебной системы, сотрудников аппарата судов со 100-летием со дня образования судебной системы Удмуртской Республики!

Этот век вместил разные исторические эпохи, но судебная система в Удмуртии стоит на страже Закона и верно выполняет свое главное предназначение – грамотно, объективно и беспристрастно осуществлять правосудие, защищать права и законные интересы граждан, ограждать общество от преступных посягательств, а также вносить большой вклад в укрепление основ современного государства и законности.

Ваша деятельность имеет огромное значение для обеспечения общественного согласия, спокойствия и порядка в обществе, эффективной работы всех ветвей власти.

Вы с честью выполняете миссию, требующую предельной ответственности и профессионализма.

От всей души выражаем слова искренней благодарности всем ветеранам судебной системы, действующим и находящимся в почетной отставке судьям за многолетнюю плодотворную работу по укреплению законности и правопорядка, качественное и эффективное отправление правосудия.

Примите самые искренние пожелания мира и благополучия, оптимизма и уверенности в завтрашнем дне, сил и энергии для достижения намеченных целей, дальнейших успехов в трудовой деятельности и отличного настроения!

Пусть рядом с Вами всегда будут любовь близких, верные и надежные друзья, являясь поддержкой и опорой во всех Ваших начинаниях!

Ф. А. Абашева,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО
«Удмуртский государственный университет»*

ДОКТРИНА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ

В уголовно-процессуальной доктрине учение об уголовно-процессуальных функциях в силу своей органической связи с теорией и практикой уголовного судопроизводства со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 года занимает центральное доминантное положение.

В монографической работе профессора З. З. Знатуллина «Уголовно-процессуальная наука постсоветской России: генезис становления, развития и современные проблемы» [1] обстоятельно проанализирован весь сложный и во многом тернистый путь формирования учения об уголовно-процессуальных функциях и его развитие в досоветский (проф. Фойницкий И. Я., Случевский В. Л.), советский (проф. Строгович М. С., Голунский С. А., Чельцов М. А., Фаткуллин Ф. Н., Гуляев А. Б., Эльинд П. С., Ларин А. М. и др.) и постсоветский (проф. Бозров В. М., Гуськова А. П., Азаров В. А., Зайцев О. А., Муратова Н. Г. и др.) периоды жизни России [2] и сделан вывод о том, что определение уголовно-процессуальной функции надлежит связывать только с целенаправленной деятельностью участников уголовного судопроизводства по достижению поставленных перед уголовным судопроизводством задач.

Сформулированный вывод полностью согласуется с трактовкой функций права в трудах академиков Д. А. Керимова, С. С. Алексеева, проф. Ф. Н. Фаткуллина, проф. В. В. Лазарева и других [3], с подходами к праву, как отмечал проф. А. Б. Венгеров, как к целостному социальному институту, имеющему нормативно-регулятивную

социально полезную природу [4]. На последнее обстоятельство необходимо обратить особое внимание, ибо в ней заложено все то, что входит в содержание социальной ценности уголовно-процессуальных функций.

Изложенная выше дефиниция уголовно-процессуальной функции составила доминанту и наших исследований, обозначила проблемы уголовно-процессуальных функций [5].

В процессе наших исследований мы столкнулись с тем обстоятельством, что в отличие от УПК РСФСР 1960 года, содержащего в себе четко сформулированную уголовно-процессуальную норму о задачах уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР 1960 г.), в УПК РФ законодатель ограничился лишь указанием о назначении уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), в качестве которого определена защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). По сути дела, законодатель также воспроизвел на уровень уголовно-процессуального законодательства содержание ст. 2 Конституции Российской Федерации, ничего не сказав о том, как, с помощью каких средств можно достигнуть такого предназначения, начисто проигнорировав при этом постулаты всей нашей жизни о том, что добиться осуществления чего-нибудь можно только имея и надлежащим образом используя определенные средства, которые могут носить характер физических, материальных, интеллектуальных. Указание на такие средства и составило содержание ст. 2 УПК РСФСР 1960 года в виде ориентированных на необходимость быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных в их совершении лиц и объективного и правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

На необходимость конструирования в УПК РФ 2001 специальной статьи о задачах российского уголовного судопроизводства указывалось и указывается на ежегодных российских и междуна-

родных научно-практических конференциях в ведущих и региональных высших учебных заведениях, на круглых столах, проводимых силовыми структурами и органами судебной власти. Отрадно, что наши слова о том, что «преступления совершаются, и их надо раскрывать, устанавливая и изобличая лиц, их совершивших» [6], чтобы они всегда были наказаны (проф. Азаров В. А.), упоминаются в качестве своеобразного эпиграфа в его выступлениях на научно-практических конференциях, в частности, в г. Барнауле [7].

Логический вывод о вышесказанном обосновывается практически всеми нашими учеными процессуалистами [8]. Законодатель же остается «глух» и «нем» ко всем такого рода предложениям. Трудно понять нашего законодателя, регулярно вносящего самого различного рода корректировки в УПК РФ, но игнорирующего глубоко обоснованные предложения о необходимости формулировать именно на законодательном уровне те задачи, которые призваны решать правоохранительные и судебные органы государства. Правоприменители же наши продолжают раскрывать преступления, изобличать виновных в их совершении лиц, применять к ним меры уголовной ответственности, опираясь при этом зачастую лишь на ведомственные акты (передача уголовного дела от одного мирового судьи к другому при наличии одного судебного участка на данной территории). Закон же есть закон, и он должен доминировать в уголовно-процессуальной деятельности.

Что касается видов уголовно-процессуальных функций, то в нашей уголовно-процессуальной науке сегодняшнего дня существует значительный разброс мнений. Безусловно, позитивным является то, что в отличие от предшествующего уголовно-процессуального законодательства в ч. 2 ст. 15 УПК РФ указывалось на наличие в уголовном судопроизводстве таких уголовно-процессуальных функций, как обвинение, защита и разрешение уголовного дела, которые «отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же лицо». Без названных уголовно-процессуальных функций немислимо ни одно производство по уголовным делам, причем вне зависимости от того, осуществляется

ли оно в обычном (традиционном) порядке либо в какой-либо иной (упрощенные производства) форме.

Вместе с тем система уголовно-процессуальных функций не может сводиться лишь к их триаде, отражающей к тому же характерную для каждого периода жизни России систему уголовно-процессуальных функций, в силу которой защита как уголовно-процессуальная функция могла начать свою «работу» лишь после сформулированного по уголовному делу обвинения (ст. 47 УПК РСФСР 1960 г.).

Думается, что нет необходимости вспоминать весь тот тернистый путь, что пришлось пройти всему нашему государству и, прежде всего, ее юридической составляющей, чтобы добиться адвокату-защитнику участия в уголовном судопроизводстве даже при производстве в установленных ст. 144 УПК РФ действиях о наличии в сообщении о преступлении признаков последнего. Содержание таких действий по своему характеру да и процессуальному порядку их производства, сопровождающихся с определенными посягательствами на конституционные права и свободы граждан, их ограничением, что, по существу, есть не что иное, как уголовное преследование, представляющее собой в соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ процессуальную деятельность, «осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении им преступления». Именно уголовное преследование и есть функция современного российского уголовного процесса, которая в последующем при появлении оснований для формулирования обвинения в его материально-правовом содержании, составными частями которого являются фактическая фабула, юридическая формулировка и правовая квалификация [9], трансформируется в функцию обвинения.

Уголовное преследование выражается, в частности, в форме задержания лица по подозрению в совершении преступления (ст. 91 УПК РФ), его личного обыска (ст. 93 УПК РФ), а также в применении к нему любой из закрепленных в ст. 98 УПК РФ мер пресечения и имманентно вызывает к жизни деятельность по охране его конституционных прав и свобод, что составляет содержание по своему

наименованию уголовно-процессуальной функции, которая в последующем при условии формулирования обвинения в его материально-правовом содержании в соответствующих уголовно-процессуальных актах в виде постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ), обвинительном акте (ст. 225 УПК РФ), обвинительном постановлении (ст. 226.1 УПК РФ) [10] трансформируется в уголовно-процессуальную функцию обвинения.

Оказание квалифицированной юридической помощи адвокатами во время свидания «наедине и конфиденциально с лицом по подозрению в совершении преступления (ч. 4 ст. 92 УПК РФ), равно как и консультирование такого участника уголовного судопроизводства, как «заподозренное в преступлении лицо» [11] есть лишь одно из составных функции охраны прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства, включающей в себя в соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации квалифицированную юридическую помощь.

Что касается уголовно-процессуальной функции, обозначенной УПК РФ в ч. 2 ст. 15 УПК РФ как разрешение уголовного дела по существу, то в связи с широким пониманием названная функция может проявлять себя практически на всех этапах производства по уголовному делу при наличии для этого любого из установленных ст. 24–28 УПК РФ оснований посредством прекращения по нему производства (ч. 1 ст. 212 УПК РФ).

Представляется, однако, что законодатель в ч. 2 ст. 15 УПК РФ речь ведет об уголовно-процессуальной функции разрешения уголовного дела по существу того, что составляет «сущностный, крайне важный, необходимый, признак чего-нибудь, «существа дела» [12]. Основным, (сущностным) вопросом уголовного дела является вопрос о том, виновен или невиновен обвиняемый/подозреваемый в инкриминируемом ему преступлении [13]. В силу этого разрешение уголовного дела по существу и есть не что иное, как осуществление по уголовному делу правосудия.

Начав «работать» с открытия судебного разбирательства по конкретному уголовному делу (ст. 261 УПК РФ), уголовно-процес-

суальная функция разрешения уголовного дела по существу предъявленного подсудимому обвинения имеет место на всех последующих связанных с осуществлением правосудия этапах и стадиях производства по уголовному делу вплоть до вступления постановляемого судом первой инстанции приговора в законную силу. Разрешение инкриминированного подсудимому обвинения в виде осуществления по уголовному делу правосудия есть главная, своего рода целеполагающая функция всего уголовного судопроизводства.

Обстоятельства и вынужденный отказ сформулированного в ст. 6 УПК РФ назначения российского уголовного судопроизводства, лежащих в его основе принципов, ориентированных, прежде всего, на охрану прав и свобод личности (ст. 6.1 УПК РФ), и определенных в связи с этим формы и построения всего производства по уголовному делу, приводит к выводу о том, что основными функциями уголовного судопроизводства являются:

- уголовное преследование, осуществляемое в рамках производства по уголовному делу предварительного расследования, трансформирующегося после формулирования обвинения в его материально-правовом содержании в функцию обвинения;

- охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности, имманентной частью которой является защита прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления лиц;

- осуществление правосудия путем разрешения предъявленного подсудимому обвинения в совершении инкриминируемого преступления по своему существу.

Наряду с закрепленными в ст. 15 УПК РФ уголовно-процессуальными функциями, носящими по сути своей генерирующей, системообразующий характер при производстве по уголовному делу, проявляют себя и другие уголовно-процессуальные функции, связанные с разрешением отдельных вопросов по уголовному делу. В их числе весьма значимыми являются вопросы, связанные с обеспечением возмещения причиненного преступлением вреда, с обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства (психи-

ческому, физическому и материальному воздействию ежегодно подвергается значительное число потерпевших от преступлений лиц и их близких, а также свидетелей), с необходимостью постановки на должном уровне деятельности по профилактике преступлений и другие вопросы, разрешение которых должно осуществляться в рамках соответствующих уголовно-процессуальных функций.

Не делает чести нашему законодателю то, что многие из таких вопросов, в отличие от предыдущего уголовно-процессуального законодательства (см. ст. 21.1, 21.2, 29–30, 58.1, 140, 321 УПК РФ), остались фактически вне сферы должного уголовно-процессуального регулирования. Отрадно, что в последние годы ряд вопросов стали привлекать к себе все больше внимания. Так, в развитии глубоких, объективных исследований таких современных ученых-процессуалистов, как проф. О. А. Зайцев, проф. А. Ю. Епихин, проф. А. А. Дмитриева [14], их суждений и обоснованных выводов о необходимости повышения безопасности участников уголовного судопроизводства формулируются и предложения о конструировании на законодательном уровне соответствующего уголовно-процессуального принципа и механизмов его реализации [15].

Думается, что надлежало бы скорректировать соответствующим образом и ст. 2 Конституции Российской Федерации, указав в ней на то, что не только признание и защита прав и свобод человека и гражданина, но и обеспечение безопасности всех их от преступлений является обязанностью государства. К этому призывают, в частности, и происходящие в течение последних лет события в городах: Казань, Пермь Ижевск, угрожающие жизни, здоровью и безопасности многих наших граждан.

Список литературы

1. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальная наука постсоветской России: генезис становления, развития и современные проблемы. «Удмуртия», 2021.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 5-е изд. – СПб., 1996. – Т. 1. – С. 63–64; Случевский В. Л. Учебник русского

уголовного процесса. – СПб., 1910. – С. 504–505; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1968. – Т. 1. – С. 188–189; Голунский Е. А. Вопросы доказательственного права в основах уголовного судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. – М., 1959. – С. 125–131; Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть. – Екатеринбург, 2012. – С. 78.

3. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – Л., 2000.

4. Венгеров А. Б. Теория государства и права. – М., 2008. – С. 374.

5. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции. – Ижевск, 2002; Абашева Ф. А., Зинатуллин Т. З. Функциональная характеристика современного российского уголовного процесса. – М.: Юрлитинформ, 2008.

6. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. проф. П. А. Лупинской. – М., 2002. – С. 29–30.

7. Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве. – Барнаул, 2002. – С. 10.

8. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. – М., 2006. – С. 35–39; Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Проблемы уголовного судопроизводства. – М., 2009. – С. 119; Якимович М. К. Понятие, назначение дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. – Томск, 2015. – С. 413.

9. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. – Казань, 1965. С. 66–87; Зинатуллин З. З. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. – СПб., 2013. – С. 195.

10. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Очередные парадоксы уголовно-процессуального регулирования (в связи с Федеральным законом № 72-ФЗ от 18.04.2018 и № 376-ФЗ от 10.10.2018 // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 4. – С. 22.

11. Филимоненко И. А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2021. – С. 14.

12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978. – С. 718–719.

13. Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. – Воронеж, 1984. – С. 7; Зинатуллин Т. З. Основной вопрос уголовного дела.

14. Зайцев А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М., 2001; Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – СПб., 2004; Дмитриева А. А. Механизм обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – М., 2017.

15. Зарипов Ф. Ф. Реализация принципа безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях современной уголовно-процессуальной политики : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2021. – С. 10.

А. В. Аккуратный,
председатель судебного состава
судебной коллегии по гражданским делам
Верховного Суда Удмуртской Республики

ГАРАНТИЯ РАЗУМНОСТИ СРОКОВ РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ГАРАНТИИ – СВОБОДНЫЙ ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ

В любом демократическом государстве среди его многочисленных институтов правосудие играет центральную роль. Достаточно констатировать, что само по себе правосудие является фундаментальной гарантией и одновременно механизмом защиты прав всех других институтов государства. Правосудие состоит из элементов, которыми являются процессуальные гарантии, и именно благодаря им правосудие рассматривается как таковое, и в отсутствие процессуальных гарантий не может рассматриваться как правосудие. В правовом государстве суд обязан быть именно судом – властным, самостоятельным, беспристрастным, подлинно независимым.

Длительное время в международной практике гарантии назывались конституционными, поскольку все без исключения находили своё закрепление в Основном законе. Но поскольку в ряде государств отсутствует писаная конституция, гарантии в большей степени стали называться процессуальными. Однако фундаментальность и глобальность их понимания от этого не изменились.

Одной из основополагающих тенденций развития правосудия во второй половине XX века явилась конституализация процессуальных гарантий, т. е. внедрение их в правовые системы на высшем уровне регулирования. Всеобщая декларация прав человека и вслед за ней Конвенция о защите прав человека и основных свобод закрепили право каждого человека на справедливое и публичное рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Таким образом, процессуальные гарантии нашли своё закрепление в международных документах и по ходу их

ратификации (Россия ратифицировала Конвенцию в 1998 году) явились основным фактором реформирования национальных судов и судопроизводства в отдельных странах.

В приведённой выше формулировке, по сути своей, и содержатся фундаментальные процессуальные гарантии, а именно:

- свободный доступ к правосудию;
- публичность и гласность судебного разбирательства;
- независимость и беспристрастность судей;

Приведённый перечень является результатом глобального соглашения по общепризнанным требованиям к осуществлению правосудия. Формально процессуальные гарантии одинаковы для уголовного и гражданского судопроизводства, но существуют некоторые и порой весьма существенные особенности в применении их по уголовным и гражданским делам. В настоящей статье остановимся несколько подробнее на некоторых особенностях по гражданским делам.

Каждая из приведённых выше фундаментальных гарантий включает в себя целый комплекс составляющих процессуальных гарантий. Так, свободный доступ к правосудию включает в себя: требования к организации судебных органов и поведению судей, формирование судов, разумные сроки судебного разбирательства, мотивированность судебных решений, гарантии равенства сторон в процессе. Перечисленные гарантии в своей совокупности обеспечивают как саму возможность обращения к судебным механизмам, так и справедливость судебного разбирательства.

В рамках настоящей статьи остановлюсь подробнее на одной из составляющих гарантии свободного доступа к правосудию – разумности сроков судебного разбирательства.

Российское гражданское процессуальное законодательство на сегодня является едва ли не единственным отраслевым законом (за исключением некоторых стран на постсоветском пространстве), содержащим в себе положения, регулирующие временной фактор при отправлении правосудия.

И нужно особо подчеркнуть – таковой подход в российском законодательстве отличается устойчивым характером. В подавляющем большинстве европейских стран законом могут устанавливаться

сроки совершения сторонами и судом отдельных процессуальных действий, но не срок рассмотрения дела в целом. Нехитрый сравнительный анализ позволяет прийти к выводу о том, что сроки, соответствующие критерию разумности в Европе, значительно превышают не только сроки, установленные российским законодательством, но и сроки фактического нахождения дел в производстве российских судов.

Взгляд на развитие института сроков рассмотрения гражданских дел свидетельствует о том, что его возникновение и дальнейшее развитие имеют свою историческую ретроспективу. Целям сокращения сроков были подчинены структура и идеология ГПК РСФСР 1923 года. Необходимо подчеркнуть, что возник институт как таковой не сразу, изначально он был установлен только для трудовых дел, затем о взыскании алиментов и установлении отцовства, а в ГПК РСФСР 1964 года уже для всех гражданских дел.

Установленные законом сроки не учитывали и не позволяли учитывать индивидуальные особенности дела: состав участников, их поведение, доступность доказательств и т. д.

Установленные ГПК РСФСР сроки предназначались исключительно для суда и носили дисциплинирующий характер, играя, по сути своей, оценочную роль учётного регулятора деятельности судов (и отдельных судей) по осуществлению правосудия, позволяя отразить качество работы последних в цифрах – в статистических данных. В итоге качество правосудия (судов региона, отдельного суда, отдельного судьи) стало измеряться количественными показателями – процентом отмены судебных решений вышестоящим судом и сроками рассмотрения дел.

Также необходимо отметить, что установление в законе сроков рассмотрения дел нельзя рассматривать в отрыве от бытовавшего в советский период принципа объективной истины. Требование её установления судом содержалось в законе. В итоге, с одной стороны, суд обязан был установить объективную истину по делу, с другой стороны, был ограничен очень жёсткими временными рамками, и в результате с целью исправления судебных ошибок возник как компенсаторный институт отмены вступивших в законную силу

судебных решений в порядке надзора, что, в свою очередь, нанесло более чем ощутимый удар по принципу правовой определённости.

Таким образом, временной дефицит для исследования фактических обстоятельств дела отчасти компенсировался неограниченностью сроков и оснований для отмены вступивших в силу судебных постановлений в порядке надзора.

На современном этапе развития гражданское процессуальное законодательство сохранило регулирование процессуальными средствами, в том числе регламентированы сроки рассмотрения гражданских дел.

Так, в силу части 1 статьи 154 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд, если иные сроки рассмотрения и разрешения дел не установлены ГПК РФ.

В то же время законодательное регламентирование срока рассмотрения гражданского дела само по себе не гарантирует разбирательство дела в разумный срок, поскольку, например, при исчислении общего срока рассмотрения дела не учитываются срок приостановления производства по делу; срок, на который судебное разбирательство было отложено в целях примирения сторон. Изменение предмета или основания иска, привлечение соответчиков, замена ненадлежащей стороны влекут за собой возобновление течения срока с начала.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 152 ГПК РФ по сложным делам судья может назначить срок проведения предварительного судебного заседания, выходящий за пределы сроков, установленных Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации для рассмотрения и разрешения дел.

Зачастую с целью соблюдения сроков рассмотрения дела, регламентированных процессуальным законом, суды проводят бесконечное количество предварительных судебных заседаний за пределами срока рассмотрения и разрешения дел, приостанавливают производство по делу в отсутствие к тому оснований, а при приостановлении производства по делу, например, в связи с назначени-

ем экспертиз, не контролируют сроки производства экспертиз по делу. В итоге при соблюдении процессуальных сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел споры разрешаются судами в сроки, исчисляемые годами.

С учетом этого статистика судов, касающаяся сроков рассмотрения гражданских дел, не совсем объективно отражает информацию о сроках рассмотрения дел.

Кроме того, с целью соблюдения сроков рассмотрения дел судами полнота и всесторонность рассмотрения дел нередко приносятся в жертву скорости их рассмотрения, тем самым нарушается баланс между правильностью и своевременностью рассмотрения дел.

Реализуется ли в таком случае гарантия на разбирательство дела в разумный срок? Ответ очевиден, что нет, поскольку срок судебного разбирательства рассматривается как один из ключевых параметров качества и эффективности правосудия, но соответствие этому параметру не должно достигаться в ущерб другим основополагающим параметрам, в первую очередь, правильности вынесенного решения.

В том числе с целью реализации права лиц на разбирательство дела в разумный срок в гражданском процессуальном законодательстве на современном этапе используется оценочная категория, дополняющая формально определенную норму права в части сроков разрешения дел, позволяющая учитывать особенности каждой конкретной ситуации, – «разумный срок».

Так, судопроизводство в судах согласно ч. 1 ст. 6.1 ГПК РФ должно осуществляться в разумные сроки.

Согласно ч. 3 ст. 6.1 ГПК РФ при определении разумного срока судебного разбирательства, который включает в себя период со дня поступления искового заявления или заявления в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного постановления по делу, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность дела, поведение участников гражданского процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, и общая продолжительность судопроизводства по делу.

В законе отсутствует понятие разумного срока. Представляется, что под разумным сроком понимается тот срок разрешения дела, который обеспечивает своевременную защиту нарушенных прав лиц, обратившихся за судебной защитой.

Разумный срок не универсален, поскольку относится к оценочной категории, и различен для каждого конкретного дела. Поэтому законодателем предусмотрены критерии для его определения, к которым относятся как поведение участников гражданского процесса, достаточность и эффективность действий суда, так и правовая и фактическая сложность дела, общая продолжительность судопроизводства по делу.

При этом в силу ч. 6 ст. 10 Кодекса судейской этики судья должен исполнять свои профессиональные обязанности без какого-либо предпочтения и без действительной либо видимой предвзятости, дискриминации, обеспечивая необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, обеспечивая справедливое рассмотрение дела в разумный срок.

В пункте 48 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» разъяснено, что не могут рассматриваться в качестве оснований, оправдывающих нарушение разумных сроков судопроизводства или исполнения судебного акта, обстоятельства, связанные с организацией работы суда, органов дознания, следствия и прокуратуры, а также органов и должностных лиц, исполняющих судебные акты, например, замена судьи ввиду его болезни, отпуска, прекращения или приостановления его полномочий, отсутствие необходимого штата сотрудников, отсутствие необходимых для исполнения денежных средств.

Таким образом, в первую очередь, обеспечение разумных сроков рассмотрения и разрешения дел зависит от организованности и компетентности судьи (судей). Еще на стадии принятия дела к своему производству суду следует определить последовательную

систему действий, направленную на разрешение дела в разумные сроки, провести надлежащую подготовку гражданского дела к судебному разбирательству, что и будет залогом своевременного и правильного разрешения гражданского дела.

Также необходимо отметить, что в процессуальный закон на современном этапе внесены изменения, которые способствуют разрешению гражданских дел в разумные сроки.

Так, законодательно закреплена возможность совершения не требующих отлагательств действий, не связанных с рассмотрением дела по существу (например, принять исковое заявление, рассмотреть заявление об обеспечительных мерах или их отмене), одним судьей вместо другого судьи в порядке взаимозаменяемости. Данное положение позволит сократить общий срок рассмотрения гражданского дела и избежать рассмотрения дела с самого начала, как в случае замены судьи.

Способствуют соблюдению разумных сроков судебного разбирательства и изменения, связанные с извещением лиц, участвующих в деле, согласно которым органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные органы и организации, являющиеся сторонами и другими участниками процесса, могут извещаться судом о времени и месте судебного заседания или совершения отдельных процессуальных действий лишь посредством размещения соответствующей информации в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Безусловно, направлено на ускорение судопроизводства и закрепление законодателем отказа от правила начинать рассмотрение дела сначала при каждом отложении судебного разбирательства, а также расширение применения приказного и упрощенного производств.

С учетом изложенного можно прийти к выводу, что процессуальный закон не только предписывает осуществлять судопроизводство в разумный срок, но и предусматривает процессуальные средства, позволяющие суду реализовать данное законоположение.

Отдельно хочется отметить, что несоблюдение установленных законом сроков рассмотрения дел может повлечь и, как правило, влечёт за собой негативные последствия и для самих судей.

Дисциплинарная практика квалификационных коллегий позволяет продемонстрировать массу примеров привлечения судей к дисциплинарной ответственности за несоблюдение сроков рассмотрения дел. Одно дело, когда длительность рассмотрения обусловлена элементарным не назначением дел к слушанию, полным отсутствием контроля за проведением экспертиз, ненадлежащей организацией судом хода судопроизводства, ненадлежащей организацией судопроизводства внутри суда. В такого рода случаях трудно спорить с инициаторами дисциплинарного производства. В то же время осуществление судопроизводства хоть и с нарушением срока рассмотрения дела, но в разумный срок не создаст оснований для привлечения судей к дисциплинарной ответственности; и закрепление разумного срока наряду со сроком разрешения дела в том числе обеспечивает реализацию принципа независимости судей.

Также следует признать, что переход к «разумным срокам» повлек изменение роли суда в осуществлении контроля за продолжительностью судебного процесса, ибо отсутствие определённого ориентира в законе потребовало от судов определять такой срок самим. Роль суда в осуществлении контроля за ходом движения дела увеличилась. Так, можно отметить предоставление права продления срока рассмотрения дела председателем суда, заместителем председателя суда, председателем судебного состава не более чем на один месяц или предоставление заинтересованным лицам права обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела.

Усиление контроля суда за ходом судебного разбирательства должно сопровождаться и повышением ответственности сторон за нарушение своих процессуальных обязанностей, и в этом контексте со всей очевидностью надлежит регламентировать последствия злоупотребления сторонами процессуальными правами. Определённые шаги в этом направлении уже предприняты правоприменителем. Например, высшей судебной инстанцией даны разъяснения, согласно которым лицо утрачивает право заявления о неподсудности спора суду в случае, если такое заявление не было подано в суд первой инстанции.

В заключение нельзя не отметить, что понятия «разумный срок» и «установленный законом срок рассмотрения дела» различны. Нарушение установленного законом срока само по себе не нарушает разумный срок, а потому для лиц, обратившихся за судебной защитой, первый оказывается содержательно незначимым, в то же время срок рассмотрения дела может быть одним из ориентиров для определения разумного срока рассмотрения дела.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023).

5. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022).

6. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11.

Арсагова С. И.

*заместитель председателя Индустриального
районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики*

Чернышова Э. Л.

*судья Индустриального районного суда
г. Ижевска Удмуртской Республики*

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

21 век называют веком информационных технологий. За незначительный временной промежуток – 10–20 лет произошли глобальные изменения в формировании, распространении и потреблении информации. Очевидно, что информационный взрыв (резкий рост скорости появления и распространения информации) вступил в противоречие с физическими и биологическими возможностями человека по приему, переработке и потреблению информации.

Информатизация, то есть применение информационных технологий для формирования и использования информационных ресурсов, электронного документооборота¹, призвана содействовать преодолению возникающего разрыва между человеческими возможностями и потребностями в переработке информации.

Активно внедряемые в деятельность судов цифровые (электронные) сервисы направлены на оптимизацию работы судебной системы, ускорение решения стоящих перед судами задач, повышение доступности информации о деятельности судов для граждан и юридических лиц.

Следует отметить, что сама по себе цифровизация судебной деятельности не является самоцелью, она должна, в первую очередь, способствовать повышению скорости и удобства разрешения каждодневных задач всех участников судопроизводства.

¹ Ильин В. Д. Большая Российская Энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/technology_and_technique/text/2015729?ysclid=1clx8fnnrk739906364

Очевидно, что в настоящее время мы находимся в переходном этапе от приоритетного в настоящее время бумажного судебного делопроизводства к электронному.

Ввиду присущего судебной системе по объективным причинам консерватизма (судебная система в силу своей роли в регулировании общественных отношений должна меняться не революционно, а строго эволюционно) сложилась ситуация, когда внедрение информационных сервисов местами не оптимизирует судебную работу, а, напротив, создает дополнительную нагрузку.

В частности, в качестве самого наглядного примера хотелось бы привести работу секретаря судебного заседания. Казалось бы, процессуальное законодательство ввело аудиозапись судебных заседаний (цифровой сервис), которая должна облегчить функционал всех участников судопроизводства, однако на деле мы видим следующее: в настоящее время помимо ведения протоколов судебных заседаний в бумажном виде, секретарь обязан обеспечивать ведение аудиопотоколирования, в частности, осуществлять ведение аудиозаписи, производить запись аудиопотокола на электронный носитель, контролировать качество аудиозаписи как в ходе судебного заседания, так и при перезаписи на электронный носитель. Таким образом, фактические трудозатраты как секретарей судебного заседания, так и судей, вынужденных сопоставлять бумажное протоколирование с аудиопотоколированием, существенно выросли.

Поскольку очевидно, что в конечном итоге в перспективе нескольких лет (возможно, десятков лет) судебная система, как и государственное управление в целом перейдут исключительно к электронному делопроизводству (как в свое время от ручного письма через использование печатной машинки в конце концов пришли к использованию компьютеров для набора текстов), необходим планомерный отказ от использования бумажных протоколов в деятельности судов общей юрисдикции. Отмечаем, что прослушивание аудиозаписи влечет большие временные затраты по сравнению с прочтением текста, изложенного на бумаге, в связи с чем предлагаем использовать программы по переводу голосовых аудиофайлов в

текстовые. Имеющиеся в настоящее время программные решения позволяют с достаточной полнотой и адекватностью переводить «голос в текст», в связи с чем полагаем возможным исключить какие-либо корректорские правки получающихся текстовых файлов, что, с одной стороны, побудит участников процесса внимательнее относиться к своим высказываниям. Замечено, что дословно перенесенные на бумажный носитель аудиозаписи вызывают некоторое замешательство участников процесса при первоначальном ознакомлении, при этом в последующем эти участники значительно меняют стиль изложения своей позиции в процессе. А с другой стороны, позволит увидеть буквальное изложение позиций участниками процесса без дополнительной существенной нагрузки на аппарат суда, то есть в деле вместо имеющихся сейчас бумажного протокола плюс CD-диска с аудиопротоколом будут находиться указанный диск с аудиопротоколом и текстовая расшифровка аудиозаписи посредством программных продуктов с подписями судьи и секретаря о соответствии текстовой расшифровки аудиозаписи.

Далее, в настоящее время в деятельность судов внедряется отправление извещений о судебных заседаниях, а также судебных актов в электронной форме посредством ГАС «Правосудие».

Действительно, этот сервис позволяет сократить материальные издержки: отправка повесток и части судебных актов идет электронно без предварительной распечатки на бумажном носителе, прошивки, конвертования и т. п. Однако указанный сервис имеет ряд недостатков, которые при их устранении существенно уменьшили бы трудозатраты аппарата суда на выполнение соответствующего функционала.

Так, в настоящее время повестки и иные подлежащие отправке участникам судопроизводства документы выгружаются из ГАС «Правосудие» в формате Word, требующем в последующем для простановки электронной подписи перевода в формат PDF. Для этого секретарь вынужден формировать по каждому делу отдельную папку файлов, выгруженных из ГАС «Правосудие» в формате Word, в частности, повесток по каждому участнику, судебных актов, направляе-

мым каждому участнику; запросов, определений и т. п.; конвертировать каждый файл в формат PDF, последовательно открывая каждый Word-файл и меняя его формат; вновь прикреплять конвертированные в нужный формат файлы в ГАС «Правосудие» и обеспечивать подписание каждого файла PDF электронной подписью. Указанные операции производятся при каждой электронной отправке корреспонденции; таких отправок по каждому делу, как правило, бывает несколько. Для сокращения трудовых и временных затрат предлагается, чтобы конвертация файла в нужный формат производилась автоматически без необходимости осуществления ряда вышеперечисленных последовательных операций работником аппарата суда.

Кроме того, с этой же целью – сокращение трудовых и временных затрат – также хотелось бы программного решения вопроса по подписанию всех документов в пакете по конкретному делу, подлежащих единовременной отправке участникам судопроизводства, электронной подписью одновременно без необходимости входа в каждую повестку/документ и отдельному подписанию каждого документа, то есть судья, видя сформированный пакет документов в составе, к примеру, повесток сторонам, определений о подготовке дела к слушанию, одним нажатием соглашается на подписание каждого документа в пакете, а не подписывает все, условно говоря, 6 документов последовательно, т. е. не входит в каждый из них для подписания.

Также в настоящее время имеются ограничения по объему направляемых электронным способом текстов судебных отправлений – не более 5 листов формата А4 в одном письме, что исключает возможность направления более объемных отправлений, в частности, большей части судебных актов.

В функционировании ГАС «Правосудие» регулярно появляются новые возможности, облегчающие работу с системой. Из необходимого работникам судов хотелось бы, чтобы были реализованы следующие функции:

- видимая отметка (например, идентификация цветом) в карточке дела, что материал, на основании которого было возбуждено

производство, поступил электронно; это имеет значение для работников аппарата, по данной метке понимающих необходимость дополнительного ведения электронного дела через браузер посредством сервиса «Электронное правосудие»;

- всплывающие окна при загрузке системы с уведомлениями о поступивших ответах по ранее направленным конкретным пользователем в модуле ДО запросам;

- всплывающие при загрузке системы окна с предупреждениями о неотправленных по техническим и иным причинам запросах, либо при превышении регламентных сроков получения ответов по указанным запросам (также индивидуально по каждому пользователю);

- всплывающие при загрузке системы окна с предупреждениями о недоставленных по техническим и иным причинам смс-сообщениях, отправленных конкретным пользователем (по истечении нормативного срока доставки);

- автоматически всплывающее предупреждение о нарушении срока рассмотрения дела (либо идентификация указанного дела цветом) не на стадии, когда указанное дело окончено, а в ходе производства по нему, в частности, когда ошибочно судьей посчитаны сроки и судебное заседание планируется к назначению за пределами установленных процессуальных сроков; указанное позволит оперативно принимать меры по исключению нарушения сроков;

- автозаполнение строк системы, то есть по введении, например, «Сбер», система должна предложить дозаполнить по принципу релевантности, исходя из частоты введения конкретным пользователем символов, «ПАО Сбербанк» либо ООО СК «Сбербанк страхование жизни» и т. п. При выборе пользователем юридического лица/физического лица (в данном случае – «ПАО Сбербанк») система должна дозаполнить иные необходимые графы (ИНН, адрес и т. п.) с возможностью внесения корректорских правок пользователем;

- формирование списка запросов в модуле ДО, исходя из наиболее часто используемых конкретным пользователем запросов (то есть в начале списка запросов в модуле ДО пользователю долж-

ны предлагаться наиболее часто осуществляемые конкретно этим пользователем запросы);

- распечатывание одним нажатием всех отчетов об отслеживании почтовых отправок, направленных в рамках одного дела электронно (в настоящее время необходимо заходить в каждое уведомление в отдельности и направлять его на печать);

- реализация возможности распечатывания нескольких отчетов об отслеживании почтовых отправок, направленных в рамках одного дела электронно, на 1 листе (сейчас каждый отчет распечатывается на листе формата А4, что влечет повышенный расход бумаги, излишнее количество листов в деле).

В настоящее время в случае подачи исковых заявлений в электронном виде суд обязан обеспечить ведение электронного дела пользователя с отражением движения поступившего материала (его статуса), размещением всех вынесенных в ходе рассмотрения дела процессуальных документов. Указанный функционал выполняется отдельно через браузер в сервисе «Электронное правосудие». При этом, по существу, во многом дублируется работа, проводимая в программе ГАС «Правосудие». В частности, производится повторное прикрепление судебных актов. Полагаем, что целесообразно произвести сопряжение указанных программных продуктов с автоматической выгрузкой имеющихся в ГАС «Правосудие» данных и прикрепленных документов в личный кабинет пользователя.

Следует отметить, что зачастую на практике у пользователей сайтов судов возникают затруднения в понимании различий между разделами сайтов судов: «Подача процессуальных документов в электронном виде», «Обращения граждан». Через раздел сайтов судов «Обращения граждан», равно как и посредством электронной почты суда идет стабильный поток процессуальных документов: исковых заявлений, заявлений об отложении дел, иных ходатайств по находящимся в производстве суда делам. Суд в силу действующего законодательства по процессуальным документам, направленным в ненадлежащем процессуальном порядке посредством раздела «Обращения граждан» сайта суда, электронной почты, направляет

заявителям ответ о необходимости надлежащей подачи процессуальных документов посредством раздела сайта суда «Подача процессуальных документов в электронном виде», что вызывает недоумение заявителей, считающих, что они «уже отправили документы в электронном виде через сайт суда».

Полагаем рациональным сформировать на сайтах судов единый раздел «Обращение в суд», объединяющий ныне существующие разделы: «Подача процессуальных документов в электронном виде», «Обращения граждан», «Внепроцессуальные обращения», который бы содержал интуитивно понятные любому лицу, в том числе не обладающему специальными юридическими познаниями, подсказки по подаче необходимых обращений. К примеру, при заходе в указанный раздел должно появляться окно с вопросом: «Вы хотите инициировать дело в суде либо подать заявление (документы) в рамках уже рассматриваемого дела?». При положительном ответе на указанный вопрос должно возникать окно с указанием: «Подача любых процессуальных документов (то есть имеющих юридическое значение для инициирования дела либо для движения в суде имеющегося дела) возможна только при наличии подтвержденной учетной записи на портале госуслуг, в ином случае Вы можете подать документы либо непосредственно в суд, либо путем направления почтовой корреспонденции на бумажных носителях через почтовые организации». При отрицательном ответе на вышеприведенный вопрос должно возникнуть окно с уточняющим вопросом: «Вы хотите запросить информацию (либо предоставить предложение, заявление) о деятельности суда НЕ в связи с каким-либо конкретным делом, либо НЕ в связи с планируемым обращением в суд, либо хотите подать жалобу на действия (бездействие) работников суда?». В последующем в зависимости от ответа на указанный вопрос должно появиться окно с предложением подачи конкретного запроса, предложения, жалобы с повторным указанием, что процессуальные документы, поданные в данном окне, не будут иметь юридического значения для рассмотрения конкретного дела или материала судом и не будут приобщаться к имеющимся в про-

изводстве суда делам, либо рассматриваться как заявления, инициирующие возбуждение какого-либо судебного производства.

Отмечаем, что имеющийся формат проведения судебных заседаний посредством видео-конференц-связи (далее также – ВКС) в связи с развитием информационных технологий несколько устарел. ВКС, безусловно, обеспечивая высокую степень защиты каналов передачи информации, требует при этом специального дорогостоящего оборудования, согласования возможности проведения таких заседаний с обеспечивающим ВКС судом, наличия двух судей в процессе, в том числе от обеспечивающего суда – для установления личности участников процесса, получения письменных документов и т. п.

Количество залов судебных заседаний, оборудованных ВКС, как правило, значительно меньше количества судей в судах. Все это в совокупности создает организационные трудности, конфликтные ситуации по делению указанных залов по времени. Часто встречается ситуация, когда одно заседание, организованное посредством ВКС, еще не закончилось, а уже должно начаться другое. Полагаем, что в перспективе возможность электронного взаимодействия с участниками процесса должна быть реализована с рабочего места (конкретного компьютера) судьи без выхода в отдельно оборудованный зал при идентификации участников судебного заседания посредством ЕСИА (по аналогии с сервисом он-лайн заседаний в арбитражных судах).

В последнее время в судах активно внедряется система электронного межведомственного взаимодействия. Однако до сих пор не реализовано имеющее острую каждодневную необходимость взаимодействие с органами ЗАГС (справки о рождении, о смерти, о браке), а также с органами МВД в части предоставления информации об адресе места регистрации гражданина по его ФИО и дате рождения, а также информации о лицах, зарегистрированных по конкретному адресу – указанный запрос необходим при рассмотрении наследственных, жилищных дел, дел об обращении взыскания на жилое помещение, однако данная информация не предоставляется ни управляющими компаниями ввиду законодательной отмены

поквартирных карточек, ни органами МВД – со ссылкой, что ведется пофамильный, а не поадресный учет лиц. Получить информацию о лицах, зарегистрированных в индивидуальном жилом доме, без явки этих лиц и предоставления ими домовой книги на практике невозможно.

В связи с изложенным полагаем необходимым в первоочередном порядке организовать межведомственное электронное взаимодействие с органами ЗАГС и МВД по указанным направлениям; отмечаем, что в век информационных технологий осуществить обработку имеющейся в МВД пофамильной информации о регистрации по критерию «Адрес» значительных технических затруднений не вызовет.

Кроме того, назрела необходимость преодоления сегментированности баз данных различных судов, а именно формирования единой базы данных по всем делам, находящимся в производстве всех судов общей юрисдикции и мировых судей, с предоставлением участникам судопроизводства и иным пользователям возможности поиска информации по любым делам «из одной точки» (прообразами могли бы послужить функционалы: «Картотека арбитражных дел», предоставляющий возможность поиска по ИНН/наименованию лица всех дел с его участием по всей Российской Федерации; а также система поиска дел, рассмотренных судами г. Москвы, посредством Официального портала судов общей юрисдикции г. Москвы).

В подведении итогов хотелось бы отметить, что нами затронуты лишь наиболее значимые в каждодневной деятельности судов проблемы использования цифровых сервисов по обеспечению судопроизводства и предложены пути их решения. Полагаем, что наиболее рациональным способом выявления имеющихся «узких мест» разработки, внедрения и эксплуатации цифровых сервисов явился бы регулярный централизованный сбор замечаний, предложений по работе цифровых сервисов от их пользователей. Такая «обратная связь» помогла бы разработчикам акцентироваться на конкретных потребностях конечных пользователей их продукции. Аналогичным образом необходимо организовать работу с элек-

тронными сервисами, используемыми судами, созданными сторонними лицами (в частности, личный кабинет судьи на портале Службы обеспечения деятельности уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг). В настоящее время замечания и предложения именно пользователей системы собираются разовым порядком либо вносятся инициативно заинтересованными лицами, что не обеспечивает системности подхода к разрешению имеющихся проблем. Регулярно осуществляемые ФГБУ ИАЦ запросы технических специалистов о проблемах в работе «ГАС Правосудие» освещают лишь техническую часть работы системы и не сконцентрированы именно на потребностях ее пользователей. При этом следует отметить, что не каждый пользователь имеет соответствующие навыки по анализу работы системы ГАС и склонности к новаторству для дачи предложений по улучшению работы сервиса. И тут очень важна роль руководителей судов по поиску соответствующих лиц из числа работников судов и стимулированию их к такой своеобразной форме общественно-полезной деятельности. Принятие указанных мер в комплексе позволит нам усовершенствовать нашу деятельность, ускорит рассмотрение дел, повысит качество судопроизводства в целом, то есть будет способствовать повышению уровня процессуальных гарантий правосудия.

Список литературы

1. Ильин В. Д. Большая Российская Энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/technology_and_technique/text/2015729?ysclid=lclx8fnnrk739906364 (дата обращения: 07.01.2023).

В. С. Балакиин,

*д.ю.н., профессор, профессор кафедры
судебной деятельности и уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический
университет имени В. Ф. Яковлева»,
г. Екатеринбург*

ПРОБЛЕМЫ ОТКАЗА ПРОКУРОРА ОТ ОБВИНЕНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ

Первого июля 2022 г. Уголовно-процессуальный кодекс РФ отметил свой круглый юбилей – 20 лет со дня введения в действие. Между тем не без оснований можно сказать, что этот юбилей не радуется положительными эмоциями. Несмотря на заверения некоторых из разработчиков данного закона о том, что УПК РФ – это достижение демократии в уголовном судопроизводстве, согласиться с такой оценкой весьма сложно. Не убеждает в обратном и достаточный период его применения, поскольку между тем вариантом УПК, который был принят в декабре 2001 г. и введен в следующем году в действие, и действующим Законом – две большие разницы. Однако справедливости ради надо отметить, что хотя его структура и изменилась, но концептуальная идея осталась без изменения. Данное обстоятельство, кстати, по мнению автора, не может не огорчать ученых-процессуалистов и правоприменителя. Главные причины этого – внутренняя непоследовательность, противоречивость, незавершенность ряда институтов и многих норм, а также приоритет идеологической составляющей над здравым смыслом и возможностью реализации норм, в которых эта составляющая заложена. Данный вывод без преувеличения можно распространить на институт отказа государственного обвинителя от обвинения. Вопросы к законодателю по поводу противоречий и несовершенства законодательной техники в регламентации его норм достаточно. Этому посвящены ряд работ ученых-процессуалистов. Некоторым

из них посвящена одна из совместных работ автора настоящей статьи². В данной статье обратимся к проблеме, которая касается, прежде всего, обеспечения при реализации норм исследуемого института принципа независимости судей и осуществления правосудия только судом.

Основания и порядок отказа государственного обвинителя от обвинения предусмотрены в ч. 7 ст. 246 УПК РФ. Согласно данной нормы, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Переводя указанные нормы на вербальный язык, государственный обвинитель вправе и обязан отказаться от обвинения, если представленные, исследованные и оцененные в судебном разбирательстве доказательства не подтверждают, во-первых: 1) событие преступления; 2) состав преступления в действиях подсудимого; 3) причастность подозреваемого или обвиняемого (подсудимого) к совершению преступления. А во-вторых, когда начинаем перечислять то, что касается «во-вторых», то сталкиваемся с примером либо невнимательности разработчиков УПК РФ и законодателей, либо с законодательной экономией, которая порождает только вопросы. Дело в том, что п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК отсылает к пп. 1–6 ч. 1 ст. 24 УПК, в пп. 1 и 2 которых уже содержатся указанные основания отказа (отсутствие события преступления и состава преступления в действиях подсудимого). Подобное дублирование порождает путаницу и дополнительные вопросы.

² См.: Балакшин В. С., Жумаканова Н. А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 184 с.

Не менее интересная проблема связана с вопросом о возможности отказа государственного обвинителя от обвинения на различных стадиях и этапах судебного производства. К данной проблеме автор обращался в коллективной монографии³. Однако затронутая проблема остается нерешенной и нуждается в дополнительном исследовании. В частности, в уголовно-процессуальном законе недостаточно четко урегулированы основания и порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с отказом прокурора от обвинения на предварительном слушании. Во-вторых, налицо противоречия в нормах, регламентирующих основания, порядок отказа и принимаемые судом в связи с этим итоговые решения при рассмотрении уголовного дела по существу.

Так, с одной стороны, согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. При этом полный или частичный его отказ от обвинения в ходе (подчеркнем) *судебного разбирательства* влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей части по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК. Однако, с другой – ч. 8 ст. 302 УПК РФ в категоричной форме предписывает суду, что если основания прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, указанные в пп. 1–3 ч. 1 ст. 24 УПК и пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 27 УПК, обнаруживаются в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу. Более того, в случаях, предусмотренных пунктами 1 (отсутствие события преступления) и 2 (отсутствие в деянии состава преступления) ч. 1 ст. 24 и пунктами 1 (непричастность подозреваемого

³ См.: Балакшин В. С., Балакшин В. В. Поддержание государственного обвинения по уголовным делам об умышленных убийствах : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 71–73.

или обвиняемого к совершению преступления)⁴ и п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК, суд должен *не прекратить* уголовное дело, а постановить оправдательный приговор. Причем никаких исключений для указанных случаев (например, отказ прокурора от обвинения) данная норма не допускает.

Приведенные требования согласуются с положениями п. 1 ст. 254 УПК, в силу которых суд вправе прекратить дело в судебном заседании, если во время судебного разбирательства будут установлены обстоятельства, указанные в пп. 3–6 ч. 1, в ч. 2 ст. 24 и пп. 3–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Из сказанного следует, что в процессе судебного разбирательства суд не вправе прекращать дело за отсутствием события преступления, состава преступления и непричастности подсудимого к совершению преступления. Это, на наш взгляд, полностью соответствует состязательной модели уголовного процесса, но данная проблема, к сожалению, законодателем решена, как отмечено ранее, непоследовательно и противоречиво. Более последовательной, по мнению автора, должна быть по данному вопросу и позиция Конституционного Суда РФ. Однако она сводится к тому, что прекращение судом в судебном заседании уголовного дела и (или) преследования, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допускается лишь по завершении исследования значимых для обвинения и защиты доказательств и при условии, что государственный обвинитель мотивировал свой отказ со ссылкой на предусмотренные законом основания, а законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде⁵.

Думается, что, разрешая данную проблему, нужно исходить из того, что в рассмотренном случае налицо конкуренция общей и

⁴ Применительно к судебному разбирательству речь, безусловно, идет о подсудимом.

⁵ См.: По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Рос. газ. 2003. 23 декабря.

специальной нормы – чч. 7, 8 ст. 246 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ. Поскольку ст. 302 является специальной нормой по отношению к ст. 246 и 254 УПК РФ, то следует руководствоваться требованиями ст. 302 УПК. Изложенным, представляется, и должен руководствоваться государственный обвинитель в подобных ситуациях, заявляя не об отказе от предъявленного органами предварительного расследования обвинения, а постановлении оправдательного приговора (полностью или в части предъявленного обвинения).

Список литературы

1. Балакшин В. С., Жумаханова Н. А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики : монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 184 с.
2. Балакшин В. С., Балакшин В. В. Поддержание государственного обвинения по уголовным делам об умышленных убийствах : монография. – М.: Юрлитинформ, 2020. – С. 71–73.

М. М. Богинский,
юрист, г. Ижевск

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Многочисленным проблемам безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства в последние годы уделяется достаточное внимание на страницах юридической печати. Опубликованы работы о проблемах внедрения международного опыта⁶ и правовых предписаний международных актов, регулирующих безопасность личности по уголовному делу⁷. Исследуются вопросы научного обоснования содержания и структуры процесса безопасности⁸, реализации отдельных мер безопасности, в том числе на уровне межотраслевых исследований⁹ и защиты отдельных участников процесса¹⁰.

⁶ См.: Епихин А. Ю. Законодательство зарубежных стран, обеспечивающее безопасность участников уголовного судопроизводства: лекция. Сыктывкар, 2003.

⁷ См.: Зайцев О. А., Епихин А. Ю., Мишин А. В. Проблемы имплементации международного опыта безопасности участников российского уголовного процесса // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2018. № 2. С. 3–7; Епихин А. Ю. Правовые основы безопасности личности и уголовного судопроизводства в отдельных международных документах // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2012. № 2. С. 12–14.

⁸ См.: Епихин А. Ю., Мишин А. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: учебное пособие. Казань, 2018; Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве // *Сер. Учебная литература. Сыктывкар: М-во образования Рос. Федерации, Сыктывк. гос. ун-т., 2004.*

⁹ Епихин А. Ю., Мишин А. В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // *Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* 2018. С. 202–211.

¹⁰ См., например: Епихин А. Ю., Тетерина Т. В. Совершенствование правового статуса потерпевшего в российском уголовном процессе. Сыктывкар, 2004 и др.

Стадия судебного разбирательства характеризуется многообразием применяемых процессуальных и внепроцессуальных мер безопасности. Нейтрализовать противодействие уголовному процессу в форме противоправного воздействия на личность на этой стадии можно путем применения мер, исключающих (минимизирующих) личный контакт участников уголовного судопроизводства, но при этом не посягающих на соблюдение гласности и состязательности. На наш взгляд, такой подход обеспечения безопасности личности лишней раз указывает на необходимость более широкого внедрения дистанционных технологий. Применение видео-конференц-связи в ходе судебного заседания позволит:

- 1) сохранить в тайне местонахождение защищаемого лица;
- 2) реже применять закрытое судебное заседание;
- 3) снизить интерес СМИ к уголовному делу;
- 4) повысить уровень доверия населения системам правосудия

в целом.

Кроме того, ЕСПЧ указал на возможность использования систем видео-конференц-связи, так как «эта форма участия в судебном процессе не противоречит понятию справедливое и публичное разбирательство», но подсудимому должна быть обеспечена возможность следить за разбирательством и быть услышанным без технических помех, а также эффективное и конфиденциальное общение с адвокатом¹¹.

К особенностям судебных стадий уголовного процесса, которые могут быть расценены в качестве детерминантов противодействия судопроизводству в форме противоправного воздействия на личность, мы относим следующее:

1) ранее неизвестные по каким-либо причинам личности должностных лиц становятся известны лицам, желающим оказать противодействие;

2) возникает возможность личного оказания воздействия на личность в зале суда;

¹¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 2 ноября 2010 г. «Дело «Сахновский против Российской Федерации». Жалоба № 21272/03 // СПС «КонсультантПлюс».

3) присутствие третьих лиц, представителей средств массовой информации (СМИ) на судебных заседаниях, в результате чего личности участников уголовного процесса становятся известны обществу.

Оказание противоправного воздействия на свидетелей и потерпевших может являться одной из причин их неявки по вызову в суд¹².

Этап подготовки к судебному заседанию имеет особенное превентивное значение с точки зрения борьбы с противодействием уголовному судопроизводству в форме противоправного воздействия на личность, которое может быть оказано на стадиях судебного производства, так как именно в этот период решениями судьи исполняются задачи:

- 1) по применению мер безопасности;
- 2) по обеспечению сохранения в тайне данных личности, решение о сохранении которых было принято на досудебных стадиях;
- 3) по избранию, отмене, изменению мер пресечения;
- 4) по подготовке зала судебного заседания;
- 5) по направлению службе судебных приставов поручения об обеспечении мер безопасности и создании условий для их применения.

Возложение на судью обязанности по решению задач обеспечения безопасности в судебном заседании не имеет четкого нормативного закрепления в полной мере, так как нормами УПК РФ не предусматривается обязанность судьи по принятию решения о применении новых, ранее не принятых мер безопасности, что создает предпосылки для оказания противоправного воздействия на личность с целью противодействия правосудию. В этой связи является целесообразным, на наш взгляд, внести корректировки в нормы УПК РФ, а именно включить в ст. 228 УПК РФ пункты 7, 8 в редакции:

«7) подлежат ли продлению, отмене или изменению ранее принятые меры безопасности;

¹² См., например: Быков В. М., Епихин А. Ю. Отложение судебного разбирательства и проблема истребования новых доказательств // Российская юстиция. 2007. № 4. С. 46–50.

8) имеются ли основания для применения мер безопасности, за исключением тех, что были приняты на досудебных стадиях»; а также ч. 4 ст. 227 УПК РФ изложить в редакции:

«Копия постановления судьи направляется обвиняемому, потерпевшему и прокурору. Копия постановления о применении меры безопасности направляется судьей прокурору и участнику уголовного судопроизводства, в отношении которого суд постановил применить меру безопасности».

Нейтрализация противодействия уголовному процессу на стадии судебного разбирательства достигается путем:

1) применения мер по обеспечению безопасности в зале судебного заседания, в том числе физической защиты, обеспечению соблюдения правил ведения съемки;

2) применения мер по сохранению в тайне ранее засекреченных данных;

3) применения мер по обеспечению безопасности личности в перерывах между судебными заседаниями.

Проведение закрытого судебного заседания на основании п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ может стать причиной нарушения общего условия гласности судебного разбирательства, так как формулировка указанной нормы представляется нам неточной. Предлагаем п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«в целях обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц при наличии угрозы совершения противоправного воздействия на них».

Предлагаемая формулировка направлена на решение двух задач: предусматривает конкретное основание и критерий, по которому должно приниматься решение о закрытии судебного заседания, а также предполагает обязанность суда в постановлении о проведении закрытого судебного заседания разъяснить, в чем выражается угроза или опасения ее возникновения (так как угроза в контексте данной нормы может быть и реальной, и возможной).

На стадии судебного разбирательства особое значение следует придавать обеспечению безопасности личности в перерывах

между судебными заседаниями, так как именно в этот период оказание противоправного воздействия на защищаемых лиц наиболее вероятно; у преступника возникает возможность для реализации своих целей (самостоятельно или при помощи иных лиц):

- 1) воздействия с целью повлиять на ход судебного следствия,
- 2) оказания воздействия на защищаемых должностных лиц для склонения их к принятию решений и совершению действий в свою пользу.

Таким образом, применение судом перечисленных средств обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в их системном понимании позволит создать необходимые условия для всестороннего и полного рассмотрения всех доказательств по уголовному делу, а в конечном итоге – вынести правосудных приговор.

Список литературы

1. Быков В. М., Епихин А. Ю. Отложение судебного разбирательства и проблема истребования новых доказательств // Российская юстиция. 2007. № 4. С. 46–50.
2. Епихин А. Ю. Законодательство зарубежных стран, обеспечивающее безопасность участников уголовного судопроизводства: лекция. – Сыктывкар, 2003.
3. Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве // Сер. Учебная литература. – Сыктывкар : М-во образования Рос. Федерации, Сыктывк. гос. ун-т., 2004.
4. Епихин А. Ю. Правовые основы безопасности личности и уголовного судопроизводства в отдельных международных документах // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 2. – С. 12–14.
5. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – 2018. – С. 202–211.

6. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: учебное пособие. – Казань, 2018.

7. Епихин А. Ю., Тетерина Т. В. Совершенствование правового статуса потерпевшего в российском уголовном процессе. – Сыктывкар, 2004 и др.

8. Зайцев О. А., Епихин А. Ю., Мишин А. В. Проблемы имплементации международного опыта безопасности участников российского уголовного процесса // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 2. – С. 3–7.

9. Дело «Сахновский против Российской Федерации». Жалоба № 21272/03: Постановление Европейского суда по правам человека от 2 ноября 2010 г. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.01.2023).

10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 02.01.2023. № 1 (часть I). Ст. 57.

О. Н. Булава,

*помощник судьи Первомайского районного суда
города Ижевска Удмуртской Республики*

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСУДИЯ

Конституция РФ содержит специальные статьи, которые устанавливают гарантии реализации прав и свобод человека и гражданина. Так, согласно ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде.

Оптимизация судебной защиты нарушенных прав граждан в Российской Федерации выходит на новый, более высокий уровень. Принимаются законы, способствующие повышению прозрачности и доступности системы правосудия. Предложения законодателя отвечают современным требованиям и идут в ногу с актуальными тенденциями, одной из которых является внедрение цифровых технологий практически во все сферы общественной жизни, в том числе и в судопроизводство. Традиционный способ фиксации процедуры рассмотрения гражданского дела в зале судебного заседания путем отражения его хода в бумажном протоколе судебного заседания представляет собой институт прошлого¹³.

Вместе с тем до настоящего времени в ст. 230 ГПК РФ, ст. 206 КАС РФ, ст. 259 УПК РФ закреплено право на составление протокола от руки. Однако такой документ не отражает полностью и достоверность всего, что происходит в суде. Написание протокола от руки не должно нарушать принцип гласности и законности правосудия.

¹³ Ткачева Н. Н. Обязательная аудиозапись судебного заседания как гарантия открытости и прозрачности правосудия // Администратор суда. 2018. № 4. С. 8–12.

Так, определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 августа 2002 года по делу № 4-Г02-26 решение областного суда отменено, и дело направлено в суд первой инстанции на новое рассмотрение из-за невозможности прочтения протокола судебного заседания по делу, а следовательно, невозможности уяснения смысла доводов и возражений участвующих в деле лиц, что нарушает права кассатора на судебную защиту, лишает возможности определить и представить все необходимые доказательства в опровержение вывода суда.

Закрепление в Федеральном законе от 29.07.2018 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» по ведению обязательной аудиозаписи судебных заседаний позволяет исключить возможность внесения в протокол судебного заседания недостоверной или искаженной информации (например, объяснений сторон, показаний свидетелей), повышает уровень ответственности секретаря судебного заседания за составление протокола судебного заседания.

Согласно ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 КАС РФ, ст. 241 УПК РФ разбирательство во всех судах РФ является открытым. Данная норма является реализацией конституционного принципа гласности, закрепленного в ст. 123 Конституции РФ.

Принцип гласности гражданского процесса выражается в том, что судебное заседание должно быть открытым, все присутствующие в зале судебного заседания лица вправе фиксировать ход открытого судебного заседания, в том числе с помощью средств аудиозаписи.

Частью 6 ст. 10 ГПК РФ, ч. 1 ст. 259 УПК РФ закреплено, что использование средств аудиозаписи и систем видео-конференц-связи, а также системы веб-конференции в закрытом судебном заседании не допускается. При этом в КАС РФ не предусмотрен запрет на осуществление аудиозаписи в закрытом судебном заседании. Часть 8 ст. 11 КАС РФ указывает на запрет использования систем видео-конференц-связи, а также системы веб-конференции.

Отметим, что со дня начала деятельности кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции

отсутствие в деле протокола судебного заседания в письменной форме при отсутствии аудио- или видеозаписи судебного заседания является безусловным основанием для отмены судебного акта (п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ). Иными словами, отмене на указанном основании не будут подлежать судебные постановления нижестоящих судов в случае отсутствия в материалах дела протокола судебного заседания в письменной форме при наличии материального носителя с аудиозаписями судебных заседаний¹⁴.

Между тем, несмотря на императивность требований, установленных ч. 1 ст. 259 УПК РФ об обязательности аудиопротokolирования, отсутствие в материалах уголовного дела аудиозаписи судебного заседания не является основанием, в безусловном порядке влекущим отмену судебного решения. К таким основаниям в настоящий момент отнесено отсутствие в материалах дела протокола судебного заседания, составленного в письменной форме (п. 11 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ) (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 89-УД20-8-А2, Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2021 г. № 77-5628/2021).

Аудиопротokolирование не может подменить собой составление протокола в письменном виде, поэтому его отсутствие влечет отмену судебного решения (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 апреля 2021 г. № 77-1173/2021, Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2021 г. № 77-364/2021).

В пункте 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2008 года № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» разъяснено, что поскольку протокол судебного заседания является одним из основных процессуальных документов, то он должен быть

¹⁴ Шестало С. С. Аудиозапись судебного заседания // СПС «Консультант-Плюс». 2023.

изложен полно, четко с точки зрения его прочтения, в той последовательности, в которой проводится судебное разбирательство.

С учетом изложенного протокол судебного заседания является полным лишь в том случае, если он последовательно отражает все существенные сведения о разбирательстве дела и совершении отдельного процессуального действия.

При этом Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в апелляционном определении от 14.09.2021 № 45-АПУ21-1сп указала, что положениями ст. 259 УПК РФ не предусматривается стенографирование показаний и выступлений участников процесса, однако при необходимости их дословное содержание участники процесса могли прослушать на аудиозаписи хода судебного процесса и вправе ссылаться на данную аудиозапись при обосновании своих доводов.

В определении Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 № 1461-О отражено, что, устанавливая нормативные требования к изготовлению протокола судебного заседания, наделяя участников уголовного судопроизводства правом знакомиться с ним (ч. 2–8 ст. 259 УПК РФ), уголовно-процессуальный закон также предусматривает возможность подать на него замечания (ст. 260 УПК РФ). Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2017 года № 21-П, данные положения обеспечивают право сторон довести до сведения суда свою позицию относительно отражения в протоколе судебного заседания вопросов, ставших предметом судебного разбирательства, и направлены на то, чтобы исправить выявленные в нем недостатки, имеющие значение для рассмотрения дела в вышестоящем суде. Поскольку как в случае удовлетворения, так и в случае отклонения замечаний они вместе с постановлением председательствующего приобщаются к протоколу судебного заседания (ч. 3 ст. 260 УПК РФ), что, в свою очередь, дает возможность ссылаться на них при обращении в суд вышестоящей инстанции.

Правильное составление и оформление протокола судебного заседания является одним из элементов в достижении качества отправления правосудия.

Так, определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.04.2021 № 77-1168/2021 приговор районного суда и апелляционное определение областного суда отменены в связи с процессуальным нарушением закона. В нарушение требований ч. 6 ст. 259 УПК РФ протоколы судебных заседаний суда первой инстанции подписаны только секретарем, осуществлявшим ведение протокола, однако не подписан судьей, председательствующим по делу. Указанное обстоятельство расценено как отсутствие протокола судебного заседания в том виде, в каком он должен быть оформлен в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Допущенные судами первой и апелляционной инстанции нарушения уголовно-процессуального закона в силу ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ явились существенными и повлиявшими на исход дела, в итоге привели к нарушению прав на справедливое судебное разбирательство.

Интересным является также случай, когда Указом Президента Российской Федерации судью районного суда г. Ижевска назначили на должность судьи Верховного Суда Удмуртской Республики в период, когда судья рассматривала уголовное дело, находящееся в стадии окончания судебного разбирательства.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в его Постановлении от 14.05.2015 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» назначение судьи в другой суд, по общему правилу, не отменяет его полномочие продолжить (окончить) рассмотрение дела, начатого с его участием.

Судья зачислена в штат Верховного Суда Удмуртской Республики после постановления приговора. Таким образом, после подписания Указа сохраняла статус судьи и имела полномочия по окончанию рассмотрения уголовного дела. С учетом тех же правовых позиций, принимая во внимание, что в силу ст. 259 и 260 УПК РФ именно председательствующий судья, рассмотревший дело по существу, обязан подписать протокол судебного заседания и рассмотреть

замечания на него, то после вступления в новую должность судья не была лишена полномочий по подписанию протокола судебного заседания, рассмотрению на него замечаний, поступивших впоследствии.

Аналогично и подписание протокола судебного заседания секретарем после ее увольнения из районного суда не является нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку указанным лицом выполнены предусмотренные ст. 259 УПК РФ соответствующие обязанности, вытекающие из занимаемой ею должности (Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07.04.2021 № 77-1392/2021).

Введение обязательной аудиозаписи судебного заседания стало определенным стимулом к максимальному соблюдению этических норм судьи, а также процессуальной формы рассмотрения дела. Сознание того, что все, что ты говоришь и каким образом, записывается и того, что это может быть использовано заинтересованными лицами в дальнейшем, безусловно, дисциплинирует¹⁵. Однако имеются случаи, когда аудиозапись судебного заседания приводит к прекращению полномочий судьи. Так, в сентябре 2022 года областная Квалификационная коллегия судей досрочно лишила судью полномочий, когда выяснила, что судья выражалась нецензурно, разговаривая с участниками процесса в зале судебных заседаний во внепроцессуальном порядке, что подтверждено аудиозаписью судебного заседания¹⁶ (решение дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2022 № ДК22-96).

Конституционный Суд РФ 15 апреля 2008 г. в своем Определении № 306-О-О разъяснил, что «положения части 6 статьи 259 УПК РФ не только закрепляют обязанность председательствующего и секретаря судебного заседания изготавить протокол и ознакомить с ним стороны, но и предусматривают возможность изготовления протокола судебного заседания по частям, а также право на озна-

¹⁵ Ткачева Н. Н. Указ. соч. С. 8–12.

¹⁶ Статья от 23.01.2023 со ссылкой на решение дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации № ДК22-96 // Интернет издание «Право.пу». URL: <https://pravo.ru/story/244970/>

комление сторон по их ходатайствам с частями протокола по мере их изготовления. Закрепление в законе такого права сторон обязывает суд обеспечить его реализацию».

Судебной коллегией Верховного Суда РФ было вынесено частное постановление от 7 февраля 2011 г. (когда, уголовное дело № 36-О11-1 было направлено в суд кассационной инстанции через один год и два месяца после постановления приговора), в котором он был вынужден указать в адрес председателя областного суда следующее: «Несмотря на значительный объем протокола судебного заседания и большое число участников процесса, мер к изготовлению протокола по частям, которые позволили бы существенно сократить время ознакомления сторон с протоколом и содержанием исследованных судом доказательств, председательствующим принято не было (кроме последних заседаний, в которых имели место выступления осужденных в прениях и с последним словом и оглашался приговор), в связи с чем стороны не имели возможности ознакомиться с частями протокола по мере их изготовления» (Бюллетень ВС РФ № 8 2011 года).

Законодатель изданием Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» определил способ защиты нарушенного права сторон на судопроизводство в разумный срок. В силу статьи 1 указанного Закона лицо, полагающее, что нарушено его право на судопроизводство в разумный срок, может обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 44 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», исследованию подлежат в том числе вопросы, связанные со своевременным изготовлением протокола судебного заседания и ознакомлением с ним сторон.

Так, судья Верховного Суда Удмуртской Республики в решении по делу № 3а-55/2021 от 18 марта 2021 года при рассмотрении административного искового заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок пришел к выводу, что районным судом г. Ижевска допущено нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства, в том числе при ознакомлении с протоколом судебного заседания. В нарушение ч. 7 ст. 259 УПК РФ суд не ознакомил с протоколом судебного заседания участников процесса в установленный срок, в течение 3 суток со дня получения ходатайства. Так, государственному обвинителю, защитникам предоставлена возможность ознакомления с протоколом спустя шесть с половиной месяцев. Административное исковое заявление было частично удовлетворено, с Российской Федерации в лице Министерства финансов Российской Федерации за счет средств федерального бюджета взыскана компенсация за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок.

Верховный Суд Российской Федерации в целях повышения качества правосудия реализует задачи по совершенствованию процессуального законодательства, в том числе путем унификации общих для всех видов судопроизводства процессуальных норм с сохранением специфики рассмотрения дел в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

«Учитывая, что в настоящее время обязательное аудиопроколирование судебного заседания обеспечивает объективную и полную фиксацию судебного разбирательства, предлагаю обсудить возможность исключения необходимости составления протокола судебного заседания в письменной форме в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве», – сказал Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев в ходе пленарного заседания Совета судей РФ 24.05.2022.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 32 от 08.11.2022 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект федерального закона «О внесе-

нии изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым предлагается включить в ГПК РФ по аналогии с АПК РФ норму, согласно которой при проведении протоколирования с использованием средств аудиозаписи протокол в письменной форме является дополнительным средством фиксации данных о ходе судебного заседания, поскольку аудиозапись позволяет достоверно, последовательно отражать ход судебного разбирательства и обеспечивает возможность контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций за выполнением судом требований закона при разрешении конкретного дела.

Таким образом, указанным законопроектом предлагается внести изменения в ст. 229 ГПК РФ, убрав из данной статьи, что в протоколе судебного заседания должны указываться: объяснения лиц, участвующих в деле, показания свидетелей, сведения об оглашении письменных доказательств, содержание судебных прений, заключений прокурора и представителей государственных органов, органов местного самоуправления. Предлагается включить в протокол судебного заседания лишь следующее: распоряжения председательствующего и вынесенные судом в зале судебного заседания определения; устные заявления и ходатайства лиц, участвующих в деле, консультации специалистов; соглашения сторон по фактическим обстоятельствам дела и заявленным требованиям и возражениям.

С учетом того, что закрытые судебные заседания проводятся без аудиозаписи, указанным законопроектом оставлены требования полного ведения протокола судебного заседания, действующего в настоящее время.

Считаю, что данные положения законопроекта в целом помогут разгрузить работу секретаря судебного заседания, защитят права лиц, участвующих в деле, на судопроизводство в разумный срок и выведут на новый, более высокий уровень современное правосудие.

А. Ф. Галиакберов,
заместитель председателя
Верховного Суда Республики Татарстан,

А. Р. Гаянов,
председатель судебного состава
Верховного Суда Республики Татарстан,
кандидат юридических наук,

Л. Р. Хафизова,
начальник отдела правовой информатизации
Верховного Суда Республики Татарстан

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ

Развитие любого современного государства характеризуется направленностью в сторону информатизации и цифровизации. 2020 год наглядно продемонстрировал необходимость внедрения информационных сервисов во все органы власти, бизнес и общество.

Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов 9 февраля 2022 г., именно период пандемии ускорил процесс информатизации деятельности судов повсеместно, во всех отраслях, во всех сферах жизни. Наша судебная система должна быть полностью готова к такому широкому применению передовых технологий и в плане технического оснащения судов, и к обеспечению на самом высоком уровне судебной защиты прав граждан и юридических лиц [1].

В своем докладе по итогам работы судебной системы в 2022 году, озвученном 14 февраля 2023 года на совещании в формате веб-конференции судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев сообщил, что востребованность электронных ресурсов судебной системы возросла. Верховным Судом Российской Федерации внесены в Государственную

Думу проекты федеральных законов о дальнейшем расширении сферы применения цифровых технологий в судопроизводстве [2].

Созданная в России единая цифровая платформа позволяет интегрировать в судебную систему перспективные технологии в организации деятельности судов и судопроизводства. Например, профиль гражданина в единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА), биометрическая система, электронная подпись дают возможность решения актуальных задач организации судебной деятельности, таких как внедрение суперсервиса «Правосудие онлайн» путем доработки Государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» (ГАС «Правосудие»).

Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации до 2030 г., утвержденная постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 2 декабря 2019 г. № 785, способствует развитию онлайн-правосудия.

Согласно концепции планируется внедрение суперсервиса «Правосудие онлайн», который позволит создать единое защищенное информационное пространство для судов и перейти на электронный документооборот, распространить дистанционный формат подачи документов в суды, для отправления правосудия в судебных заседаниях с использованием информационно-коммуникационных средств (аудио- и видеосвязи), обеспечив дистанционное участие граждан в судебном процессе, для повышения удобства и обеспечения оперативности получения информации граждане смогут ознакомиться с материалами дела в личном кабинете и получить судебный акт или его копию в электронном виде.

Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев в своем докладе на совещании председателей верховных судов государств – членов Шанхайской организации сотрудничества 24 сентября 2021 г. также отметил, что осуществляются мероприятия по реализации сервиса «Правосудие онлайн», и привел статистические данные за 2021 год, согласно которым более 3 млн процессуальных документов поданы в суды в электронном виде, а количество обращений пользователей к ГАС «Правосудие» превысило 2,5 млрд запросов [3].

Особое значение в становлении электронного правосудия имеет нормативно-правовое регулирование данного вопроса. Как отмечает А. В. Аносов, информатизация судов предполагает, что суды используют в своей деятельности компьютеры и иную технику как вспомогательные средства, но не как процессуальные инструменты; электронное правосудие возникнет тогда, когда в наше процессуальное законодательство будут внесены изменения, позволяющие совершать процессуальные действия в цифровом формате [4].

С. В. Романенкова полагает, что под собственно электронным правосудием (или электронным правосудием в узком смысле) следует понимать закрепленную в законодательстве возможность осуществления процессуальных действий (таких как подача исковых заявлений, применение систем видео-конференц-связи, извещение участников) с использованием информационных технологий [5].

Можно также сказать, что электронное правосудие – это система обработки, передачи и хранения информации в юридически значимых процессах с использованием электронных средств и технологий.

Внедрение системы веб-конференций началось с принятия постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821, где в качестве возможного формата проведения судебных заседаний было обозначено использование системы видео-конференц-связи и (или) системы веб-конференции с учетом опыта Верховного Суда Российской Федерации.

Несмотря на ограниченность времени для внедрения новых сервисов, суды, в том числе Верховный Суд Республики Татарстан, обеспечили организацию судебных заседаний в режиме веб-конференции с использованием программных продуктов Vinteo и Avaya, которые совместимы с оборудованием ВКС Polycom.

Указанный положительный опыт судов при организации судебных заседаний с использованием веб-конференции был учтен при подготовке Федерального закона от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вступил в силу с 1 января 2022 года. Поправ-

ки коснулись и электронного документооборота, в частности, судебных извещений, доступа к материалам дела в электронном виде, а также предоставления документов в электронном виде в суд.

Модель электронного судопроизводства позволит обеспечить переход на бездокументарное взаимодействие граждан и представителей организаций с судами.

В настоящее время реализована возможность подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа через сервис «Электронное правосудие». Он позволяет подавать процессуальные документы в суд онлайн, а также получать копию судебного акта в форме электронного документа, используя личный кабинет пользователя, доступ к которому осуществляется посредством идентификации и аутентификации с использованием подтвержденной учетной записи физического лица ЕСИА или с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи.

В свою очередь, на стороне суда с помощью программного изделия «Судебное делопроизводство и статистика» (ПИ «Судебное делопроизводство и статистика»), используя встроенный модуль «Документооборот», судьями осуществляется подписание судебного акта усиленной квалифицированной электронной подписью в электронном виде и предоставление доступа к делу сторонам. Таким образом, подписанный акт хранится в электронном виде и по запросу сторон может быть открыт доступ на интернет-портале ГАС «Правосудие» (www.sudrf.ru) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что явилось первым шагом к созданию электронного архива дел. За 2022 год Верховным Судом Республики Татарстан было подписано и размещено 17 655 судебных актов.

Поправки, внесенные в Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», коснулись судебных извещений, в отношении которых закрепляется отправка судебных извещений с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия или посредством информационной системы организации федеральной почтовой связи, при этом лица, участвующие

в деле, и другие участники процесса также считаются извещенными надлежащим образом судом в случае наличия доказательств доставки судебного извещения в систему электронного документооборота участника процесса посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия или систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)».

В Республике Татарстан в 2019 году Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации совместно с Верховным Судом Республики Татарстан и Управлением Судебного департамента в Республике Татарстан в тестовом режиме создали личные кабинеты для судей и их помощников с возможностью осуществления предпочтительной подготовки судебных извещений, а в дальнейшем и судебных актов.

Анализ работы в тестовом режиме нового сервиса позволил сделать вывод, что он предоставляет возможность получать информацию в электронном виде о статусе извещения, что является ключевым моментом при принятии решения о возможности проведения судебного заседания.

Вместе с тем данный вид отправки не исключал необходимость печати конвертов, извещений и фактически сохранял пересылку в бумажном виде.

В целях изменения и модернизации существующего вида отправки судебных извещений акционерное общество «Почта России» (АО «Почта России») разработало новый цифровой сервис «Электронные заказные письма», который соответствует современным информационным стандартам и позволяет направлять в суд извещения с использованием платформы АО «Почта России» без документирования отправлений и судебных извещений в судах.

В случае, если гражданин зарегистрирован в федеральной государственной информационной системе ЕСИА и дает согласие на получение писем в электронном виде, то отправления разряда «судебные» такой гражданин сможет получать в личном кабинете, с одновременным информированием адресата на мобильные устройства. При данном виде отправки письма пересылаются по защи-

ценным каналам связи, доступ к письмам разрешен только отправителю и адресату. В том случае, если гражданин не зарегистрирован в ЕСИА, почтовое отправление разряда «судебное» организацией почтовой связи будет сформировано в бумажном виде и направлено адресату через традиционное почтовое отправление.

Сервис позволил оптимизировать работу аппарата суда, однако ответственному сотруднику за формирование извещений необходимо было проделать ряд действий в разных программных продуктах, создавать судебное извещение в специализированном программном изделии «Судебное делопроизводство и статистика», выгружать реестр с адресами, номерами дел и Ф. И. О. лиц, участвующих в деле, в формате xls-файла согласно требованиям АО «Почта России» и в дальнейшем загружать реестр в онлайн-сервис «Отправка».

С целью снижения трудозатрат АО «Почта России» совместно с Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации интегрировали сервис в ПИ «Судебное делопроизводство и статистика».

В 2022 году Верховным Судом Республики Татарстан было направлено 23386 судебных извещений с использованием модуля документооборота ПИ «Судебное делопроизводство и статистика».

Использование электронных документов уменьшает вероятность ошибок, связанных с ручным вводом информации. Более того, электронное правосудие позволяет судам хранить более подробную и точную информацию о делах, что упрощает процесс поиска и анализа данных.

Однако переход к электронному правосудию требует значительных затрат на технологическое обеспечение, инфраструктуру и обучение персонала. Кроме того, необходимо обеспечить безопасность и защиту данных, чтобы гарантировать конфиденциальность сведений и надежность всей системы в целом.

Подводя итоги можно указать, что в условиях цифровой модернизации перед судебной системой открываются новые перспективы развития, которые подразумевают отказ от традиционных схем взаимодействия с участниками судопроизводства и ведения

судебного делопроизводства, созданию судебных дел в электронном виде, что позволит добиться более высокого качества судопроизводства, повысить прозрачность в принятии решений, обеспечить дополнительные удобства участникам судебного процесса и значительно снизить нагрузку на судей и сотрудников аппарата суда.

Список литературы

1. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/67743> (дата обращения: 20.02.2023).
2. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Лебедева В. М. по итогам 2022 г. – URL: https://www.supcourt.ru/press_center/news/32142/ (дата обращения: 20.02.2023).
3. URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/30377/ (дата обращения: 09.01.2023).
4. Аносов А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – С. 72–73.
5. Романенкова С. В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 4. – С. 26–31.

Э. Р. Гафурова,

к. ю. н., доцент кафедры теории

и истории государства и права ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Конституция Российской Федерации определяет основные права и свободы человека, а также устанавливает гарантированность признания, соблюдения и защиты прав и свобод, чести и достоинства человека и гражданина как приоритетную обязанность современного государства [1]. Поэтому одной из основных задач уголовного судопроизводства и важнейшей его функцией выступает обеспечение процессуальных гарантий его участников.

Е. Ю. Морева определяет процессуальные гарантии как содержащиеся в нормах права правовые средства, обеспечивающие всем субъектам уголовно-процессуальной деятельности возможность выполнять обязанности и использовать предоставленные права [4, с. 51].

По мнению Л. Д. Кокорева под уголовно-процессуальными гарантиями понимается система правовых средств, установленных законом для надлежащего отправления правосудия, защиты прав и свобод человека в уголовном процессе, осуществления задач судопроизводства по уголовным делам [5, с. 44].

Соглашаясь с позициями авторов, на наш взгляд, уголовно-процессуальные гарантии участников уголовного судопроизводства – это совокупность норм, которые реально обеспечивают гарантированность защиты и реализации прав и свобод, чести и достоинства человека и гражданина.

Участники уголовного судопроизводства наделены особым спектром прав, направленных на реализацию осуществления правосудия. Обратим внимание на гарантии прав лиц, которые освобождаются судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Так, в 2016 году в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство были внесены соответствующие изменения, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности (далее – УО) лиц, виновных в совершении преступлений небольшой или средней тяжести [6, с. 36].

Согласно ст. 104.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) судебный штраф выражается в денежном взыскании, назначаемом судом при освобождении лица от УО при наличии оснований, указанных в ст. 76.2 УК РФ [2].

Указанная уголовно-правовая мера может быть применена только в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или же средней тяжести, а также в случае, если оно возместило ущерб либо иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Часть 1 ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет, что суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения соответствующего ходатайства вправе назначить виновному лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [3].

С таким ходатайством к следователю или дознавателю в рамках предоставленных уголовно-процессуальным законом прав вправе обратиться обвиняемый, подозреваемый или же их защитники. Если в последующем по делу следователем или дознавателем будут установлены основания для прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа, то они направляют в суд соответствующее ходатайство.

Применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и решение вопроса об освобождении виновного лица от УО находится в исключительной компетенции судебных органов [6, с. 37].

Глава 51.1 УПК РФ посвящена судебному производству назначения уголовно-правовой меры при освобождении от УО. Судья в соответствии с наделенными полномочиями рассматривает поступившее ходатайство и выносит постановление о его удовлетворении или об отказе в удовлетворении.

В случае удовлетворения ходатайства судья с учетом материального положения освобожденного от УО лица и его семьи, руководствуясь ст. 104.5 УК РФ, определяет срок, в течение которого лицо обязано уплатить судебный штраф.

Лицо, в отношении которого применена мера уголовно-правового характера в виде назначения судебного штрафа, имеет право обжаловать вынесенное судом постановление в апелляционном порядке.

Рассмотрим пример судебной практики о применении меры уголовно-правового характера, предусмотренной ст. 76.2 УК РФ.

В марте 24 марта 2021 года старшим следователем СО МО МВД России «Ярцевский» Смоленской области с согласия начальника СО вынесено постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела в отношении обвиняемого К. А. Н. и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Ходатайство мотивировано тем, что К. А. Н. имеет постоянное место жительства, ранее не судим, впервые совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК РФ, относящееся к категории преступлений небольшой тяжести, вину в инкриминируемом ему деянии признал в полном объеме, раскаялся в содеянном, а также в ходе предварительного следствия давал последовательные признательные показания, чем активно способствовал раскрытию и расследованию преступления. Ущерб, причиненный потерпевшему, возместил в полном объеме. По результатам рассмотрения заявленного ходатайства Ярцевский городской суд Смоленской области удовлетворил ходатайство старшего следователя СО МО МВД России «Ярцевский» Смоленской области о прекращении в отношении К. А. Н. уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с учетом соблюдения условий ст. 76.2 УК РФ и наличием смягчающих обстоятельств [8].

Таким образом, подтверждается соблюдение обязательных условий, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, для освобождения от УО лиц, виновных в совершении преступлений небольшой или

средней тяжести. Процессуальные гарантии права на судебную защиту реализованы ранее обвиняемым гражданином К. А. Н. в объеме, не запрещенном законом.

Отметим, что главная процессуальная гарантия в виде права подозреваемого или обвиняемого на защиту (ст. 16 УПК РФ), которое они могут осуществлять всеми не запрещенными законом способами и средствами [7], при применении к виновному в совершении преступления небольшой или средней тяжести обеспечивается и при назначении судебного штрафа.

Например, если лицо, в отношении которого вынесено постановление о назначении судебного штрафа, не согласно с размером установленного денежного взыскания, то согласно ч. 7 ст. 446.2 УПК РФ, с учетом положений ст. 16 УПК РФ и ст. 46 Конституции РФ, может обжаловать такое решение в апелляционном порядке.

По нашему мнению, подводя итог вышеизложенному, прослеживается некий цикл обеспечения процессуальных гарантий обвиняемого (подозреваемого) лица в совершении преступления при применении судебного штрафа и освобождении их от УО.

Во-первых, при обращении подозреваемых, обвиняемых или их защитников с соответствующим ходатайством о назначении судебного штрафа к дознавателю, следователю и суд. Так как подозреваемый, обвиняемый или защитник с учетом предоставленных им полномочий имеют право заявлять ходатайства (п. 5 ч. 4 ст. 46, п. 5 ч. 2 ст. 47, п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Во-вторых, при обязательном рассмотрении такого ходатайства судебными органами и вынесении по нему решения. Следователь или дознаватель с согласия руководителя следственного органа или прокурора выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении судебного штрафа (ч. 4–6 ст. 446.2 УПК РФ).

В-третьих, при предоставлении права на обжалование постановления суда о назначении судебного штрафа и освобождении от УО в связи с прекращением уголовного дела или уголовного преследования в апелляционном порядке (ч. 7 ст. 446.2 УПК РФ).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

4. Морева Е. Ю. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе // Новый юридический вестник. 2017. № 2 (2). С. 50–53.

5. Овчинников Ю. Г. Понятие уголовно-процессуальных гарантий // Вестник ЮургУ. 2011. № 19. С. 42–46.

6. Якубова С. М. О прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Сетевое издание «Академическая мысль». 2019. № 1 (6). С. 35–39.

7. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Российская газета. 2015. № 150.

8. Постановление Ярцевского городского суда Смоленской области № 1-129/2021 от 3 июня 2021 г. URL: <https://sudact.ru/>.

*Д. Р. Гимазетдинов,
к.ю.н., доцент кафедры «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический
университет имени М. Т. Калашникова»*

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ В.В. ПУТИН О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В УСЛОВИЯХ СВО

Одним из основных способов разрешения возникающих в социуме конфликтов практически во все времена было и остается осуществление правосудия по юридическим делам.

Правосудие есть не что иное, как разрешение юридического дела по своему существу. В результате рассмотрения юридического дела, относимого к категории гражданских, суд должен четко ответить на вопрос о том, кто в гражданском правовом деликте является истцом, а кто – гражданским ответчиком, и, определив степень виновности гражданского ответчика в деликте, назначить вид и размер подлежащих с него взысканий. Результат в рассмотрении уголовного дела должен быть четкий, однозначный – ответ о виновности подсудимого в инкриминированном преступлении, о квалификации содеянного по соответствующей уголовно-правовой норме и о виде и размере назначаемого подсудимому уголовного наказания. Правосудие по уголовным делам предполагает доказанность наличия в деянии подсудимого всех составляющих обвинения в его материально-правовом содержании, включающих в себя такие его части, как фактическая фабула обвинения, его юридическая формулировка и правовая квалификация обвинения по соответствующей статье УК РФ. Итоговая часть осуществления правосудия по уголовным делам выражается в признании подсудимого виновным в инкриминированном преступлении и назначении ему уголовного наказания с указанием его вида, размера и условия отбывания.

Содержание всех составляющих частей постановляемого судом приговора законодатель связал с его видом, четко указав при

этом на то, что должно содержаться в вводной части любого приговора (ст. 304 УПК РФ), в описательно-мотивировочной и резолютивной частях оправдательного (ст. 305, 306 УПК РФ) и обвинительного (ст. 304, 308 УПК РФ) приговоров. В ст. 309 УПК РФ указывается и на то, что в резолютивной части приговора должны содержаться и принятые судом решения по предъявленному гражданскому иску по уголовному делу, по вопросу о судьбе вещественных доказательств и о распределении процессуальных издержек, а также разъяснения о порядке и сроках обжалования приговора, включая право осужденного и оправданного ходатайствовать об их участии в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции.

Свое выступление 14 февраля 2023 г. на традиционном ежегодном совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Российской Федерации Президент России В.В. Путин начал с указания на то, что «в любой части государственного механизма есть комплекс вопросов, требующих к себе особого внимания. Но для того, чтобы делать все, что в интересах нашего государства и наших граждан (а все, что в интересах граждан – это в интересах государства), для этого вам (т. е. судьям – авт.) необходимо использовать все инструменты и правовые механизмы, которые вы вправе использовать в интересах наших граждан, для содержательного развития России в целом» [1].

Внимательно выслушав отчет Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева о работе судов судебной системы России в 2022 году и в целом одобрив всю проделанную работу, Президент России В.В. Путин счел необходимым обратить самое серьезное внимание на необходимость усиления социальной направленности российского правосудия как важнейшей части укрепления человекоориентированного характера современного российского государства. При этом в связи с проводимой на Украине специальной военной операции (СВО) особое внимание им уделено военнослужащим и мобилизованным гражданам. Отметив позитивное в уже принятых в этом направлении решениях, Президент настаивает на том, что рассмотрение дел, в которых военнослужащие,

являясь стороной в деле, участвуют в боевых действиях в составе Вооруженных Сил и в других воинских формированиях России, «должно вестись самым тщательным образом, в том числе с учетом конкретных жизненных обстоятельств и ситуаций». В качестве одной из главных правовых задач 2023 года должно стать, по мнению Президента, то, что «права военнослужащих и членов их семей должны быть защищены всей силой закона».

Подчеркнув, что «судебная власть через правоприменительную практику всегда влияла на формирование в нашей стране благоприятного делового, инвестиционного климата», Президент обратил особое внимание судебной власти «на законодательные гарантии защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования, включая запрет на продление срока содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в преступлениях в экономической сфере, а также избрания для них мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества» посредством, в частности, внесения для обеспечения надлежащего поведения таких мер пресечения, как залог и домашний арест, что, естественно, позитивно скажется на дальнейшем развитии правоприменительной деятельности, что особенно важно в условиях санкционной агрессии против России.

В завершении своего выступления Президент России В.В. Путин еще раз напутствовал весь судейский корпус страны к еще более активному и плодотворному использованию всех инструментов и правового механизма защиты прав и свобод наших граждан, для суверенного пребывания России в целом.

Список литературы

1. Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70510> (дата обращения: 17.02.2023)

С. М. Даровских,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры

*Южно-Уральского государственного университета
(национального исследовательского университета),*

О. И. Даровских,

д.ю.н., доцент, доцент кафедры

*Южно-Уральского государственного университета
(национального исследовательского университета),*

г. Челябинск

ТРЕБОВАНИЕ К КАЧЕСТВУ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

На сегодняшний день вопрос об обеспечении прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, остается одним из самых актуальных.

По результатам прокурорской деятельности в Челябинской области за 2022 год было выявлено более 72 тысяч нарушений в сфере надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В эти данные включены и нарушения прав пострадавших лиц при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях – 33829. К дисциплинарной ответственности было привлечено более 900 должностных лиц [6]. Данные о выявленных нарушениях в целом по Российской Федерации также говорят о росте нарушений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства [7]. Даже эта краткая статистическая информация свидетельствует о том, что нарушения прав и законных интересов участников уголовного процесса допускают должностные лица при реализации ими своих полномочий.

Нарушения допускаются как в форме ошибок, вызванных недостаточными знаниями и отсутствием практических навыков правоприменительной деятельности, так и в форме умышленных

действий, как результат неправильно понимаемых целей и задач своей деятельности, но и в том и другом случае нельзя говорить о том, что деятельность указанных лиц, осуществлялась качественно.

Этимология данного слова «качественный» означает «очень хороший, высокий по качеству», а «качество» – «то или иное свойство, признак, определяющий достоинство чего-нибудь, чего-либо» [5, с. 271, 727].

Под качественной процессуальной деятельностью можно понимать [1, с. 85, 88] «...совокупность таких объективно присущих этой деятельности свойств, которые обеспечивают достижение назначения уголовного судопроизводства». В науке не сформировалось единого мнения относительно понятия и содержания «качественная уголовно-процессуальная деятельность».

Говоря о качественном расследовании, К. В. Степанов [10, с. 9–10] указывает, что это «...всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела в установленном законом порядке, что в ходе него в полной мере должна быть обеспечена защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защищена личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». Сложно согласиться с таким подходом, потому что всестороннее, полное и объективное расследование не гарантирует его качество; следователь может допускать ошибки при квалификации действий обвиняемого, неправильно применять норму закона.

Профессор Е. П. Ищенко [2, с. 120–134] под качественным расследованием полагает «...детальное планирование, отработку всех выдвинутых версий, деловое взаимодействие следователя с органом дознания, экспертами и специалистами, имеющими, как и он сам, надлежащую профессиональную подготовку и опыт работы по специальности; разумное количество уголовных дел в производстве с учетом их сложности и давности совершения преступления, которое предстоит раскрыть, а уже затем расследовать; наличие технико-криминалистического обеспечения, адекватных тактических приемов производства следственных действий, а также крими-

налистической методики предварительного расследования данного состава преступления, наличие и интенсивности противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц и др.». Не согласиться с таким подходом ученого нельзя, но такой чисто криминалистический подход не позволяет определить пути обеспечения именно качественной процессуальной деятельности.

Нельзя согласиться и с мнением Н. В. Куприянович [3, с. 3], поскольку выделение критериев качества работы судей, связанных с достижением целей правосудия: законностью, обоснованностью и справедливостью каждого вынесенного решения (приговора) суда; своевременностью рассмотрения дел; качеством составления процессуальных документов (решений, приговоров, постановлений, определений) судьей, нельзя распространять на все уголовное судопроизводство, которое в каждой стадии имеет свои особенности.

Ряд ученых связывают качество уголовно-процессуальной деятельности с ее эффективностью, например, О. Н. Тисен [11, с. 29-32] и С. В. Поленина [9, с. 21] принимают качество и эффективность уголовного судопроизводства за синонимы, а Т. Г. Морщакова указывала на то, что нет четкого разграничения этих понятий [4, с. 4].

Исследование такой процессуальной категории, как качество требует рассмотрения характеризующих данное явление свойств.

Во-первых, качество отражает статику явления, в нашем примере это внутреннее наполнение уголовно-процессуальной деятельности, её сущность. Это правовая категория, определяющая содержательную часть этой деятельности, т. е. сам порядок производства. В зависимости от того, как проводятся следственные или процессуальные действия, на каком основании принимаются те либо иные решения, допускаются ли при этом ошибки и нарушения участвующие лица могут оценивать уголовно-процессуальную деятельность с позиции ее качественности.

Во-вторых, качество может иметь различные уровни: высокий, средний, низкий. О высоком уровне качества уголовно-процессуальной деятельности можно говорить только тогда, когда деятельность строго соответствует требованиям, изложенным в законе.

Средняя степень качества деятельности будет признана тогда, когда в процессе допускаются отступления от требований закона, не достигается назначение уголовного судопроизводства, выявляются нарушения или злоупотребления в деятельности должностных лиц. Например, затягивается время расследования, при совершении следственных действий допускаются нарушения, требующие повторных действий; жалобы, поступившие от участвующих лиц, признаются обоснованными и удовлетворяются, но при этом деятельность доводится до своего завершения, достигает требуемого результата. И последний уровень – это уровень низкого качества. О нем свидетельствуют отмены решений, принимаемых на любой стадии уголовного судопроизводства, признание процессуальных документов недействительными или недопустимым доказательством и пр.

В-третьих, качество правоприменительной деятельности обеспечивается принятием востребованных обществом нормативно-правовых актов, регулирующих данную деятельность, и качеством реализации положений уголовно-процессуального закона правоприменителями. Сложности данной деятельности проявляются в том, что на современном этапе законодатель не отличается продуманными, тщательно выверенными шагами по внесению дополнений и изменений в текст УПК РФ и разработкой новых положений. В России отсутствует концепция и судебной реформы, и предварительного расследования. Положения концепции, разработанной и принятой в 1991 году, уже не актуальны, не отвечают современным реалиям и требованиям. Предлагаемые учеными варианты не находят положительных откликов у законодателя, который продолжает бессистемно вводить нормы, часто между собой несогласованные.

Что касается обеспечения правильной, иными словами, качественной реализации положений закона, то это еще один достаточно сложный для правоприменителей вопрос. Органы, призванные интерпретировать нормы, в том числе и нормы уголовно-процессуального закона не всегда последовательны в своих решениях, и не всегда указанные решения ими принимаются своевременно. Это

создает трудности, неопределенность и неоднозначное понимание в выборе правильного решения.

В-четвертых, на качество правоприменительной деятельности оказывает влияние не только добросовестное выполнение своих процессуальных обязанностей должностными лицами, но и просто организационные и психологические аспекты деятельности правоприменителей. Например, тщательная подготовка к проведению следственных и процессуальных действий; умелое применение теоретических знаний на практике; разработка продуманных, построенных на выявленных обстоятельствах дела версий; выстраивание коммуникаций с обвиняемым, потерпевшим, свидетелями и пр.

В-пятых, на качество правоприменительной деятельности влияют как внешние факторы, собственно к процессуальной деятельности прямо не относящиеся, например, нагрузка судей, следователей, условия для работы; так и внутренние, к которым мы можем отнести уровень подготовленности лица к выполнению своих профессиональных обязанностей. На качественность деятельности должностных лиц, без сомнения, влияет их профессиональный опыт. Один раз проработав правовую проблемную ситуацию, правоприменитель сформирует для себя правило разрешения подобных ситуаций и в следующий раз, используя уже накопившийся опыт, применяет необходимую в каждом конкретном случае тактику.

Таким образом, решение указанных проблем не только обеспечит повышение качества процессуальной деятельности и достижение назначения уголовного судопроизводства, но и, в первую очередь, защиту прав и законных интересов участвующих в процессе лиц.

Качественно организованная и качественно осуществляемая деятельность нацелена на обеспечение прав и законных интересов граждан. Любые нарушения, влекущие снижение качества расследования, создают сложности для реализации участниками процесса своих прав. В первую очередь, это касается возбуждения уголовного дела. В этой связи логично привести еще одни статистические данные. Ежегодно количество вынесенных прокурором постановлений об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовных

дел, об отмене постановлений о прекращении уголовных дел и об отмене постановлений о приостановлении предварительного расследования растет. В 2021 году в Челябинской области прокурором было отменено 6448 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела [6]. В Удмуртской республике за 5 месяцев 2021 года прокурором и по его инициативе было отменено 1626 аналогичных постановлений [8]. В первую очередь, это говорит о нарушенных правах пострадавших от преступлений лиц, чьи права и интересы были нарушены не только лицом, совершившим преступление, но и должностными лицами, принимавшими данные решения. Это также говорит о некачественной деятельности правоохранительных органов, их попытке снизить объем своей нагрузки. Не исключая полностью возможность применения оснований для отказа в возбуждении уголовного дела по заявлениям пострадавших, полагаем, что правоприменители должны более ответственно подходить при решении этого вопроса, нежели чем искать причины для отказа пострадавшему в возбуждении уголовного дела.

Список литературы

1. Даровских О. И. Средства и способы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : монография. – М. : Юрлитинформ, 2022. – С. 85, 88.
2. Ищенко Е. П. К проблеме качества предварительного расследования // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 5. – С. 120–134.
3. Куприянович Н. В. Критерии эффективности деятельности мировых судей // Мировой судья. – 2006. – № 1. – С. 3.
4. Морщакова Т. Г. Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам (процессуальные, статистические и социологические аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – С. 4.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1989. – С. 271, 272.

6. Основные показатели надзорной деятельности прокуратуры Челябинской области за январь-декабрь 2022 года. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/statistics/office/result?item=85168560

7. Основные показатели прокурорской деятельности за ноябрь 2022 года. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=84263515>

8. Основные результаты деятельности прокуратуры Удмуртской Республики за 5 месяцев 2021 года. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_18/activity/statistics/office/result?item=63468106

9. Поленина С. В. Качество закона и эффективность законодательства / под ред. Я. А. Куник. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1993. – С. 21.

10. Степанов К. В. Проблемы качества предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 9–10.

11. Тисен О. Н. К проблеме повышения качества подготовки материалов уголовных дел, подлежащих рассмотрению судом с участием присяжных заседателей // Мировой судья. – 2008. – № 4. С. 29–32.

А. Ю. Епихин,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры

уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО

«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

г. Казань

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА РАЗУМНОСТИ СРОКОВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Согласно ч. 1 ст. 6 «Право на справедливое судебное разбирательство» Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантируется каждому «при предъявлении ему любого уголовного обвинения <...> право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок»¹⁷. В подп. «с» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах закреплено право каждого на рассмотрение уголовных дел «без неоправданной задержки»¹⁸. На основании ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

Эти правовые положения в настоящее время закреплены в УПК РФ в качестве принципа уголовно-процессуальной деятельности (ст. 6.1).

Осуществление уголовного правосудия в разумные сроки – принцип в отечественном уголовном процессе относительно новый, он введен в УПК РФ на основании Федерального закона от

¹⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

¹⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17. Ст. 291; Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.

30.04.2010 № 69-ФЗ¹⁹, который дополнил другие процессуальные кодексы таким же исходным положением: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс²⁰. Этим же законом установлена компенсация выплат гражданам от государства в случае признания срока производства по делу неразумным.

Внесение указанных изменений в УПК РФ было сделано на основании Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ, который впервые в истории отечественного законодательства установил право граждан на получение компенсации при неразумности производства по уголовному делу²¹.

Одной из причин введения этого принципа, как полагаем, являлось достаточно большое количество обращений граждан Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека и его решения, обязывавшие России выплачивать определенные компенсации

¹⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 03.05.2010. № 18. Ст. 2145.

²⁰ См.: Белякова А. В. Судебная практика по отдельным категориям дел в контексте правового мониторинга (на примере института защиты права на судопроизводство в разумный срок) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 127–141; Хасаншин И. А. К вопросу об исчислении нормативных сроков судебного разбирательства как одной из основных процессуально-правовых гарантий осуществления судопроизводства в разумный срок // Вестник гражданского процесса. 2012. № 5. С. 41–46; Поляков И. Н. Разумные сроки судопроизводства: понятие и значение // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 33–37; Епихин А. Ю. Безопасность личности как принцип уголовного процесса // Российский следователь. 2002. № 4. С. 13–17 и др.

²¹ О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 03.05.2010. № 18. Ст. 2144.

именно в связи с длительностью (неразумностью) производства по уголовному делу.

Отметим, что в содержание ст. 6.1 УПК РФ за относительно небольшой период времени периодически вносились изменения и дополнения, которые законодатель был вынужден исполнить на основании принятых решений Конституционного Суда Российской Федерации. Он неоднократно признавал положения ст. 6.1 УПК РФ или практику её применения не соответствующими конституционным положениям.

Так, содержание и правоприменение положений ст. 6.1 УПК РФ неоднократно было предметом внимания со стороны Конституционного Суда Российской Федерации: принято 3 соответствующих постановления, которые существенно изменили содержательность действия принципа разумности и определили его более существенную направленность на защиту прав граждан на разумный срок:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2014 № 28-П содержит правовую позицию (легальное толкование) ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ (по жалобе В. В. Курочкина и др.) для правоприменения²².

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П: Конституционный Суд признал спорную ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства для потерпевшего не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента возбуж-

²² По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. В. Курочкина, А. Б. Михайлова и А. С. Русинова: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2014 № 28-П // Собрание законодательства РФ. 24.11.2014. № 47. Ст. 6632.

дения уголовного дела об этом преступлении в вышеуказанных случаях (по жалобе Б. А. Сотникова)²³.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 6-П: «Лицу, которому преступлением причинен вред, должна обеспечиваться реальная судебная защита в форме восстановления нарушенных прав и свобод, в том числе возможность воспользоваться правом на судопроизводство в разумный срок. Эта возможность зависит как от своевременности, тщательности, достаточности и эффективности мер, предпринятых для объективного рассмотрения соответствующих требований, так и от продолжительности досудебного производства, включая период со дня подачи заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о признании лица, подавшего заявление, потерпевшим» (по жалобе Э. Р. Юровских)²⁴.

Эти решения Конституционного Суда Российской Федерации обязали законодателя внести соответствующие изменения и дополнения в ст. 6.1 УПК РФ: принято 6 федеральных законов:

1. Дополнение ст. 6.1 УПК РФ новой частью 3.1 на основании Федерального закона от 21.07.2014 № 273-ФЗ²⁵.

2. Уточнение формулировки ч. 3.1 в силу Федерального закона от 30.12.2015 № 440-ФЗ²⁶.

²³ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б. А. Сотникова: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П // Собрание законодательства РФ. 24.06.2019. № 25. Ст. 3315.

²⁴ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Э. Р. Юровских: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 10.02.2020. № 6. Ст. 743.

²⁵ О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 273-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 28.07.2014. № 30 (Часть I). Ст. 4274.

3. Дополнение ст. 6.1 УПК РФ новой частью 3.2 на основании Федерального закона от 29.06.2015²⁷.

4. Дополнение новой частью 3.3 ст. 6.1 УПК РФ (Федеральный закон от 03.07.2016 № 331-ФЗ)²⁸.

5. Изменена новая редакция ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ на основании Федерального закона от 31.07.2020 № 243-ФЗ²⁹.

6. Дополнение ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ новым содержанием на основании Федерального закона от 05.12.2022 № 476-ФЗ³⁰.

Основные причины длительности рассмотрения дел судами отражены в Постановлении Верховного Суда от 27.12.2007 года³¹: волокита и грубое или систематическое нарушение судьями сроков (привлечение квалификационной коллегией судей к дисциплинарной ответственности вплоть до прекращения их судебных полномочий); отсутствие надлежащего контроля за «прекращением обстоятельств, послуживших основанием для приостановления производства по делу, что приводит к увеличению времени нахождения дел в производстве судов»; недостаточная организация работы суда,

²⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: Федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (часть I). Ст. 60.

²⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2015 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 06.07.2015. № 27. Ст. 3981.

²⁸ О внесении изменения в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 № 331-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (часть II). Ст. 4264.

²⁹ О внесении изменения в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 243-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5002.

³⁰ О внесении изменений в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 05.12.2022 № 476-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 12.12.2022. № 50 (Часть III). Ст. 8770.

³¹ О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 52 (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

несвоевременное изготовление судебных актов; большая нагрузка на судей; «длительность прохождения судебных извещений о времени и месте судебного заседания, ненадлежащее качество дознания и предварительного следствия по уголовным делам, трудности формирования коллегии присяжных заседателей, неявка в судебные заседания без уважительных причин адвокатов» по назначению.

Другое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 рекомендует оценивать компенсацию не как направленную на восполнение имущественных потерь заинтересованного лица. Она не «заменяет собой возмещения имущественного вреда, причиненного ему незаконными действиями (бездействием) государственных органов, в том числе судов»³².

Таким образом, по нашему мнению, можно сделать вывод о том, что правоприменение положений ст. 6.1 УПК РФ, в том числе судебное, находится, к нашему сожалению, не на стороне защиты прав и законных интересов граждан. Подтверждением этому является отсутствие положительных судебных решений различных инстанций при обращении граждан за судебной защитой по многочисленным вопросам получения компенсации ввиду нарушения принципа разумности уголовного судопроизводства. И только правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации позволила применять положения ст. 6.1 УПК РФ в пользу гражданина.

Список литературы

1. Белякова А. В. Судебная практика по отдельным категориям дел в контексте правового мониторинга (на примере института защиты права на судопроизводство в разумный срок) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 127–141.

³² О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

2. Епихин А. Ю. Безопасность личности как принцип уголовного процесса // Российский следователь. 2002. № 4. С. 13–17.

3. Поляков И. Н. Разумные сроки судопроизводства: понятие и значение // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 33–37.

4. Хасаншин И. А. К вопросу об исчислении нормативных сроков судебного разбирательства как одной из основных процессуально-правовых гарантий осуществления судопроизводства в разумный срок // Вестник гражданского процесса. 2012. № 5. С. 41–46.

В. Е. Зварыгин,

к.ю.н., доцент, зав. кафедрой

уголовного права и криминологии ИПСУБ

А. М. Ахатова,

учебно-практическая лаборатория

«Юридическая клиника» ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ОХРАНА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА (СТ. 297 УК РФ)

Информационные технологии приобретают значение ключевого системообразующего фактора, в том числе при совершении преступлений, посягающих на процессуальную деятельность суда по рассмотрению и разрешению входящих в его компетенцию дел и иных лиц, содействующих достижению задач и целей правосудия [14].

Электронная или информационно-телекоммуникационная сеть (далее – ИКТ), включая сеть «Интернет», повышает степень общественной опасности содеянного, поскольку предоставляет возможность ознакомления с данной информацией неограниченного круга лиц, обеспечивает быстроту передаваемых сведений по электрическим сигналам, а также анонимизацию субъекта преступления.

Вместе с тем формирование и формулирование уголовно-правовых запретов должно осуществляться с учетом характера и степени общественной опасности деяний [11]. Вредоносность как отличительная особенность содержательной стороны общественной опасности [10] может быть выражена только в причинении вреда охраняемым уголовным законам объектам или в создании угрозы наступления вредных последствий [15].

Одним из наиболее опасных преступлений, посягающих на авторитет судебной власти, а также честь и достоинство участника судебного разбирательства, является неуважение к суду, ответственность за которое предусмотрена ст. 297 УК РФ.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления состоит в оскорблении (оценке личных качеств участника судебного разбирательства, выраженная в непристойной форме: в вербальной или демонстрационной) в связи с рассмотрением дела или материалов в суде.

П. Е. Кондратов утверждает, что оскорбление судьи или присяжного заседателя, мотивационно связанное с участием этих лиц в отправлении правосудия, квалифицируется **независимо от того, осуществлялось оно в ходе судебного разбирательства или в его перерыве, либо по окончании судебного заседания**. Оскорбление иных участников судебного разбирательства, если оно имело место вне судебного заседания и не повлияло непосредственно на ход судебного процесса, не подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ [6].

В. В. Коряковцев, К. В. Питулько не отграничивают лиц, в отношении которых могло быть выражено оскорбление, и привязывают данное деяние к конкретному месту (залу судебного заседания или зданию суда) и времени (периоду разбирательства по делу, включая объявляемые перерывы) [7].

Г. А. Есаков отмечает, что преступление, предусмотренное ст. 297 УК РФ, может быть совершено как в зале судебного заседания, так и за его пределами (в этом случае оскорбление лица **должно быть связано с его ролью в судебном разбирательстве**) [9].

И. С. Кара, С. В. Кара, придерживаясь позиции Г. А. Есакова, полагают, что оскорбление участника судебного разбирательства в любом случае охватывается диспозицией ст. 297 УК РФ [13].

А. В. Бриллиантов считает, что время является обязательным признаком лишь для оскорбления участников судебного процесса (ч. 1 ст. 297 УК РФ). Оскорбление судьи, присяжных заседателей и иных лиц, участвующих в отправлении правосудия, может быть совершено на всех этапах судебного производства, по его окончании, в перерыве судебного заседания [12].

Противоположной точки зрения придерживается А. И. Парог, который отмечает, что оскорбление перечисленных лиц вне зала

судебного заседания, хотя и в связи с рассмотрением дела или материалов, преступлением не является [8].

Суды также испытывают определенные трудности при решении вопросов относительно квалификации деяния по ст. 297 УК РФ. Так, согласно приговорам Верховного суда Удмуртской Республики № 22-2036/2019 от 4 декабря 2019 г. [3], Сарапульского городского суда Удмуртской Республики № 1-111/2018 от 29 ноября 2018 г. [4], Игринского районного суда Удмуртской Республики № 1-43/2017 от 31 июля 2017 г. [5] в качестве неуважения к суду может рассматриваться только такое оскорбление судьи или иного участника процесса, которое нанесено в официальной обстановке. В противном случае оскорбление не будет проявлением неуважения к суду и не способно причинить вред интересам правосудия.

При этом согласно Определению Верховного Суда РФ от 17.05.2012 № 47-О12-21СП: «...закон не связывает наличие данного состава преступления со способом оскорбления», поэтому оно может быть осуществлено в любой форме: «устно, письменно, с использованием электронных средств и т. п.». Так, действия К., разместившей в сети «Интернет» оскорбление в неприличной форме в отношении федерального судьи районного суда после вынесения процессуального решения, были квалифицированы по ст. 297 УК РФ [2].

В случае, если оскорбление непосредственно связано с судебным разбирательством (было осуществлено до такого разбирательства, так и во время и после него) и **содержалось в публичном выступлении**, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации (далее – СМИ) или ИТС, включая сеть «Интернет», то такие действия подпадают под ст. 297 УК РФ.

Тем не менее использование технических и технологических средств должно признаваться одним из вариантов проявления объективной стороны состава преступления и быть учтено при его уголовно-правовой квалификации в качестве квалифицирующего признака.

При этом выражение неуважения к суду посредством использования видео-конференц-связи (ВКС) не должно влиять на дифференциацию уголовной ответственности, поскольку использование

информационного сегмента в данном случае не является признаком объективной стороны состава преступления, а – средством коммуникации.

В случае, если оскорбление потерпевшего не связано с деятельностью по осуществлению правосудия, а направлено на унижение чести и достоинства судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, содеянное должно быть квалифицировано по ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». В данном случае лица, указанные в ч. 2 ст. 297 УК РФ, являются представителями власти, что следует из п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», в котором сказано, что **к исполняющим функции представителя власти** следует относить, в частности, лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов судебной власти [1].

Отсутствие потерпевшего (представителя власти) и(или) признака «публичности» исключает уголовную ответственность. Содеянное подпадает под признаки административного правонарушения (ст. 5.61 КоАП).

Приведенный нами анализ дает основание подвести следующие итоги:

1) Рассматриваемый нами состав преступления, предусмотренный ст. 297 УК РФ, не должен увязываться исключительно с рассмотрением дела или материалов в суде. При уголовно-правовой квалификации деяния не имеет значения место совершения преступления. Необходимо, чтобы оскорбление было связано исключительно с деятельностью по осуществлению правосудия.

2) В случае, если субъект преступления посягает только на честь и достоинство:

а) судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, содеянное квалифицируется по ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». При отсут-

ствии признака публичности деяние подпадает под признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ;

б) участников судебного разбирательства (за исключением субъектов, указанных в ч. 2 ст. 297 УК РФ), то содеянное подлежит квалификации по ст. 5.61 КоАП РФ.

3) Поскольку способ совершения преступления с использованием электронных или ИТС, включая сеть «Интернет», повышает степень общественной опасности содеянного, предлагаем включить квалифицирующий признак в ст. 297 УК РФ, изложив ее в следующей авторской редакции:

УК РФ Статья 297. Неуважение к суду

3. То же деяние, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Список литературы

1. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020).

2. Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2012 № 47-О12-21СП.

3. Приговор Верховного суда Удмуртской Республики № 22-2036/2019 от 4 декабря 2019 г.

4. Приговор Сарапульского городского суда Удмуртской Республики № 1-111/2018 от 29 ноября 2018 г.

5. Приговор Игринского районного суда Удмуртской Республики № 1-43/2017 от 31 июля 2017 г.

6. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X–XII / В. М. Лебедев [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. – Москва : Изд-во «Юрайт», 2023. – 278 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/514535>

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В. В. Коряковцев, К. В. Питулько. – 2-е изд. – М. [и др.] : Питер, 2006 (ГПП Печ. Двор). – 848 с.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / коллектив авторов ; отв. ред. д.ю.н., проф. А. И. Рарог. – 13-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2022.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический / под ред. А. И. Чучаева. – М. : Проспект, 2022.

10. Цит. по: Антипов А. И. Использование средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей как признак преступлений, предусматривающих ответственность за незаконный оборот предметов и материалов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – №4 (88). – URL: <https://cyberleninka.ru/>

11. Антонов А. Г., Зорина Е. А., Крюков Д. В. К вопросу об общественной опасности неправомерного доступа к компьютерной информации // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. – 2022. – №44. – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 28.01.2023).

12. Бриллиантов А. В. Неуважение к суду: сложные вопросы квалификации // Уголовное право. – 2011. – № 4. – URL: <https://wiselawyer.ru/>

13. Кара И. С., Кара С. В. Некоторые уголовно-правовые аспекты защиты чести, достоинства и репутации человека // Вестник БГУ. – 2019. – №4 (42). – URL: <https://cyberleninka.ru/>

14. Помнина С. Н. Уголовная ответственность за неуважение к суду // Вестник МГУ. – 2009. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/>

15. Устинова Т. Д. Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм общей части УК РФ // Lex Russica. – 2015. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/>

З. З. Зинатуллин,

*д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного
процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

ОБЪЕКТИВНОСТЬ – ДЕТЕРМИНАНТНОЕ СОСТАВЛЯЮЩЕЕ ПРАВОСУДИЯ

Находясь в храме правосудия, необходимо и вести речь о правосудии, о том, что оно собой представляет. Законодатель в ст. 5 УПК РФ, посвященной разъяснению основных понятий, используемых в данном акте, дефиницию правосудия не разъясняет. И это несмотря на то, что в ст. 8 УПК РФ закреплен принцип «осуществления правосудия только судом», а по тексту ст. 8.1 УПК РФ, посвященной принципу независимости судей, законодатель констатирует, что при осуществлении правосудия по уголовным делам судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральным законам. В этих статьях воспроизводится то, что закреплено в ст. 118 и 120 Конституции России. Во многом именно ввиду названных обстоятельств в литературе имеет место несколько отличающихся друг от друга трактовок правосудия. В Большой же юридической энциклопедии составитель просто, скажу так, отмахнулся от формулировки дефиниции правосудия, ограничившись указанием лишь на то, что правосудие – это «вид государственной деятельности, в которой реализуется судебная власть»³³. На помощь в этом вопросе приходит искренний знаток русской словесности Владимир Иванович Даль, в трактовке которого правосудие связывается только с таким социально-нравственным явлением, как истина, правда, справедливость; правосудие есть «справедливый приговор, решение по закону, по совести, или правде»; «правосудность – судить по всей правде, творить суд и правду, судить по правде, быть праведным

³³ Большая юридическая энциклопедия. М., 2007. С. 464.

судьей»³⁴. Впрочем, всё это сегодня и отражено по своему существу в Кодексе судейской этики. В качестве детерминантной основы осуществления правосудия во всех случаях должна выступать объективность, трактуемая по тому же В. И. Далю и С. И. Ожегову как «верность; непредвзятость, беспристрастность».

Возможно, несколько забегая вперед, отмечу, что к числу опубликованных в последние годы научных трудов, отвечающих практически всем требованиям объективности своего содержания, относится лишь монография А. А. Давлетова и Н. В. Азаренок – «Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития», изданная Уральским государственным университетом в 2023 году. Содержание работы просто пропитано эмпирическими данными проведенных авторами исследований (авторами использован в этих целях как непосредственный текст работы, так и подстрочники, что в целом является ярким свидетельством репрезентативности, а следовательно, объективности сформулированных авторами выводов и предложений как в плане дальнейшего развития уголовно-процессуальной доктрины, законодательства и правоприменительной практики. С сожалением приходится констатировать, что подобного рода работы у нас пока редкость. Встречаются исследования с непонятным, своего рода популистичным видением отдельных, носящих в том числе доминантный характер, постулатов.

При внимательном изучении весьма интересной и во многом очень необходимой с позиции дальнейшего развития постсоветской уголовно-процессуальной науки монографии проф. Н. Г. Муратовой, со своего рода просто интригующим названием «Уголовный процесс: проблемы и идеи» (издательство «Юрлитинформ» 2021 г.), неожиданно для себя узнаю, что разработанная якобы мною теория эффективности является достойной альтернативой объективной истине (С. 104). Такой теории я никогда не создавал по одной лишь причине, что такие социальные явления как «эффективность» и

³⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2004. Т. III. С. 308–309.

«истина», выступающая во всех случаях в качестве цели уголовно-процессуального доказывания, совершенно разной ипостаси. Истина как соответствие реальной действительности выводов следственно-прокурорских судебных органов по разрешаемому ими уголовному делу может быть только одной – истина либо есть, установлена, либо ее нет; иного в этом вопросе просто не дано.

Проф. Н. Г. Муратовой поднимается и формулируется суждение по ряду других актуальных проблем уголовного судопроизводства. В их числе проблемы, обозначенные автором в качестве цифрового уголовного процесса (гл. 5), соотношение уголовного процесса с медицинским правом (гл. 6), требующих к себе глубокого осмысления. С учетом же тематики проводимой научно-практической конференции и, естественно, фактологического состава аудитории позволю выразить отношение к одной из поднимаемых уважаемым профессором проблем, связанных с постановкой вопроса о разработке системы правовых ориентиров для возможного формирования так называемого «свободного правосудия» (§ 4.5 гл. 4 работы).

Свои суждения по предлагаемому профессором Н. Г. Муратовой нами уже изложены в статье проф. З. З. Зинатуллина и доцента Т. З. Зинатуллина – «Правосудие по уголовным делам: может ли оно быть «свободным»?», опубликованной в журнале «Судебная власть и уголовный процесс» (2022. №1. С. 21–24). Наше негативное отношение к так называемому «свободному правосудию» обуславливается тем, что в демократическом правовом государстве (ст. 1 Конституции РФ) сама постановка вопроса о переходе к либеральному (вольному) правосудию просто недопустимо. Правосудие вне правового поля нет и не может быть. Проникнуть в присущий только человеку психолого-нравственный мир его жизни невозможно (да и неэтично, безнравственно). Заменить осуществляющего правосудие судью компьютерной программой (нейросетью) и тем самым отдать разрешение судьбы человека машине нельзя, ибо машина не может оценить правовую ситуацию и принять решение о применении закона к человеку («машина, – как справедливо отмечает профессор А. Ф. Александров, – должна быть априори исключена

из этой сферы, либо она не может судить человека»³⁵. Казалось бы, всё ясно сказано. Тем не менее вопрос об участии машины в деле осуществления правосудия с повестки дня не исчез. Поднимает этот вопрос, в частности, профессор Н. Ю. Волосова из Оренбурга, считающая возможным «рассмотрение шаблонных дел, которые укладываются в определенный алгоритм действий и принимаемых решений, и не осложненные противоречивым объемом доказательств, можно все собранные по делу юридические документы загрузить в систему, после чего искусственный интеллект (робот-судья) исследует их и выносит судебный акт, включая, естественно, и вопрос о виновности подсудимого в совершении преступления и о мере уголовного наказания»³⁶.

Проблема уголовно-процессуальных принципов в силу своего стержневого характера постоянно находится в центре внимания уголовно-процессуальной науки. Свидетельством этого являются, в частности, и целый ряд публикаций XXI века. В их числе и моя работа «Уголовно-процессуальная наука постсоветской России» с изложением авторского видения современного состояния с исследуемыми проблемами уголовно-процессуальных принципов. С учетом данного обстоятельства и во избежание не вызывающих особой необходимости повторений, остановлюсь здесь лишь на отдельных, приобретенных практически в результате, как представляется, сугубо субъективных трактовок действующего УПК РФ статус либо наиболее дискуссионных, либо вообще не имеющих никакого отношения к категории уголовно-процессуальных принципов положений. В их числе, как ни странно, оказался и самым добросовестным образом работавший на основе ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. принцип всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств расследуемого или разрешаемого судом уголовного

³⁵ Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 139.

³⁶ Волосова Н. Ю. Цифровое правосудие и перспективы сохранения нравственных основ судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 40.

дела, отнесенного фактически без всякого обоснования идеологами УПК РФ 2001 г. к числу антогонических по отношению к принципам состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) и принципам презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ)³⁷.

Вместе с тем совершенно понятно, что всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств расследуемого или разрешаемого уголовного дела есть не что иное, как добросовестное выполнение соответствующим должностным лицом своих служебных обязанностей. И если тот или иной участник уголовно-процессуальной деятельности со стороны обвинения либо со стороны защиты ставит под сомнение качество такой деятельности, обоснованность сформулированных на основе собранных и исследованных по уголовному делу доказательств, выводов, то законодатель совершенно не препятствует такому участнику уголовного процесса обосновывать соответствующими доказательствами и материалами свои возражения и, соответственно, формулировать свои процессуально значимые по делу выводы и заявлять соответствующие ходатайства. А это и есть не что иное, как форма, способ проявления действия принципа состязательности в уголовном судопроизводстве. Не было и просто не могло быть препятствий для реализации принципа состязательности при производстве по уголовным делам. Впрочем, и, как представляется, сам законодатель прекрасно понимает, что принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела не мог исчезнуть полностью из содержания самого же УПК РФ. Достаточно, к примеру, обратиться к условиям допустимости выделения материалов уголовного дела в отдельное производство, если это, как указано в части 2 ст. 154 УПК РФ, «не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела». На это же ориентированы содержащиеся в ст. 422 и 436 УПК РФ указания законодателя о возможных условиях выделения в отдельные производства уголовные дела в отношении несовершенно-

³⁷ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, проф. Е. Б. Мизулина. М. 2002. С. 65.

летних или лиц, нуждающихся в применении к ним принудительных мер медицинского характера.

Компоненты необходимости соблюдения обосновываемого уголовно-процессуального принципа хорошо прослеживаются, в частности, и в практически регулярно принимаемых постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Чтобы убедиться в этом представляется вполне достаточным обратиться к содержанию Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», требуемому основывать выводы суда на исследованных и оцененных в судебном заседании доказательствах (пункты 4 и 6), требующих того, чтобы приговор содержал в себе анализ и оценку доказательств в отношении каждого подсудимого и по каждому обвинению (пункт 7), а также обстоятельным изложением всего того, что должно указываться в каждой из частей постановленного судебного приговора (пункты 11, 18 ч. 7). С учетом того что прикрепленный идеологами УПК РФ 2001 г. к указанному принципу ярлык его антагонистичности по отношению к принципам состязательности сторон и презумпции невиновности сегодня все еще, к сожалению, сохраняется (какого-либо вразумительного обоснования этому так и нет), считаю необходимым существующую систему уголовно-процессуальных принципов дополнить принципом установления по делу объективной истины с указанием в его содержании того, что истина по уголовному делу может считаться достигнутой (установленной) лишь тогда, когда знания оценивающего об обстоятельствах дела будут соответствовать реалиям.

Что касается структурирования уголовно-процессуальных принципов, то представляется, что их надлежит классифицировать с позиции их служения выполнению назначения уголовного судопроизводства и стоящих перед ним задач (соответствующую норму о задачах надлежит сконструировать) и их проявлению на отдельных этапах производства по уголовным делам.

При этом законодатель совершенно прав, начав конструировать систему уголовно-процессуальных принципов с принципа законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ).

Считаю необходимым обратить особое внимание к конструированию совершенно новых, не известных, скажу так, истории становления и развития уголовно-процессуального законодательства уголовно-процессуальных принципов. То, что развитие научной мысли имеет место, не может не радовать; такого рода факты можно и нужно только приветствовать. И условием при этом должно быть только их обоснованность реалиями материального мира, данными достаточно репрезентативного характера социологических исследований.

В связи с изложенным возникает ряд вопросов относительно видения авторов соответствующих предложений по конструированию как самого наименования, так и содержания отдельных из сконструированных положений; и заслуживает к себе самого пристального внимания монография «Принципы уголовного процесса» под общей редакцией доцента Г. С. Русман и профессора С. М. Даровских (Москва: Проспект, 2022 г.).

Множество вопросов возникает, в частности, по содержанию главы второй, получившей наименование: «Общеправовые положения, реализуемые в уголовном судопроизводстве» с выделением и анализом таких, по мнению соответствующих авторов раздела, принципов, как правовая определенность (2.1); добросовестность (2.2), отождествленная (надо так понимать) с принципом недопустимости злоупотребления правом; гуманизма (2.4); справедливости (2.5) и, скажу так, просто совершенно неожиданным и непонятным для меня принципом эффективности (2.3).

Одним из вызывающих необходимость своего разрешения вопросов является вопрос о тех гранях, где проходит раздел между правовыми и нравственными составляющими уголовно-процессуальной деятельности. Вопрос сам по себе чрезвычайно, скажу так, тонкий, в реалии практически не разрешимый, ибо все то, что законно, находится в рамках правых предписаний, то и нравственно, а следовательно, гуманно и справедливо. Если подойти к выделяемым авторами в этом разделе работы принципам, то следует, что по своему существу любой нравственный принцип, которым должен руководствоваться человек, надлежит расценивать как тот или иной

уголовно-процессуальный принцип. Теряется смысл необходимости какого-либо подразделения уголовно-процессуальных принципов, аксиологической их характеристики.

Что касается выделения одним из авторов монографии принципа эффективности с предпринятой попыткой раскрыть его содержание (раздел 2.3), скажу, что во многом непонятным представляется здесь все то, о чем ведет речь автор раздела, ограничивавшейся, по сути дела, лишь констатацией, по ее мнению, невыработанности дефиниции эффективности уголовно-процессуальной деятельности и отсутствием единодушия относительно признаков (критериев) этого явления, и общими фразами о том, что «эффективность всегда конкретна», тем, что «она универсальна», что «это синтетическая категория, охватывающая понятия экономические, правовые, технические и многие другие»³⁸.

Вместе с тем считаю, что возможности использования разработанных способов и форм познания эффективности правовых предписаний и, соответственно, правоприменительной деятельности далеко не исчерпаны. Необходимость обращения особого внимания на это обстоятельство обуславливается, в частности, постановкой под сомнение отдельными учеными-процессуалистами даже достаточно прочно устоявшихся уголовно-процессуальных институтов.

В их числе и эффективность в современных условиях, по мнению проф. А. С. Александрова, «малопригодный существующей системы следственных действий» с предложением о ее замене «универсальным следственным действием» в виде получения «цифровой информации машинным способом»³⁹. В чем усмотрел уважаемый профессор «малопригодность существующей системы следственных действий» остается неясной. Необоснованность же в такого рода выводах недопустима. Возможностей познания эффективности социально-правовых явлений именно в условиях становления

³⁸ Принципы уголовного процесса / под общ. ред. Г. С. Русман, С. М. Даровских. М. 2022. С. 68–69.

³⁹ См.: Александров А. С. Проблемы уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий / Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 133–134.

цифровых технологий становится больше. И в этом направлении уже делаются определенные шаги⁴⁰. Обращение в этих целях к использованию матричных моделей, элементы которых «отражают взаимосвязи изменений под действием нормы регулируемых ею общественных отношений, цели нормы, исходного состояния обоснованных отношений, а также издержек ее применения» способно дать хорошие репрезентативные результаты⁴¹.

При всем уважении к законодателям не думается, что даже в условиях капитализации хозяйственной деятельности государства представляется всесторонне и глубоко выверенной, в частности, все более широко распространенная практика применения института прекращения производства по уголовным делам по установленным ст. 25.1 и 28.1 УПК РФ основаниям. Возможно для госбюджета страны такая практика и полезна. Но нельзя же игнорировать цели применения мер уголовного наказания за совершенное преступление, одной из которых, как указывает сам же законодатель в части 2 ст. 43 УК РФ, являются не только восстановление социальной справедливости, но и исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. В последние годы о профилактике преступлений стали почему-то просто забывать.

С позиции своей правомерности определенные вопросы вызывают и ряд других уголовно-процессуальных институтов. Среди них много нареканий вызывали предложения о возможности дифференциации уголовно-процессуальных производств. В развернувшейся еще в 70-е годы прошлого столетия острой дискуссии идеологи УПК РФ 2001 года добились того, что к концу первого десятилетия действия УПК РФ 2001 г. в нем наряду с обычным получили свое закрепление еще и группа упрощенных уголовно-процессуальных производств в виде принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ) и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), а на основе Федерального закона от

⁴⁰ Риски в праве: пути решения / под ред. проф. Л. Г. Татьяниной. М. 2020.

⁴¹ Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань. 1977. С. 105.

04.03 2013 № 23-ФЗ еще и производство дознания в сокращенной форме (ст. 226.1–226.9 УПК РФ).

Не будучи сторонником упрощенных производств и тем более возможного расширения их перечня в виду одного лишь отступления в них от закрепленной ст. 7 УПК РФ доминантной составляющей о том, любое из применяемых по уголовному делу процессуальных решений должно соответствовать требованиям своей законности, обоснованности и мотивированности (обоснованность во всех случаях предполагает подкрепление решения фактами, исследованными доказательствами⁴², чего как раз и нет в установленных главами 40, 40.1 и 32.1 УПК РФ производствах); названные производства вынуждены принимать как состоявшуюся и достаточно твердо устоявшуюся на практике данность, ибо именно в таком порядке сегодня разрешаются абсолютное большинство уголовных дел о преступлениях средней и небольшой тяжести.

В завершении считаю необходимым обратить внимание еще на одну проблему, связанную с определением места уголовно-процессуальной науки в системе наук, связанных с познанием криминала и противодействием такому социальному злу, как преступление. Речь идет, прежде всего, о предмете уголовного процесса и, соответственно, о предмете уголовно-процессуальной науки.

Несмотря на то, что свое определенное видение по указанным вопросам получило свое отражение в печати⁴³, позволю обратить внимание на отдельные очень важные в этом вопросе аспекты.

Начну с того, что, как ни странно, в ст. 5 УПК РФ, посвященной раскрытию содержания использованных по тексту УПК РФ основных понятий, дефиниции предмета уголовного процесса не существует. Нет ее и в учебно-методической литературе как советского, так и постсоветского периода жизни России. В большинстве своем все суждения о предмете уголовного процесса сводятся к регламентированной уголовно-процессуальным законом деятельности

⁴² Ожегов С. И. Указ. соч. С. 395.

⁴³ См.: Зинатуллин З. З. Проблемы уголовного процесса России: сб. статей. Ижевск, 2008; Его же. Избранные труды. В 2-х томах. СПб, 2013; Его же. Уголовно-процессуальная наука постсоветской России. М, 2021; и др.

органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по расследованию и разрешению уголовных дел в сочетании с формирующимися при этом уголовно-процессуальными отношениями с последующим переходом к раскрытию содержания назначения российского уголовного судопроизводства⁴⁴. Вместе с тем «предмет» и «деятельность» не однопорядковые категории. Если первое представляет собой «всякое материальное явление, вещь», то второе обозначает «занятие, труд, работа каких-то органов, сил природы»⁴⁵. При таком раскладе составляющих содержание понятия уголовного процесса становится очевидной имманентная связь между предметом правоприменительной деятельности правоохранительных органов государства по борьбе с преступностью и защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ и ст. 6 УПК РФ) и осуществляемой в этих целях уголовно-процессуальной деятельностью. Думается, что такого рода дефиницию предмета уголовного процесса (уголовного судопроизводства) и надлежит отразить в содержании ст. 5 УПК РФ (п. 25.1 ст. 5 УПК РФ).

При всем позитивном, что вложено в содержание ст. 6 УПК РФ, оно согласуется в этимологическом своем отношении только с указанием на «область, сферу применения кого-чего-н.»⁴⁶ и совершенно не указывает на те средства, посредством которых в результате соответствующей уголовно-процессуальной деятельности только и можно обеспечить указанные в части 1 ст. 6 УПК РФ ценности. Речь идет о тех задачах, которые обязаны выполнять правоприменители по поступившему в их производство уголовному делу, и используемых для этого средствах.

О несостоятельной необходимости формулирования непосредственно по тексту УПК РФ специальной нормы (статьи) о задачах уголовного процесса практически с первых же дней принятия УПК

⁴⁴ См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М. 1989. С. 403; Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. М. 2005. С. 10; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина и И. Б. Михайловской. М. 2010. С. 5–6; и др.

⁴⁵ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. М. 1978. С. 532, 150.

⁴⁶ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. М. 1978. С. 346.

РФ 2001 г. все процессуалисты страны ведут речь⁴⁷. Ввиду того, что содержание предлагаемой статьи во многом совпадает с текстом содержания ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., считаю, что нет необходимости воспроизводить ее и здесь. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за каждое преступление посредством защиты прав и свобод человека и гражданина и есть именно то дело, служению которому и должны посвящаться все производства по уголовным делам.

Что касается вопроса о месте уголовно-процессуальной науки в системе наук, в которых исследуются проблемы, связанные с противодействием такому социальному злу, как преступность, то позволю здесь ограничиться суждениями профессора А. И. Александрова о том, что «именно благодаря уголовно-процессуальным правилам государство в лице своих правоохранительных органов устанавливает, при каких обстоятельствах это (т.е. преступление – уточнение здесь сделано мною) произошло и кто именно нарушитель и назначает последнему справедливое наказание. Не будь уголовного процесса нормы уголовного кодекса так и остались бы декларативными положениями, не обеспеченными каким-либо механизмом разрешения. С другой стороны, отмени государство уголовный закон – следом за ним исчезнет и уголовный процесс. Эту взаимосвязь характеризует выражение: «Уголовное право без уголовного процесса бессильно, а процесс без права бесцелен»⁴⁸.

Таковы некоторые из основных насущных, узловых проблем постсоветской уголовно-процессуальной науки, служению которой и призваны все мы.

⁴⁷ См.: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового УПК РФ. М. 2002; Зинатуллин З. З. Избранные труды: в 2 т. Т. II. СПб., 2013. С. 367; а также обоснованные предложения профессоров В. А. Азарова, В. С. Балакшина, Х. А. Давлетова, Н. Г. Муратовой, Л. Г. Татьяниной и многих других ученых непосредственных правоприменителей России.

⁴⁸ Александров А. И. Актуальные проблемы уголовно-процессуальной политики современной России // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века: материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию д.ю.н., проф. З. З. Зинатуллиной / под ред. проф. В. Г. Ившина и Л. Г. Татьяниной. Ижевск. 2013. С. 12.

А. Т. Ибрагимов,

*заместитель начальника Управления Судебного
департаментa в Республике Татарстан,
г. Казань*

АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕЖЕК В ФЕДЕРАЛЬНЫХ СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Возмещение за счет федерального бюджета процессуальных издержек по делам (материалам), рассматриваемым судами и мировыми судьями, направлено на исключение каких бы то ни было препятствий финансового характера для обращения граждан в суд за защитой своих прав и свобод.

Оплата процессуальных издержек производится по постановлению судьи либо по определению суда, которые являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц, в том числе для органов Судебного департамента при Верховном Суде РФ (далее – Судебный департамент) и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Возмещение процессуальных издержек осуществляется Судебным департаментом на постоянной основе и на принципах приоритетного и полного финансирования. При этом наиболее массовыми с точки зрения количества и возмещаемых сумм являются случаи:

- возмещения расходов на оплату труда адвокатов, участвующих в уголовном судопроизводстве по назначению суда;
- выплат переводчикам, экспертам и специалистам вознаграждения за исполнение ими своих обязанностей, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись ими в порядке служебного задания.

Основным документом, регулирующим порядок и размеры возмещения вышеуказанных процессуальных издержек, является

Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением арбитражным судом гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Положение)⁴⁹.

Рассмотрим, как складывалась ситуация с возмещением процессуальных издержек в Республике Татарстан до внедрения системы автоматизации.

В Республике функционируют 51 районный (городской) суд, где работают 375 федеральных судей, и 190 судебных участков мировых судей, которые взаимодействуют с 1252 адвокатами и 70 переводчиками.

В рамках осуществления своей деятельности суды ежегодно направляли в региональное Управление Судебного департамента в Республике Татарстан (далее – Управление) более 25 тыс. постановлений о возмещении судебных издержек, которые необходимо было оплатить не позднее 30 дней со дня их получения. Эти постановления просматривались ответственным сотрудником организационного отдела Управления на предмет их соответствия установленным требованиям (корректный расчет издержек, стоимости оказанных услуг, нормо-часы), далее финансовый отдел сверял реквизиты адвокатских образований, переводчиков, после чего информация вручную заносилась в 1С, каждое постановление сканировалось и передавалось в казначейство на оплату. Таким образом, вопросы оплаты процессуальных издержек постоянно занимались до 4-х специалистов финансового и организационного отделов Управления.

Кроме того, сотрудники Управления регулярно готовили аналитические материалы по возмещению процессуальных издержек с разбором наиболее часто встречающихся ошибок в постановлениях, однако несмотря на это, им еженедельно приходилось возвращать в суды десятки актов для внесения необходимых изменений, что влияло на сроки оплаты издержек.

⁴⁹ Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7058.

В целом можно выделить следующие недостатки такой системы:

- бумажный носитель;
- длительность проведения оплаты, соответственно, возникли жалобы на это;
- отсутствие статистики для контроля и прозрачности;
- низкий уровень автоматизации, значительное количество ручного труда при регистрации, сканировании и оплате сотрудниками Управления.

28 июля 2020 г. Постановлением Правительства Российской Федерации № 1124⁵⁰ в Положение были внесены революционные изменения, согласно которым:

- при наличии технической возможности в суде заявление о возмещении процессуальных издержек подотчетным лицам или о выплате вознаграждения адвокату, а также прилагаемые к нему документы могут быть поданы в суд в форме электронных документов, подписанных электронной подписью;

- судебный акт об оплате процессуальных издержек может быть выполнен в форме электронного документа, подписываемого судьями усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКЭП);

- судебный акт об оплате процессуальных издержек может быть направлен в Управление для оплаты, а также подотчетным лицам или их представителям (по их просьбе или с их согласия) в форме электронного документа, подписываемого судьей УКЭП. В этом случае копия определения (постановления) суда (судьи) на бумажном носителе не направляется.

Перечисленные недостатки старого метода работы и созданная в июле 2020 г. возможность перехода на «электронные рельсы» стали основанием для поиска возможных вариантов автоматизации процедуры оплаты процессуальных издержек.

С этой целью Управление обратилось к опыту коллег, изучило и сравнило работу нескольких программных средств, и в итоге остановилось на системе учета и контроля оплаты процессуальных

⁵⁰ СЗ РФ. 2020. № 32. Ст. 5272.

издержек (далее – УКОП), которая уже несколько лет эксплуатируется в судах г. Москвы.

Выбор именно этой платформы был обусловлен ее следующими характеристиками:

- УКОП построен по принципу облачных технологий и требует однократной установки централизованного программного обеспечения на уровне Управления, что обеспечивает его легкое обслуживание. Иначе говоря, для работы в системе нужен только современный браузер, и нет необходимости устанавливать клиентское программное обеспечение на рабочих местах и в развертывании баз данных и специальных программ, критичных к быстродействию рабочего места, что освобождает от необходимости обслуживания на местах;
- имеет интуитивно-понятный интерфейс, для полноценной работы с системой достаточно часа учебы;
- может быть интегрирован с любой бухгалтерской системой;
- даже при частичном развертывании позволяет полностью перейти на безбумажный вариант работы.

Решение о переходе было принято в сентябре 2020 г., а уже к концу месяца работе с модулем были в онлайн-режиме обучены ответственные сотрудники судов и полностью завершен первый этап внедрения системы, что позволило судьям изготавливать в автоматическом виде судебный акт, подписывать его электронной подписью и направлять в Управление, где после верификации документ автоматически направляется на оплату, при этом представление постановления в бумажном виде в Управление не требуется.

За 2022 год созданы, подписаны и направлены на оплату в Управление в электронном виде более 39 тыс. судебных постановлений на общую сумму 197 млн руб., всего в системе зарегистрировано более 80 тысяч документов.

Система позволила исключить допускаемые ранее ошибки при формировании судебного акта, упростила изготовление судебного акта и обеспечила полную прозрачность процедуры возмещения издержек для пользователей: судья и его состав видят свои документы, руководитель суда – статистику по суду, а на уровне Управления до-

ступны отчеты по Республике с возможностью детализации показателя вплоть до конкретного постановления (с учетом прав доступа).

В свете, безусловно, положительного эффекта от внедрения УКОП Управлением принято решение о реализации второго этапа интеграции модуля в работу судов – создание на базе Управления портала, который позволяет подключить к УКОП адвокатов, переводчиков и экспертов через защищенный канал связи.

Предоставление доступа к УКОП субъектам, имеющим право на компенсацию судебных издержек (адвокатам, переводчикам), предполагает подключение функционала получения указанными категориями лиц заявок на оказание услуг, формирование заявлений на оплату в электронном виде и отслеживание статуса документа вплоть до момента оплаты.

В перспективе это сократит время, необходимое судье на формирование постановления, т. к. за основу соответствующего судебного акта будет браться заявление адвоката или переводчика, которое может быть использовано без изменений или переработано с учетом мнения судьи.

Отдельно следует отметить гибкость в работе системы УКОП в условиях постоянно меняющегося законодательства. Например, изменения, внесенные в Положение Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 сентября 2021 г. № 1481⁵¹ и расширяющие перечень судебных инстанций, оплачивающих судебные акты о возмещении процессуальных издержек, могут быть без лишних усилий отражены в программе путем добавления дополнительных финансовых служб.

К концу 2021 г. завершены технические работы по подключению к УКОП судебных участков мировых судей Республики, что позволило перевести в электронный вид фактически весь объем направляемых в Управление судебных актов, обеспечив полную прозрачность движения документов и на порядок снизив время на их оплату, сократив при этом количество случаев задержки компенсации процессуальных издержек до нуля.

⁵¹ СЗ РФ. 2021. № 37. Ст. 6511.

И. В. Каблуков,

*адвокат Адвокатской палаты Челябинской области,
соискатель научной степени кандидата юридических наук
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»,
г. Челябинск*

ПРОЦЕССУЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

«С участием присяжных заседателей рассмотрено 1019 уголовных дел в отношении 1150 лиц, из которых осуждено 68 %, оправдано 32 % обвиняемых», – сказал Председатель Верховного суда Вячеслав Лебедев на совещании 2022 года судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В частности, были отменены обвинительные приговоры в отношении 93 человек и оправдательные приговоры в отношении 235 человек [8]. За 2022 г. в судебной практике по рассмотрению уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей продолжились тенденции 2021 года со стабильно высоким процент оправданий в суде присяжных. Так, во всех судах с участием присяжных заседателей в первой половине 2022 г. были оправданы 28,4 % (166) подсудимых (т. е. также примерно каждый третий). Устойчивой тенденцией практики производства в суде присяжных в минувшем году, как и в прошлые годы, оставалась значительная доля отмены оправдательных приговоров. Как показывают данные статистики первой половины 2022 г., в апелляции были отменены 115 оправдательных приговоров и 57 обвинительных, то есть оправдательные отменялись в два раза чаще [7].

В сложившейся ситуации с отменой оправдательных приговоров с участием присяжных заседателей приведем пример из практики Челябинского областного суда, когда в отношении гражданина Л., обвиняемого по ч. 2 ст. 167 пп. «а», «е», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, три раза рассматривалось дело с участием присяжных заседателей.

15 декабря 2017 г. присяжными был вынесен оправдательный вердикт, и соответственно, постановлен оправдательный приговор, но по представлению государственного обвинителя апелляционная инстанция Верховного суда РФ отменила решение по делу и вернула дело на новое рассмотрение. 10 июня 2019 г. Челябинским областным судом в новом составе, присяжные заседатели также пришли к выводу о невиновности лица в инкриминируемых ему деяниях, и снова был вынесен оправдательный приговор, который по представлению государственного обвинителя в апелляционной инстанции снова был отменен, и Верховный суд вернул дело второй раз на новое рассмотрение. В итоге 25 декабря 2020 г. все же был вынесен обвинительный приговор.

Л. Е. Владимиров, современник судебной реформы 1864 г. и появления в России суда присяжных, считал, что достоинство суда присяжных в том, что «уголовные доказательства, могущие давать только моральную очевидность (*moralevidence*), имеют характер субъективный, то есть их убедительная сила может быть различна для различных людей. Для того, чтобы оценка известного доказательства достигла известной степени объективности, нужно, чтобы она была произведена значительным числом оценщиков, рассматривающих его с различных точек зрения, сообразно своим индивидуальным особенностям» [2].

В большинстве случаев решения, принимаемые коллегией присяжных заседателей в совещательной комнате, сводятся к двум: во-первых, решение о возвращении в зал судебного заседания с целью получения от председательствующего дополнительных разъяснений по поставленным вопросам либо дополнительного исследования фактических обстоятельств дела; во-вторых, вердикт.

Для определения достоверности и достаточности доказательств присяжные заседатели могут получить новые доказательства. Часть 5 ст. 344 УПК РФ наделяет присяжных правом обратиться к председательствующему судье с вопросами достоверности фактических обстоятельств уголовного дела, имеющих существенное значение для ответов на поставленные вопросы и требующих

дополнительного исследования. Согласно ч. 6 ст. 344 УПК РФ председательствующий, выслушав мнение сторон, решает вопрос о возобновлении судебного следствия.

М. В. Беляев полагает, что вердикт следует рассматривать как специфическое судебное решение, которое в большинстве случаев может рассматриваться как составная часть приговора, однако в чистом виде не относится ни к категории итоговых, ни к категории промежуточных судебных решений [1]. С. А. Насонов считает, что вердикт всегда проявляется в содержании приговора суда, становясь его составной частью [6, с. 267].

Мы присоединяемся к мнению С. А. Насонова, считающего, что особенности принятия решений в суде присяжном обусловлены «сложным процессуальным взаимодействием двух субъектов доказывания – профессионального судьи и непрофессиональной коллегии судей, совокупная деятельность которых приводит к разрешению уголовно-правового спора» [6, с. 248].

Совокупная деятельность и взаимодействие таких двух субъектов доказывания, как профессионального судьи (председательствующего) и коллегии присяжных заседателей приводит к одному из следующих разрешений уголовно-правового спора:

1) обвинительный приговор, выносимый на основании обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей и аналогичному мнению председательствующего;

2) оправдательный приговор, выносимый на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей вопреки мнению председательствующего о виновности подсудимого (ч. 1 ст. 348 УПК РФ);

3) оправдательный приговор, выносимый при отказе государственного обвинителя от обвинения (п. 2 ч. 1 ст. 351 УПК РФ);

4) оправдательный приговор после вынесения обвинительного вердикта коллегией присяжных заседателей, если председательствующий признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления (ч. 4 ст. 348 УПК РФ);

5) решение о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на рассмотрение иным составом, если

председательствующий судья не согласен с обвинительным вердиктом присяжных (ч. 5 ст. 348 УПК РФ, п. 4 ст. 350 УПК РФ).

Оценка доказательств при производстве в суде с участием присяжных заседателей характеризуется рядом особенностей.

Во-первых, именно присяжные заседатели на основе норм морали, нравственности, представления о справедливости, на основе собственного житейского опыта оценивают всю совокупность доказательств при вынесении вердикта.

Во-вторых, «на оценку достаточности доказательств существенное влияние оказывает содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов, поскольку именно они определяют направление, по которому присяжные участвуют в процессе доказывания, в том числе оценке достаточности доказательств для дачи ответов на поставленные вопросы» [9].

В-третьих, процесс формирования внутреннего убеждения у присяжных заседателей более эмоционально окрашенный, вместе с тем целью данного процесса, как и у профессиональных судей, остается приобретение истинного знания и принятие соответствующего решения. Рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей предполагает личное восприятие ими позиции подсудимого. В соответствии с п. 4.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 22: «с участием присяжных не могут быть рассмотрены дела, в которых это личное восприятие не может быть обеспечено, то есть рассматриваемые в отсутствие подсудимого».

В-четвертых, являясь «судьями факта», присяжные заседатели не участвуют в оценке доказательств с точки зрения допустимости. Так как не будучи юристами, присяжные заседатели не могут сделать вывод о законности источника, способа, методов и приемов получения и формы закрепления фактических данных.

В-пятых, хотя уголовно-процессуальное законодательство не содержит прямого запрета на оценку доказательств присяжными заседателями с точки зрения относимости, но закон запрещает исследование тех доказательств, которые могут породить предубеж-

дение присяжных заседателей. Так, в соответствии с п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 22, которым были внесены коррективы в Постановление Пленума ВС от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», в присутствии присяжных допустимо исследовать вопрос о совершении подсудимым преступления в состоянии алкогольного, наркотического или иного вида опьянения, если это связано с предъявленным обвинением, поскольку такие данные относятся к предмету доказывания по уголовному делу. А. В. Кудрявцева относит правило, закрепленное в ч. 8 ст. 335 УПК РФ, к правилам о допустимости доказательств. Она указывает, что правило допустимости доказательств, которое касается рассмотрения дела с участием присяжных заседателей, – это правило о «несправедливом предубеждении». В соответствии с этим правилом запрещено исследование тех доказательств, которые могут породить предубеждение присяжных заседателей [4]. А. О. Машовец, Д. С. Иванов считают, что в ч. 8 ст. 335 УПК РФ речь идет о свойстве допустимости доказательств, а не свойстве относимости. Донесение до присяжных заседателей информации, например, о хроническом алкоголизме подсудимого, не делает эту информацию безотносительной для уголовного дела. Согласно ч. 2 ст. 349 УПК РФ председательствующий с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, и личности подсудимого вправе назначить ему наказание не только в пределах, установленных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но и с применением положений ст. 64 УК РФ. Данная информация для присяжных заседателей будет являться недопустимой, так как при ее получении был нарушен запрет, предусмотренный ч. 8 ст. 335 УПК РФ [5]. Полагаем, что законодательный запрет положительно сказывается на установлении истины присяжными заседателями, поскольку на внутреннее убеждение присяжного влияют именно сведения, которые содержатся в доказательствах. Поэтому при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей, как

правило, они периодически удаляются из зала судебного заседания в течение судебного следствия для определения возможности исследования доказательств в их присутствии.

В-шестых, присяжные заседатели активно участвуют в оценке доказательств с точки зрения достоверности и достаточности.

Оценка достаточности доказательств председательствующим судьей при постановлении приговоров по итогам рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей обусловлена и зависит от вида выносимого вердикта присяжных.

Мы полностью согласны с мнением Р. В. Костенко о том, что вопрос, должен ли председательствующий судья оценивать доказательства с точки зрения их достаточности при вынесении обвинительного приговора на основе обвинительного вердикта коллегии присяжных, имеет однозначный положительный ответ. Достаточные доказательства в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора выступают основой не «выводов суда в отношении подсудимого», они представляют собой средство установления конкретных обстоятельств совершенного преступления, доказанность наличия которых является основанием признания подсудимого виновным в совершении преступления, привлечения его к уголовной ответственности и применения различных видов обвинительного приговора [3].

В соответствии с ч. 1 ст. 348 УПК РФ оправдательный вердикт коллегии присяжных заседателей обязателен для председательствующего и влечет за собой постановление им оправдательного приговора. УПК РФ фактически запрещает председательствующему судье оценивать доказательства с точки зрения их достаточности только при оправдательном вердикте коллегии присяжных заседателей. При вынесении оправдательного вердикта коллегией присяжных и при отказе государственного обвинителя от обвинения председательствующий судья обязан согласиться с результатами оценки доказательств, осуществленными присяжными или государственным обвинителем, в том числе и с точки зрения их достаточности либо недостаточности для установления значимых для уголовного дела обстоятельств.

Список литературы

1. Беляев М. В. Особенности решений, принимаемых судом с участием присяжных заседателей // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12. – С. 62.
2. Владимиров Л. Е. Суд присяжных. Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. – Харьков, 1873. – С. 55–56.
3. Костенко Р. В. Оценка достаточности доказательств судьей при постановлении приговоров по итогам рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 14(2). – С. 47–57. – URL: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-47-57> (дата обращения: 12.02.2023).
4. Кудрявцева А. В. Теория доказывания в юридическом процессе. – Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006. – С. 32.
5. Машовец А. О., Иванов Д. С. Особенности оценки доказательств при производстве в суде с участием присяжных заседателей // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 31–32.
6. Насонов С. А. Особенности доказывания и принятия решений при производстве в суде с участием присяжных заседателей // Доказывание и принятие решения в состязательном уголовном судопроизводстве. – М., 2017. – С. 248–267.
7. Отчет о работе судов общей юрисдикции РФ в апелляционном порядке за 6 месяцев 2022 года. – URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/30777/
8. Официальный сайт Верховного суда РФ. – URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/30777/ (дата обращения: 10.02.2023).
9. Фискевич С. В. Оценка доказательств при производстве в суде с участием присяжных заседателей : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2016. – С. 118.

В. Ю. Калмыков,
заместитель Председателя-
Председатель судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда
Удмуртской Республики

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Одним из признаков правового государства является независимость суда и осуществляемого им правосудия. Правосудие – главное направление деятельности суда и важнейшее полномочие судебной власти.

С проблемой доступа к правосудию непосредственно связано гарантированное ст. 46 Конституции Российской Федерации право каждого на судебную защиту, в чем и состоит смысл обращения лица в суд. Очевидно, что, не имея такого доступа, лицо не может реализовать право на защиту своих нарушенных прав и свобод.

Принцип доступности правосудия следует понимать как возможность судебной защиты нарушенного права для всех заинтересованных лиц. Лицо, желающее обратиться в суд, не должно сталкиваться с какими-либо необоснованными препятствиями и ограничениями.

Право на доступ к правосудию включает не только право возбудить соответствующий иск, но и право на рассмотрение дела в разумный срок. И в конечном итоге решение суда, вступившее в законную силу, должно быть исполнено.

В целях обеспечения конституционного права каждого на судебную защиту, беспрепятственного доступа к правосудию идет постоянный процесс совершенствования процессуального законодательства.

Важным преобразованием процессуального закона в этом направлении следует отметить введение с 1 октября 2019 года в

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) гл. 22.3, закрепившей право на подачу групповых исков.

Данный институт имеет ряд преимуществ, которые направлены на повышение доступности правосудия.

Так, групповые иски позволяют снизить размер расходов каждого из участников иска за счет перераспределения таких расходов среди большого количества лиц. Статья 244.27 ГПК РФ также предусматривает возможность заключения нотариально удостоверенного соглашения о порядке несения судебных расходов при предъявлении группового иска, что позволяет полностью освободить некоторых лиц от таких расходов.

Не секрет, что размер издержек, которые несет лицо при предъявлении иска, существенным образом влияют на уровень его доступности к правосудию. В практике имеют место случаи, когда граждане отказываются от судебной защиты своего права именно в силу нежелания нести большие финансовые издержки. Однако риск возникновения подобной проблемы уменьшается при предъявлении группового иска. Соответственно, за счет снижения издержек на ведение судебного процесса повышается уровень доступности правосудия.

Институт групповых исков обладает преимуществами по сравнению с индивидуальными исками, в том числе и для суда, разрешающего спор. Групповой иск подается, когда имеется ряд максимально приближенных друг к другу с точки зрения содержания споров о праве. При отсутствии данного института каждой стороне спора было бы необходимо предъявлять самостоятельный иск, собирать доказательства, искать себе представителя, ответчик должен был бы готовить отзывы на каждый отдельный иск и совершать ряд однотипных действий применительно к каждому иску. В итоге суду пришлось бы рассмотреть вместо одного дела множественное количество однотипных споров, потратив на это значительно больше времени и сил.

Также следует обратить внимание на наметившуюся в последнее время профессионализацию гражданского процесса и влияние данной тенденции на уровень доступности правосудия.

В недавнем времени было введено требование об обязательном высшем юридическом образовании у представителя в гражданском процессе. Так, ст. 49 ГПК РФ в редакции Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяют, что представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

С одной стороны, можно предположить, что требование о наличии высшего юридического образования у представителя ограничивает возможность для обращения в суд в силу финансовой составляющей данного вопроса – чтобы оплатить услуги профессионального представителя, необходимо иметь определенный уровень дохода. Но, с другой стороны, это направлено на обеспечение конституционного права каждого на квалифицированную юридическую помощь и не может нарушать права граждан, на что указал Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 21.07.2022 № 1955-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мищенко Людмилы Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 49 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Значит, доступность правосудия обеспечивается в том числе и возможностью получения качественной защиты прав, для чего необходимо иметь профессионального представителя.

Существенным элементом судебной системы, который непосредственно влияет на уровень доступности правосудия, является уровень ее информатизации.

Использование информационных технологий направлено на повышение доступа к судебной системе и уменьшает расходы, касающиеся взаимодействия с судом. Так, если заинтересованное лицо может, например, подавать иски в электронном виде, получать информацию о ходе судебного разбирательства и

т. д. не выходя из дома, то тем самым снижаются издержки для обращения за судебной защитой, следовательно, повышается доступность правосудия.

Стремительное развитие компьютерных технологий в последнее время приводит к тому, что они внедряются в процесс судопроизводства. В 2017 году в ГПК РФ были внесены изменения, направленные на активное внедрение информационных технологий в гражданский процесс, в результате чего появился ряд норм, позволяющих взаимодействовать с судом в электронной форме.

Так, в ст. 3 ГПК РФ (в редакции Федерального закона от 30.12.2021 № 440-ФЗ) указано, что исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы в электронном виде могут быть поданы участником судебного процесса посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» либо информационной системы, определенной Верховным Судом Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, либо систем электронного документооборота участников процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Согласно ст. 35 ГПК РФ лица, участвующие в деле, вправе представлять в суд документы в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью.

Также, начиная с 2017 года, в соответствии с ч. 1 ст. 13 ГПК РФ судебное постановление, за исключением постановления, содержащего сведения, составляющие охраняемую законом тайну, может быть выполнено в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью.

Таким образом, названные нововведения направлены на повышение доступности правосудия. У заинтересованных лиц появляется все больше альтернатив в сфере взаимодействия с судом, так как кроме подачи документов в письменном виде теперь можно подавать их в электронной форме.

Реформой 2018 года было установлено положение о том, что если суд общей юрисдикции приступил к рассмотрению дела по существу и в процессе его рассмотрения установил тот факт, что оно подсудно арбитражному суду, то он обязан передать указанное дело в соответствующий арбитражный суд (ч. 2.1 ст. 33 ГПК РФ).

Аналогичные правила закреплены в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ). В соответствии с ч. 4 ст. 39 данного Кодекса, если при рассмотрении дела в арбитражном суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции, арбитражный суд передает дело в Верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области или суд автономного округа того же субъекта Российской Федерации для направления его в суд общей юрисдикции, к подсудности которого оно отнесено законом.

Приведенные законодательные изменения направлены на исправление ошибки, совершенной сторонами вследствие неверного определения подсудности спора и вида судопроизводства. Схожий вывод можно сделать и в отношении правила о том, что ошибочная ссылка истца на норму права в исковом заявлении не может являться основанием отказа в удовлетворении требований. Еще в 2015 году в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» было сказано: «Если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения».

Таким образом, в настоящее время судебная практика и законодательство движутся в направлении наделения суда функциями по исправлению ошибок сторон и способствованию своевременному и правильному разрешению споров. Суд при этом реализует положения, закрепленные в ст. 12 ГПК РФ, согласно которой суд,

сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет содействие в реализации прав лиц, участвующих в судебном процессе.

Неверное определение лицом подсудности и нормы права не является столь значительной ошибкой, чтобы на данном основании отказывать ему в праве на судебную защиту. Когда суд уже принял дело к своему производству и начал судебное разбирательство, то передача дела по подсудности является исправлением ошибки не только истца, но и суда. Невозможность отказа в исковых требованиях только на основании ошибки в норме права, на которую ссылается лицо, также соответствует идее осуществления судом именно правосудия. Суд не может, осознавая правоту истца, отказать ему лишь потому, что тот ошибся в правовой квалификации своего требования. При таком подходе возростали бы издержки как со стороны истца, которому пришлось бы вновь подавать исковое заявление и совершать все процессуальные действия, так и со стороны суда, которому пришлось бы начинать процесс сначала.

Данные изменения в законодательстве следует признать положительными с точки зрения влияния на уровень доступности правосудия.

Одним из проявлений доступности правосудия является также право на рассмотрение дела в разумный срок.

Проблемы своевременного и качественного рассмотрения и разрешения споров судами в настоящее время обусловлены в значительной степени чрезмерной и постоянно увеличивающейся нагрузкой на судей и работников аппарата судов.

X Всероссийский съезд судей отметил, что одной из главных целей реформирования судебной системы по-прежнему является снижение судебной нагрузки, поскольку ее осуществление будет способствовать обеспечению прав обращающихся за судебной защитой лиц на справедливое и публичное судебное разбирательство в разумные сроки.

Одним из возможных решений проблемы высокой загруженности судей и аппарата судов могло бы стать упрощение формы

изложения итоговых судебных актов по гражданским делам районными судами, как это в настоящее время реализовано в ч. 4 ст. 199 ГПК РФ касаясь дел, рассмотренных мировыми судьями.

На примере работы районных судов Удмуртской Республики видно, что в среднем в год в апелляционном порядке обжалуется всего 15–16 % судебных постановлений, вынесенных по первой инстанций.

Таким образом, во многих случаях работа по написанию мотивированного решения не имеет практической целесообразности. Ответчик не обжалует судебное решение. Истец при наличии решения в свою пользу может довольствоваться резолютивной частью, какого-либо интереса в получении полного текста решения у него нет.

Поэтому в настоящее время назрела необходимость в законодательном закреплении в ст. 199 ГПК РФ (составление решения суда) положения о том, что «Судья обязан составить мотивированное решение суда по рассмотренному делу в случае поступления от лиц, участвующих в деле, заявления о его составлении либо в случае подачи на решение суда апелляционной жалобы». То есть распространить это правило не только на решения мировых судей, но и на решения судей районных судов.

Также представляется необходимым вернуться к идее, предложенной Верховным Судом РФ в постановлении от 03.10.2017 № 30, распространения правила сокращенного изготовления судебных постановлений по гражданским делам на некоторые акты судов апелляционной инстанции. Например, в случае если судом апелляционной инстанции судебное постановление суда первой инстанции оставлено без изменения.

На примере работы апелляционной инстанции Верховного Суда Удмуртской Республики видно, что отменяется (изменяется) в среднем около 25 % судебных постановлений районных судов по гражданским делам от числа обжалованных.

Практическая реализация этих предложений могла бы дать быстрый и, главное, реальный результат для уменьшения нагрузки на судей и аппарат районных и областных судов.

Федеральным законом от 29.07.2018 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» с 1 сентября 2019 года в судах общей юрисдикции введено обязательное аудиопроотолирование.

Проблемным аспектом введения обязательного аудиопроотолирования является увеличение нагрузки на секретарей судебного заседания и помощников судей, а именно: секретарь судебного заседания и помощник судьи больше времени тратят на изготовление письменного протокола, так как он должен полностью соответствовать аудиопротоколу.

Следовательно, размер текстов письменных протоколов судебных заседаний увеличивается в разы по сравнению с текстами таких протоколов без аудиопроотолирования, где отражались только существенные моменты процесса. При этом даже в судах, оснащенных комплексами автоматической фиксации хода судебного заседания, секретари судебных заседаний и помощники судей вынуждены вручную набирать на компьютере текст письменного протокола судебного заседания, руководствуясь при этом имеющейся аудиозаписью.

Полностью отказаться от письменного протокола судебного заседания по гражданским делам в настоящее время по ряду причин невозможно. Так, к примеру, в письменном протоколе отражаются вынесенные судом в зале судебного заседания определения по несложным вопросам.

В ст. 155 АПК РФ в отличие от ГПК РФ закреплено правило, что письменный протокол является дополнительным средством фиксации хода судебного заседания. Из всех пояснений сторон такой протокол должен содержать лишь устные заявления и ходатайства лиц, участвующих в деле, консультации специалистов и соглашения сторон по фактическим обстоятельствам дела. Следовательно, объяснения лиц, участвующих в деле, данные в ходе процесса, а также их выступления в ходе судебных прений, показания свидетелей и экспертов, заключения прокурора, сведения об исследовании письменных доказательств в таком протоколе не фиксируются.

В связи с чем внесение изменений в ч. 2 ст. 229 ГПК РФ по образцу АПК РФ могло бы уменьшить нагрузку на секретаря судебного заседания и помощника судьи по составлению протокола судебного заседания.

Однако нельзя проводить оптимизацию судебной нагрузки исключительно только за счет дальнейшего совершенствования процессуального законодательства. Необходим комплексный подход, включающий повышение уровня кадрового обеспечения судов, исходя из того, что штат судей должен определяться на основе научно обоснованных норм судебной нагрузки, каждый судья должен быть обеспечен помощником, а судья первой и апелляционной инстанций – и секретарем судебного заседания.

Между тем комплектование вновь созданных кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции осуществлялось без учета этих требований за счет сокращения численности судей и работников аппаратов верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов.

К чему это привело – можно увидеть на примере Верховного Суда Удмуртской Республики.

Так, Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения в Гражданский процессуальный кодекс РФ.

С 1 января 2012 года изменен порядок обжалования судебных постановлений в гражданском процессе. Апелляционное производство стало осуществляться по типу полной апелляции, т. е. суд апелляционной инстанции должен повторно рассмотреть дело и вынести итоговый акт, не передавая дело на новое рассмотрение. С 1 января 2013 года введена апелляционная инстанция по уголовным делам. Соответственно, объем работы и нагрузка на судей увеличились.

В связи с этим была увеличена численность судей Верховного Суда Удмуртской Республики. Дополнительно выделенные штатные

единицы судей были направлены на обеспечение работы апелляционных инстанций.

Во исполнение Федерального конституционного закона от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» численность судей Верховного Суда Удмуртской Республики была сокращена на 2/3 от дополнительно выделенных для обеспечения работы апелляционных инстанций штатных единиц.

При этом ни характер работы в апелляционной инстанции, ни ее объем с созданием кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции не изменились.

Численность штата работников аппарата суда (помощники, секретари судебного заседания, секретари суда) также была значительно сокращена. Это привело к тому, что достаточно часто функции секретаря судебного заседания стали выполнять помощники судей. Соответственно, помощники не могут в полной мере выполнять свои прямые обязанности, и это в конечном итоге приводит к дополнительной нагрузке на судей и может ухудшить качество правосудия.

Изложенное позволяет сделать вывод, что для качественного и своевременного рассмотрения дел, обеспечения принципа доступности правосудия необходимо дальнейшее совершенствование процессуального законодательства в совокупности с разрешением организационных и кадровых проблем. Реализация этих мероприятий должна предоставить лицам более широкие возможности для обращения в суды за защитой своего нарушенного права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023).

3. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ.

4. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 18.07.2019 № 191-ФЗ.

6. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мищенко Людмилы Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 49 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.07.2022 № 1955-О.

8. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25.

9. Постановление X Всероссийского съезда судей № 1 от 1 декабря 2022 года.

Г. Г. Камалова,

д.ю.н., доцент, заведующая кафедрой

информационной безопасности в управлении

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МАШИНОЧИТАЕМОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

В условиях активной цифровизации всех сфер актуализируется повышение эффективности деятельности органов правосудия на основе внедрения инновационных технологий. Революционная динамика цифровых технологий вызывает колоссальную трансформацию общественных отношений, формируя новые вызовы и риски. Безусловно, это не могло не затронуть право. В связи с этим для субъектов юридической деятельности профессиональный интерес представляют новейшие технологии различных направлений цифровизации права в отношении перспектив их трансформирующего воздействия, а также сопутствующих этому рисков.

Воздействие информационно-коммуникационных технологий на право происходит по нескольким направлениям: трансформация регулируемых отношений и, соответственно, изменение регуляторных механизмов; внедрение разнообразных информационных технологий в правотворческую и правоприменительную деятельность; формирование машиночитаемого права. При этом создание и внедрение машиночитаемого права является наиболее инновационной моделью цифровой трансформации права, реализуемой посредством формализованного представления содержания правовых норм и последующей автоматизации правоприменения.

Совершенствование правового регулирования в соответствии с Планом мероприятий федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» осуществляется, кроме прочего, посредством исследования потенциала перевода права в машиночитаемый вид и автоматизации процессов исполнения норм права. В связи с этим машиночитаемое право представляет сегодня значи-

тельный интерес, т. к. оно затронет глубинные механизмы права, изменив способ его представления и реализации. Это актуализирует разработку специального искусственного языка формализованного изложения норм права, а также инструментов описания смарт-контрактов. В настоящее время ставятся задачи исследования возможности перевода норм в машиночитаемый вид, автоматизации их исполнения, перспектив внедрения технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) в право, а также пределов применения машиночитаемого и машиноисполняемого права.

Еще в 2021 году Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности была утверждена Концепция развития технологий машиночитаемого права⁵². В Концепции целью формирования машиночитаемого права на современном этапе определяется систематизация знаний о направлениях и способах развития машиночитаемого права. Достижение этой цели предполагает научное осмысление возможности «встраивания» правовых норм в информационные системы и автоматизации различных сервисов, включая обмен цифровыми данными.

Под машиночитаемым правом в Концепции понимается основанное на онтологии изложение норм права на формальном языке с совокупностью инструментов применения норм, представленных в формализованном виде. При этом происходит математическое моделирование правовых норм на основе использования достижений логики, статистики, правовой лингвистики, иных наук и научных направлений, т. е. машиночитаемое право является междисциплинарным и основанным на синергетических эффектах. Ключевую роль в формировании машиночитаемого права играет технология ИИ, применение которой может охватывать широкий круг правовых

⁵² Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31). Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

вопросов, включая построение моделей рассуждений и принятия решений, правовых алгоритмов анализа и обобщения текстов, автоматического поиска правовых положений и решения типовых правовых задач. Роль технологии ИИ определяется необходимостью решения сложной интеллектуальной задачи – выявление смысла правовых норм и их взаимосвязей при формировании машиночитаемого права.

Машиночитаемое право, как всякий технологический феномен, имеет определенную предысторию, которая охватывает разработку и внедрение экспертных систем в праве, правовых информационно-поисковых систем и развитие иных направлений информатизации судов, которые исподволь готовили фундамент для реализации современных концептуальных идей машиночитаемого права. Большое значение для будущего машиночитаемого права играет и развитие машиночитаемых форматов правовых документов, и машинное представление содержания и структуры правовых норм, которым уделялось и уделяется значительное внимание в системе государственного управления. Однако машиночитаемый формат документа без выявления содержания правовой нормы сегодня уже является обычной практикой, в то время как машиночитаемое право предполагает машинное представление смысла правовых положений, что является пока лишь перспективой права.

Необходимо отметить, что машиночитаемое право требует определенности норм права и всегда ориентировано на заданный уровень цифровых технологий. Представляется, что наибольшее применение машиночитаемое право в настоящее время найдет для решения узкоспециальных задач, четко определенных правовых процедур, включая разнообразные вопросы планирования, анализа и сопоставления.

Сегодня человечество находится в сложных условиях приобретения первоначального опыта построения и применения машиночитаемого права. При этом данный путь имеет не только впечатляющие перспективы, но и таит определенные риски, что требует некоторой осторожности при внедрении рассматриваемой инновационной технологии в системе судопроизводства. С одной стороны,

машиночитаемое право позволяет значительно повысить эффективность правоприменения путем его автоматизации. Так, машиночитаемый код на основе технологии ИИ позволит анализировать материалы споров и формировать решение по спору, и решать иные задачи правоприменительной практики. Многократное использование норм права, содержание которых представлено в машиночитаемом виде, позволит минимизировать ошибки правоприменения и влияние субъективного усмотрения. С другой стороны, параллельно с построением концепта машиночитаемого права должно происходить осмысление правовых рисков в этой области⁵³. В связи с этим следует отметить, что в настоящее время научных работ по машиночитаемому праву относительно немного и интерес исследователей к этой сфере только начинает проявляться.

При построении машиночитаемого права используются онтологии, понимание которых в науке и компьютерных науках различно. Онтология в науке – это учение о фундаментальных принципах и закономерностях бытия. Основным предметом философского учения онтологии являются вопросы полноты и единства всех видов реальности, включая виртуальную⁵⁴. В компьютерных науках понятие онтологии производно от вышеуказанного и представляет собой подробное и формализованное описание определенной области знаний или деятельности, представления ее в виде структурированной абстрактной модели, которая охватывает описание объектов и связей между ними, состоит из таксономии понятий и их определений, правил вывода, принятых в соответствующей области. Так, в Концепции развития технологий машиночитаемого права под онтологией понимается описание на формальном языке объектов права

⁵³ Камалова Г. Г. Информационно-правовые риски // Цифровые технологии и право : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. в 6 т. Т. 1 / под ред. И. Р. Бегишева [и др.]. Казань, 2022. С. 144–153; Риски в праве: пути решения : коллективная монография / Д. Д. Барамидзе, З. З. Зинатуллин, Н. В. Кузнецова [и др.] ; Удмуртский государственный университет // Сер.: Теория и история государства и права. М., 2020. 160 с.

⁵⁴ Онтология // Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 2001. С. 424.

и отношений между ними, включая сферы применения такого права, субъектов правоотношений, сделки и т. д.

Вместе с тем онтологический инжиниринг права сталкивается с определенными проблемами, т. к. право – сложная система. Правовые конструкции представлены на естественных языках и объем актов, содержащих правовую информацию, значительный. Их формальный анализ, направленный на извлечение смысла посредством ключевых слов, индексирования, грамматики и семантики даже с применением технологии ИИ, не всегда позволяет решить проблему выявления смысла правовой конструкции. При этом приемы, приемлемые в одной системе права, могут быть труднореализуемы в другой. Нормы права имеют иерархию, взаимосвязи, толкование в зависимости от конкретных обстоятельств. Правоприменение требует учета всей системы действующих норм, основанного на общеправовых ценностях и доктринальных подходах, что обуславливает значение судейского, административного и иного усмотрения.

Вместе с тем теоретические концепты и дискуссионные положения права мало приемлемы для представления в машиночитаемом формате. Попытка строгой формализации ценностей права неизбежно будет наталкиваться на оценочность и сложность связей между объектами права. Так, право характеризуется большим разнообразием правовых принципов. Однако реализация в машиночитаемом праве этих принципов во всем их многообразии представляется крайне затруднительной. Исследователи справедливо отмечают, что процесс применения принципов права носит творческий характер, а именно его лишены автоматизированные системы⁵⁵. А. А. Иванов также отмечает сложность перевода на машиночитаемый язык многозначных терминов, требующих множества оговорок и исключений из общего правила, вариативного понимания. Кроме того, нередко в праве существуют глубоко спрятанные логические противоречия, выявляемые только в ходе многократного применения норм⁵⁶.

⁵⁵ Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и концептуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 483.

⁵⁶ Иванов А. А. О глубине механизации права // Закон. 2018. №5. С. 35–41.

При этом правоприменение в системе правосудия требует не только понимания смысла правовых норм и их взаимосвязи, но и особенностей правоотношений в широком круге областей, а также определенной эмпатии, что представляется наиболее труднореализуемо в формате онтологий и применения ИИ. Следует также отметить, что в праве достаточно много правовых средств, позволяющих оценивать характер деяния субъекта на основе большой совокупности обстоятельств с учетом целей и мотивов лица, которые не всегда объективно измеряемы, а являются субъективно оцениваемыми. В связи с этим необходимо научное осмысление пределов применения машиночитаемого права.

Ситуация осложняется тем, что в основе права лежит идея свободы воли. В связи с этим целесообразно оценить возможность обучения системы ИИ нормам морали и этики, общим принципам и концептам права. Сложность этого процесса детерминирована тем, что этические и правовые ценности лежат не столько в области разума, но и в чувственных и интуитивных восприятиях человека. Для современного правосудия также важны ценностные аспекты права, которые наиболее ярко проявляются не столько в букве закона, сколько в его «духе», отражаясь в базовых началах и идеях, а также фундаментальных правах человека и основополагающих принципах права, включая идеи справедливости. Кроме того, цифровые технологии, реализованные на большом массиве данных и технологии ИИ, становясь объективным и беспристрастным инструментом принятия решений, лишены ошибок в связи с так называемым человеческим фактором, одновременно лишают человека свободы выбора и соответственно свободы воли.

Таким образом, положения права должны быть в ходе формирования машиночитаемого права разделены на нормы права: (1) описывающие правовые процедуры и правила, не вызывающие множественность толкования и сложность формального описания; (2) которые на современном этапе не могут быть формализованы в силу отсутствия математической модели представления сложных правовых конструкций и концептов. Это позволит использовать при

формировании машиночитаемого права взвешенный подход, предполагающий достаточную долю осторожности, учитывая социальную ценность права и системы правосудия.

Полагаем, что на современном уровне развития технологии ИИ принципиально невозможна замена человека в роли судьи интеллектуальной системой. Такая система может использоваться в качестве «интеллектуального помощника» судьи и его информационно-аналитического обеспечения, а также для выполнения процессов интеллектуального контроля и мониторинга судебных ошибок и условий, способствующих им⁵⁷. Действительно выполнение судебных функций предполагает оперирование понятиями добра и зла, справедливости и злоупотреблений, применение этих концептов для решения человеческих судеб, что представляется невозможным без понимания человеческой сущности, чего лишен ИИ.

Таким образом, исследование показывает, что концепт машиночитаемого права представляет научный интерес, но пока вопрос о всеобщей механизации права и системы судопроизводства не стоит, т. к. существуют риски недостаточной эффективности разрабатываемых механизмов, вследствие неспособности ныне существующей системы ИИ учитывать различные нюансы толкования и все особенности общественных отношений. Достигнутый уровень технологии ИИ пока не позволяет информационной системе реализовывать идеи справедливости, добра и иные ценностные ориентиры права. В связи с этим полагаем, идея, что человек и его права являются высшей ценностью в системе правового регулирования и правоприменения в ракурсе формирования машиночитаемого права сегодня приобретают особое звучание. Право было и остается социальной ценностью, пронизанной гуманными идеями и началами. В связи с этим исследователи все чаще обращают внимание на необходимость поддержания принципов гуманизма и ответственности

⁵⁷ Морхат П. М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 3. С. 61–85.

перед будущим поколением⁵⁸. Применение технологии ИИ и машинного права без взвешенного подхода к этим технологиям может способствовать дискриминации, а также формальному подходу к разрешению дел.

Список литературы

1. Камалова Г. Г. Информационно-правовые риски // Цифровые технологии и право : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. в 6 т. Т. 1 / под ред. И. Р. Бегишева [и др.]. – Казань, 2022. – С. 144–153.

2. Риски в праве: пути решения : коллективная монография / Д. Д. Барамидзе, З. З. Зинатуллин, Н. В. Кузнецова [и др.] ; Удмуртский государственный университет // Сер.: Теория и история государства и права. – М., 2020. – 160 с.

3. Онтология // Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, 2001.

4. Иванов А. А. О глубине механизации права // Закон. – 2018. – №5. – С. 35–41.

5. Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и концептуальное значение принципов права // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 483.

6. Морхат П. М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 61–85.

7. Чубукова С. Г. Принцип ответственности перед будущими поколениями в информационном праве // Аграрное и земельное право. – 2018. – № 11 (167). – С. 134-137.

⁵⁸ Чубукова С. Г. Принцип ответственности перед будущими поколениями в информационном праве // Аграрное и земельное право. 2018. № 11 (167). С. 134–137.

С. О. Колегов,

*судья Верховного Суда Удмуртской Республики,
Председатель квалификационной коллегии судей
Удмуртской Республики.*

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ СУДЕЙ СУБЪЕКТА РФ В СИСТЕМЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСУДИЯ

Впервые необходимость включения в состав квалификационных коллегий судей представителей общественности – лиц, не наделенных государственно-властными полномочиями, не выполняющих функции представителей органов государственной власти, в том числе законодательных была изложена в определении Конституционный суда РФ в качестве одной из гарантий их самостоятельности. Включение в состав квалификационных коллегий судей представителей общественности позволило гражданам принимать участие в деятельности судейского сообщества и рассматривалось в качестве механизма преодоления «судейского корпоративизма».

Предполагалось, что с введением общественных представителей в состав квалификационных коллегий общественность будет иметь возможность осуществлять контроль за деятельностью судебной системы, способствовать повышению доверия к суду. Что изменилось за прошедшее время в данном вопросе? Была ли необходимость в создании такого института? Удалось ли добиться ожидаемых результатов?

Согласно положениям Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» квалификационная коллегия судей является органом судейского сообщества, которая формируется из числа судей федеральных судов, судей судов субъектов Российской Федерации, представителей общественности, представителей Президента РФ. Квалификационные коллегии судей не подотчетны органам, их избрав-

шим, за принятые решения. Квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации рассматривают вопросы, отнесенные к их компетенции: дают заключения о рекомендации данных лиц на должность судьи либо об отказе в такой рекомендации; приостанавливают, возобновляют либо прекращают полномочия судей; налагают дисциплинарные взыскания на судей соответствующих судов (в том числе на председателей и заместителей председателей районных судов) за совершение ими дисциплинарного проступка; осуществляют иные полномочия в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами.

Таким образом, квалификационные коллегии судей являются коллегиальным органом, деятельность которого охватывает все сферы судебной деятельности, и которому подотчетны все судьи, что указывает на ее исключительную и важную роль в системе органов судейского сообщества.

Институт общественных представителей в квалификационных коллегиях судей в субъектах РФ был введен в 2002 году, однако инициатива о создании данного института была выдвинута несколькими годами ранее. Выступая на V Всероссийском съезде судей от 27 ноября 2000 года, Президент Российской Федерации В.В. Путин предложил включить в состав квалификационных коллегий судей представителей юридической общественности, депутатского корпуса для того, чтобы избежать превращения независимости судебной власти в личную независимость судей⁵⁹.

6 февраля 2001 г. в Государственной Думе РФ состоялись парламентские слушания на тему «Законодательное регулирование вопросов, связанных с осуществлением судебной реформы в РФ». В целях совершенствования законодательства о статусе судей предлагалось делегирование представителей научной и юридической общественности в квалификационные коллегии судей субъектов Федерации⁶⁰.

⁵⁹ Совет судей Российской Федерации. URL: <http://www.ssrp.ru/siezd-sudiei/825>

⁶⁰ Судебная реформа в России: направления и перспективы // Современное право. 2001. № 2. С. 3.

В результате реформирования судебной системы в Российской Федерации законодательные органы субъектов РФ в соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» наделены правом в установленном законами и иными нормативными правовыми актами субъекта РФ порядке назначать 7 представителей общественности в квалификационную коллегия судей субъекта РФ⁶¹.

Необходимо отметить, что в федеральных законах понятие «общественный представитель» отсутствует. Существует множество подходов в толковании этого понятия в законодательных актах субъектов РФ, однако трактуется довольно широко.

Наиболее полно и объективно изложить все аспекты института представителей общественности в квалификационной коллегии судей субъекта РФ в системе процессуальных гарантий современного правосудия позволяет рассмотрение следующих вопросов:

- 1) порядок выдвижения, отбора и назначения представителей общественности в квалификационные коллегии судей субъектов РФ;
- 2) отсутствие контроля за указанными процедурами со стороны судебной системы;
- 3) основания прекращения деятельности представителей общественности в квалификационных коллегиях судей субъектов РФ.

Кадры судебных органов находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ, в связи с чем каждый субъект РФ сам определяет порядок выдвижения кандидатов в общественные представители, тогда как окончательное назначение производится законодательным органом субъекта РФ. Соответствует ли данное положение процессуальным гарантиям современного правосудия?

Так, в Удмуртской Республике Государственный Совет УР назначает в состав квалификационной коллегии судей УР представителей общественности⁶². Предложения же по кандидатам могут

⁶¹ Часть 4 ст. 11 ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 14.03.2002 (ред. от 08.12.2020).

⁶² Статья 2 Закона УР «О порядке назначения представителей общественности в квалификационной коллегии судей Удмуртской Республики» от 04.12.2015 № 81-РЗ (с изм. от 13.01. 2021).

поступать от некоммерческих организаций, основной уставной целью которых является защита прав и свобод человека и гражданина, зарегистрированных в соответствии с ФЗ «О некоммерческих организациях»; Главы УР, коллегиальных органов образовательных организаций высшего образования, постоянных комиссий Государственного Совета УР и представительных органов муниципальных образований в УР⁶³.

К примеру, в Пермском крае предложения по кандидатурам вносятся депутатами Законодательного Собрания Пермского края, губернатором Пермского края, органами местного самоуправления Пермского края, Уполномоченным по правам человека, общественными объединениями⁶⁴.

При этом ни один региональный нормативный акт не предъявляет никаких требований к органам и организациям, которые наделены правом внесения предложений по выдвижению кандидатур в квалификационную коллегию судей субъекта РФ. Действующее законодательство в этой области не содержит единых требований ни к организационно-правовой форме общественного объединения или организации, ни к численности их членов или сотрудников, их профилю и виду деятельности. Требования к документам, которые кандидат должен предоставить в соответствующую комиссию законодательного органа субъекта, также разнятся.

Таким образом, законодатель, наделив указанные органы и организации правом представлять интересы общественности в органах судейского сообщества, не предусмотрел единого порядка и критериев отбора кандидатов на место представителей общественности. Региональными нормативными актами устанавливается, что выдвигать кандидатов на место общественного представителя могут

⁶³ Часть 2 ст. 3 Закона УР «О порядке назначения представителей общественности в квалификационной коллегии судей Удмуртской Республики» от 04.12.2015 № 81-РЗ (с изм. от 13.01. 2021).

⁶⁴ Статья 1 Закона Пермского края «О представителях общественности в квалификационной коллегии судей Пермского края» от 27.04. 2007 (в ред. от 04.10.2014 № 377-ПК, от 11.05.2022 № 67-ПК).

и главы республик, и региональные депутаты, что, в свою очередь, порождает риск зависимости кандидата от политических структур субъекта, которые будут иметь возможность использовать его в качестве инструмента своего влияния на принимаемые квалификационной коллегией решения.

Процедура назначения кандидатов на место представителей общественности также, на наш взгляд, несовершенна. Например, в Удмуртской Республике, исходя из Закона «О порядке назначения представителей общественности в квалификационной коллегии судей Удмуртской Республики», кандидатов на место представителя общественности в квалификационную коллегию судей назначает Государственный Совет УР после одобрения предложенных кандидатур на заседании его постоянной комиссии. В отношении представителей общественности в ФЗ «Об органах судейского сообщества»⁶⁵ установлен ряд требований, в частности: представителями общественности в квалификационных коллегиях судей могут быть граждане РФ, достигшие 35 лет, имеющие высшее юридическое образование, не совершившие порочащих их поступков, не замещающие государственные или муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы, не являющиеся руководителями организаций и учреждений независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, адвокатами и нотариусами. В состав квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации не могут быть избраны председатели судов и их заместители.

Достаточно ли этих требований для кандидата на место общественного представителя в квалификационную коллегию судей субъекта Российской Федерации? Думается, ответ очевиден, указанных требований явно недостаточно, поскольку роль представителей общественности в деятельности квалификационных коллегий судей особая и важная, соответственно, необходимо введение

⁶⁵ Часть 8 ст. 11 ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 14.03.2002 (последняя редакция).

дополнительных требований к кандидатам. К таковым можно отнести наличие определенного стажа работы по юридической специальности, отсутствие конфликта интересов; возможно введение и других обоснованных дополнительных требований.

Совет судей субъекта также должен участвовать в оценке кандидатов, что позволит избежать возможности назначения кандидата на место представителя общественности, чья деятельность косвенно либо напрямую путем представления интересов граждан и организаций связана с отправлением правосудия.

В настоящее время в субъектах Российской Федерации отсутствует единый подход и к вопросам прекращения полномочий представителя общественности в квалификационной коллегии судей.

В Удмуртской Республике полномочия представителей общественности в квалификационной коллегии судей могут быть досрочно прекращены по его инициативе; в случае совершения им преступления, установленного вступившим в законную силу приговором суда; в случае его отсутствия на заседаниях квалификационной коллегии судей Удмуртской Республики в течение четырех месяцев без уважительных причин; в случае замещения должности или осуществления деятельности, указанных в ч. 2 ст. 2 Закона УР «О порядке назначения представителей общественности в квалификационной коллегии судей Удмуртской Республики»⁶⁶.

В соответствии же с Постановлением законодательного собрания Ленинградской области «О конкурсе на замещение вакантных должностей членов квалификационной коллегии судей Ленинградской области...»⁶⁷ полномочия представителя общественности могут быть прекращены досрочно: по его инициативе; в случае

⁶⁶ Часть 1 ст. 5 Закона УР «О порядке назначения представителей общественности в квалификационной коллегии судей Удмуртской Республики» от 04.12.2015 № 81-РЗ (с изм. от 13.01. 2021).

⁶⁷ Статья. 6 Постановления законодательного собрания Ленинградской области «О конкурсе на замещение вакантных должностей членов квалификационной коллегии судей Ленинградской области – представителей общественности, порядке их назначения и прекращения их полномочий» от 9.06.2002 № 501 (с изм. на 27.06.2018).

принятия общественной организацией, предложившей кандидатуру представителя общественности, решения о его отзыве; в случае прекращения трудовых отношений представителя общественности с юридической научной организацией, предложившей его кандидатуру; в случае совершения преступления, установленного вступившим в законную силу приговором суда; в случае совершения порочащего поступка; в случае отсутствия на заседаниях квалификационной коллегии судей в течение четырех месяцев без уважительных причин; в случае замещения государственной или муниципальной должности, должности государственной или муниципальной службы, должности руководителя организации или учреждения независимо от организационно-правовой формы и формы собственности либо в случае осуществления деятельности адвоката или нотариуса.

Приведенный пример с очевидностью указывает на неравенство представителей общественности в квалификационных коллегиях судей в разных субъектах РФ.

С учетом изложенного представляется необходимым сформировать единые требования к кандидатам на место представителей общественности, создать единую процедуру выдвижения, отбора и назначения представителей общественности в квалификационные коллегии судей субъектов РФ. Следует предоставить судейскому сообществу больше прав в данных процедурах в целях предупреждения риска «политизации», поскольку это может прямо или косвенно повлиять на работу квалификационных коллегий судей, что является недопустимым, так как противоречит принципу их независимости.

Введение единого перечня оснований досрочного прекращения полномочий представителя общественности в квалификационной коллегии судей субъектов РФ, полагаем, также является важным. Различие указанных оснований способно привести к ущемлению прав самого представителя, поскольку общественная организация, формы и профиль которой не уточнены, может отозвать кандидата с места общественного представителя, что повлияет на независимость работы органа судейского сообщества.

Однако, несмотря на имеющиеся проблемы и необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в этой сфере, введение института представителей общественности в квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации соответствует духу времени и целям проводимой судебной реформы. За прошедшие десятилетия он доказал свою состоятельность и полностью оправдал возлагаемые на него надежды.

Данный способ формирования органов судейского сообщества, наряду с ограничением права законодательных органов субъектов влиять на формирование судейского корпуса путем согласования их кандидатур для последующего назначения и снижения влияния руководителей суда субъекта на принимаемые квалификационными коллегиями решения, направлен на реализацию принципа независимости органов судейского сообщества и судебной системы в целом.

Список литературы

1. Фомина Е. В. Деятельность представителей общественности в работе квалификационных коллегий судей // Юридический мир. – 2013. – № 3.
2. Бархатова Е. Ю. Комментарии к Конституции Российской Федерации. – М. : Проспект, 2020.
3. Смирнова Н. Н. Порядок формирования и состав органов судейского сообщества: конституционно-правовые проблемы и пути их преодоления // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – №7.
4. Судебная реформа в России: направления и перспективы // Современное право. – 2001. – № 2. – С. 3.
5. Курманов М. М. Судья в отставке может быть представителем общественности в квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации? // Российский судья. – 2018. – № 10.

Н. В. Кузнецова,
к.ю.н., доцент, судья
Октябрьского районного суда
г. Ижевска Удмуртской Республики

ИСТИНА РОЖДАЕТСЯ В СПОРЕ (ИЛИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В СИСТЕМЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСУДИЯ)

В юридической науке в последние годы сложилось понятие процессуальных гарантий обеспечения того или иного материального права личности, под которыми традиционно понимается закрепленная в законе правовая возможность осуществления правосудия по конкретным делам [1].

К числу наиболее значимых процессуальных гарантий относятся принципы права и процесса как отправные, основополагающие правовые положения.

Статья 12 ГПК Российской Федерации, закрепляющая осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон (часть первая), а также предписывающая суду, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществлять руководство процессом, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел (часть вторая), принята во исполнение положений ст. 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, является процессуальной гарантией принятия судом законного и обоснованного решения и во взаимосвязи с другими предписаниями данного Кодекса, в том числе закрепленными в ст. 2, 195 и ч. 1 ст. 196 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ).

Количество гражданско-правовых споров, как, впрочем, и административно-правовых, рассматриваемых судами общей юрисдик-

ции, неуклонно растет. Повышается правовая грамотность и процессуальная активность сторон в гражданском судопроизводстве. Об этом однозначно свидетельствуют не только рост дел, рассмотренных судами первой инстанции, вынесенных ими решений, и не только постоянное возрастание количества апелляционных и кассационных жалоб, рассмотренных судами соответствующих инстанций, но и обращение участников гражданского судопроизводства с жалобами в Конституционный суд Российской Федерации по проверке конституционности положений ст. 12 ГПК РФ. За последние 10 лет таких жалоб в Конституционный суд РФ было подано более четырех десятков; в подавляющем большинстве в принятии жалоб было отказано, т. к. заявители чаще всего ставили вопрос о правильности ее применения при разрешении конкретного дела с их участием. Однако сам факт многочисленных обращений граждан с такими жалобами свидетельствует о том, что назначение и содержание данного принципа судопроизводства вызывает недопонимание роли суда в гражданском судопроизводстве и среди его участников, и иногда у судей.

Так, по мнению заявителец одной из таких жалоб, оспариваемые нормативные положения, в числе которых: ст. 6 «Равенство всех перед законом и судом», ч. 1 ст. 12 «Осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон» и ч. 1 ст. 5б «Обязанность доказывания» ГПК РФ, противоречат Конституции РФ, ее преамбуле, ст. 2, 3 (часть 4), 11 (части 1 и 2), 18, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 35, 47, 110 (часть 3), 114 и 123 (часть 3), поскольку они не обеспечивают равноправия потребителя и лица, предоставляющего коммунальные услуги, а также допускают:

- самостоятельное выявление и документирование самовольного (несанкционированного) подключения к системе водоснабжения и (или) водоотведения сотрудниками ресурсоснабжающей организации, которые, не будучи наделенными публичными властными полномочиями, выполняют таким образом публичную функцию по составлению ненормативного правового акта;
- наделение исполнителя, предоставляющего коммунальные услуги и не входящего в систему органов публичной власти,

публичными функциями по выявлению самовольного (несанкционированного) подключения, составлению акта об этом и доначислению потребителю платы;

– рассмотрение возникшего из публичных правоотношений спора о взыскании платы в случае самовольного (несанкционированного) подключения в порядке гражданского производства с использованием составленного ресурсоснабжающей организацией акта в качестве письменного доказательства; ... [2].

В других случаях заявители жалоб также ставили вопрос о нарушении их конституционных прав отдельными положениями ГПК РФ, которые не соответствуют ст. 50 (часть 2) и 123 (часть 3) Конституции РФ, поскольку позволяют суду возлагать на себя полномочия стороны по делу, запрашивая документы и приобщая их в качестве доказательств к материалам дела, по своему усмотрению принимать в качестве доказательств документы, которыми не могут подтверждаться обстоятельства, послужившие основанием для обращения в суд [3].

Возникающее у граждан непонимание активной деятельности суда в осуществлении рассмотрения гражданских дел обуславливает необходимость обращения к этой проблеме, в том числе в историческом аспекте.

Принцип равноправия сторон (ст. 12 ГПК РФ), иные требования процессуального закона, касающиеся состязательности сторон (ст. 56, 57, 196 ГПК РФ), неразрывно взаимосвязаны с правом на справедливую, компетентную, полную и эффективную судебную защиту, гарантированную каждому ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ч. 1 ст. 46 Конституции РФ.

Равенство исходных условий, – подчеркивается в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, – процедурное, но не фактическое равенство между прокурором и обвиняемым.

Изменения гражданско-процессуального законодательства в ходе реформ судебной системы, судопроизводства и судоустрой-

ства вызвали бурную дискуссию о состязательности и равноправии сторон, роли суда при рассмотрении гражданских дел, объективной и формальной истине как цели судебного разбирательства [4].

Еще в 1913 г. Е. В. Васьковский отмечал: «Фактический материал, собранный и представленный сторонами, должен быть критически проверен судом. Принять слепо на веру все, на что стороны нашли полезным сослаться, суд не может уже потому, что стороны обыкновенно противоречат друг другу и взаимно опровергают себя.

Кроме того, постулат материальной правды требует, чтобы суд стремился по возможности к обнаружению истины, к установлению фактических обстоятельств, на почве которых возник процесс, в том виде, какой они в действительности имели.

Законодатель может придать этого рода деятельности суда, направленной на оценку процессуального материала, тройкий характер: 1) либо снабдить судей точными критериями для измерения сравнительной силы доказательств, 2) либо предоставить оценку их свободному и бесконтрольному убеждению судей, 3) либо обязать судей оценивать доказательства по их внутреннему значению и мотивировать свои выводы.» [5]. Там же он отмечал, что с точки зрения ученого, две первые системы оценки доказательств являются неудовлетворительными. Связывая суду руки из опасения судейского произвола, формальная система доказательств тем самым лишает его свободы действий, необходимой для раскрытия материальной правды.

Вторая система – полной свободы судейского убеждения – исключает возможность проверки правильности сделанной судом оценки доказательств и вследствие этого открывает широкий простор для судейского произвола. Не будучи обязанными мотивировать свои решения, судьи получают возможность недобросовестно и небрежно относиться к исполнению своих обязанностей, уклоняться от всестороннего и тщательного исследования и сопоставления доказательств и довольствоваться общим впечатлением, которое произведено на них данным процессом.

Напротив, по мнению Е. В. Васьковского, система оценки доказательств по внутреннему убеждению с обязательной мотивировкой

выводов суда свободна от недостатков, свойственных иным системам оценки доказательств. «Не ставя искусственных преград свободе судейского исследования истины и в то же время не открывая дороги судейскому произволу, она вполне соответствует одному из основных правил исторического исследования, заключающемуся в том, что каждому источнику следует придавать то значение, какого он заслуживает».

Ученые-процессуалисты советского периода, не отрицая в целом состязательность процесса, отмечали, что разбирательство гражданских дел происходит с предоставлением субъектам процесса возможности отстаивать перед судом свои утверждения путем доказательства фактов, участия в совершении всех процессуальных действий при активной, руководящей роли самого суда, стремящегося вынести объективно истинное судебное решение [6]. Необходимость активной роли суда в состязательном процессе объяснялась интересами защиты прав и законных интересов сторон, дабы юридическая неосведомленность или другие обстоятельства не могли быть использованы им во вред.

Истоки советского принципа объективной истины в классовом (социалистическом) понимании значения этого слова следует искать в положениях ГПК РСФСР 1923 г.

В соответствии со ст. 5 ГПК РСФСР суд был обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся. Поэтому, не ограничиваясь представленными объяснениями и материалами, он должен был посредством предложенных сторонам вопросов способствовать выяснению существенных для дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред.

При этом суд разъяснял обращающимся к нему сторонам их процессуальные права и необходимые формальности, предупреждая о последствиях, связанных с процессуальными действиями или упущениями их.

На основании ст. 118 ГПК РСФСР каждая сторона должна была доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений. Доказательства представлялись сторонами, а также могли быть собираемы по инициативе суда. Если представленных доказательств было недостаточно, суд мог предложить сторонам представить дополнительные доказательства. В соответствии со ст. 121 ГПК РСФСР суд мог по собственной инициативе или по просьбе сторон производить необходимые поверочные действия по представленным доказательствам с помощью осмотра на месте, вызова сведущих лиц (экспертов), вызова и допроса свидетелей и проверки письменных документов.

Таким образом, по ГПК РСФСР 1923 г. гражданское судопроизводство и установление обстоятельств гражданских дел были основаны на следственных и в меньшей степени на состязательных началах. Нетрудно заметить, что положения ст. 5 и 118 ГПК РСФСР 1923 г. через сорок лет почти дословно были воспроизведены в ст. 14 и 50 ГПК РСФСР 1964 г. Так, суду вменялась обязанность, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями сторон, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон. Суд был также обязан при недостаточности доказательств собрать необходимые доказательства по собственной инициативе (ст. 14, 50 ГПК РСФСР 1964 г.).

Таким образом, даже полное бездействие сторон в представлении и исследовании доказательств, отстаивании своей позиции согласно закону не влекло для них наступления каких-либо неблагоприятных юридических последствий. Бездействие сторон суд должен был компенсировать собственными активными действиями по выяснению действительных обстоятельств дела.

В процессуальной теории наличие таких, казалось бы, противоречивых положений рассматривалось, как проявление специфических черт принципа состязательности советского гражданского процесса [7].

С изменением концептуальных подходов к регулированию правовых отношений, возникающих в связи с рассмотрением и раз-

решением гражданских дел, изменилось и представление о сущности состязательной формы современного российского судопроизводства. Ряд процессуалистов поспешили объявить, что законодатель отказался от принципа объективной истины гражданского процессуального права. И. В. Решетникова констатировала «отказ гражданского процессуального права от принципа установления объективной истины», отметив, что упомянутый принцип действовал «в гражданском процессуальном праве до января 1996 г.» [8]. Вместе с проф. В. В. Ярковым она высказала мнение, что в современном гражданском процессе «нельзя говорить и о том, что суд должен стремиться к установлению объективной истины, поскольку решение суда выносится на основе только тех доказательств, которые были исследованы в судебном заседании. Суд тем самым устанавливает так называемую формальную истину, определяемую границами доказательственной деятельности» [9].

Итак, классическое понимание состязательности судопроизводства предполагает такое построение процесса, при котором функция правосудия, осуществляемая судом, отделена от функций спорящих перед судом сторон. Суд, обеспечивая справедливое и беспристрастное разрешение спора и предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих прав и интересов, не может принимать на себя выполнение их процессуальных функций.

В юридической литературе в связи с этим родилось понятие «юридической» (или формальной) истины, которое представляет собой такое правило, согласно которому суд разрешает гражданские дела в пределах предоставленных ему доказательств ..., имея в виду, что суд не должен стремиться выяснять подлинные взаимоотношения сторон...

В соответствии с принципом юридической истины суд разрешает дело на основании представленных сторонами доказательств; суд не вмешивается в процесс доказывания, а лишь определяет, какие факты и какая сторона должна доказать, то есть распределяет между ними обязанности по доказыванию. Принцип юридической истины взаимосвязан с принципом состязательности и определяет,

что суд теперь может отказать в удовлетворении иска, например за недоказанностью, а сам не будет принимать мер к установлению обстоятельств дела.

Из принципа юридической истины вытекают следующие требования: 1) суд исследует обстоятельства дела в пределах доказательственной информации, представленной сторонами; 2) суд не собирает по своей инициативе доказательства; 3) при отказе стороны от представления по требованию суда письменного... вещественного... доказательства либо уклонения стороны от экспертизы... суд вправе считать соответствующий факт установленным либо опровергнутым». Заканчивая изложение данной проблемы, В. В. Ярков резюмирует: «Как видно, судебная реформа меняет функции суда в процессе, превращая его больше в арбитра, чем заинтересованного в установлении истины участника процесса» [10].

Современное правовое содержание принципа состязательности раскрывается в целом ряде норм ГПК РФ, касающихся доказательственной деятельности сторон, а также иной деятельности, связанной с реализацией своих процессуальных прав. Закон предоставляет сторонам возможность состязаться в ходе рассмотрения дела, доказывая обоснованность своих требований и возражений, приводя доводы в подтверждение правильности своей правовой позиции, высказывая мнение, заявляя ходатайства по всем возникающим в ходе рассмотрения дела юридическим вопросам (ст. 35, 56, 190 и др. ГПК РФ).

Таким образом, всё судебное разбирательство дела строится на основе состязания сторон посредством совершения различных процессуальных действий, имеющих своей целью отстоять свои права и законные интересы в суде.

Надо правильно понимать смысл положения о том, что при состязательной форме судопроизводства суд не может принимать на себя выполнение процессуальных функций сторон, т. е. совершать вместо сторон какие-либо процессуальные действия. Действительно, в состязательном процессе суд такого права не имеет. Но

это не означает, что в процессе состязания сторон суд должен выполнять роль отстраненного наблюдателя.

Закон возлагает на суд обязанность оказывать сторонам и другим лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств дела и правильного применения законодательства, сохраняя при этом независимость, объективность и беспристрастность (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ).

Наиболее ярко состязательный характер гражданского судопроизводства проявляется в правовом регулировании судебного доказывания.

В ч. 1 ст. 56 ГПК РФ сформулировано традиционное для состязательной формы судопроизводства положение, известное еще римскому праву: «Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом».

В обоснование своих требований и возражений стороны представляют имеющиеся у них доказательства. Суд вправе предложить им представить дополнительные доказательства тогда, когда это требуется по обстоятельствам дела.

Наделение суда такими полномочиями не противоречит принципу состязательности. Реализуя предоставленные законом права, суд при этом не выполняет процессуальных функций сторон по судебному доказыванию, суд исполняет возложенную на него законом функцию – осуществления правосудия посредством гражданского судопроизводства. Задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты прав и охраняемых интересов граждан и организаций (ст. 2 ГПК РФ). Очевидно, что выполнение этих задач невозможно без предоставления суду в состязательном процессе определенных распорядительных полномочий, связанных с судебным доказыванием и решением иных вопросов, возникающих в процессе разбирательства гражданских дел.

Вместе с тем пределы полномочий суда по самостоятельному собиранию доказательств и активной роли суда в доказывании нуждаются в теоретическом обосновании и в законодательном регулировании. Так, Е. А. Сердитова, председатель Арбитражного суда Удмуртской Республики в числе наиболее важных вопросов, нуждающихся в обсуждении, накануне X Всероссийского съезда судей отмечала, что «для арбитражных судов (и не только для них!!! – прим. автора) важно вернуться к обсуждению отдельных аспектов принципа состязательности. Выработанная судебной практикой такая категория, как «переход бремени доказывания», «перераспределение бремени доказывания», «бремя опровержения соответствующих доводов», «справедливое распределение обязанности по доказыванию» требуют закрепления нормы об обязанности суда определить момент такого перемещения (возложения) бремени доказывания. Появление возможности получения судом доказательств посредством электронных ресурсов, в частности, системы межведомственного взаимодействия (СМЭВ) требует обсуждения пределов допустимости соответствующих действий суда в отсутствие инициативы лиц, участвующих в деле» [11].

Отметим, что в настоящее время отсутствует прямой запрет возможности получения судом доказательств в отсутствие инициативы лиц, участвующих в деле, а изучение судебной практики показывает, что не осуществление таких действий судом общей юрисдикции при рассмотрении дела по существу рассматривается вышестоящими судами как неполнота установления обстоятельств дела.

Закон ограничивает лишь полномочия суда по собиранию доказательств при пересмотре вступивших и не вступивших в законную силу решений суда вышестоящими инстанциями. Так, для апелляционной инстанции были установлены следующие правила: «Если в апелляционных жалобе, представлении имеется ссылка на дополнительные (новые) доказательства, судья-докладчик, исходя из требований абзаца второй части 2 статьи 327 ГПК РФ, излагает их содержание и ставит на обсуждение вопрос о принятии дополнительных (новых) доказательств с учетом мнения лиц, участвующих в деле.

В случае, когда непосредственно в судебном заседании суда апелляционной инстанции лицо заявило ходатайство о принятии и об исследовании дополнительных (новых) доказательств, суд апелляционной инстанции разрешает вопрос об их принятии с учетом мнения лиц, участвующих в деле и присутствующих в судебном заседании, и дает оценку уважительности причин, по которым эти доказательства не были представлены в суд первой инстанции.

В соответствии с абзацем вторым части 1 статьи 327.1 ГПК РФ суд апелляционной инстанции принимает дополнительные (новые) доказательства, если признает причины невозможности представления таких доказательств в суд первой инстанции уважительными.

К таким причинам относятся, в частности, необоснованное отклонение судом первой инстанции ходатайств лиц, участвующих в деле, об истребовании, о приобщении к делу, об исследовании дополнительных (новых) письменных доказательств либо ходатайств о вызове свидетелей, о назначении экспертизы, о направлении поручения; принятие судом решения об отказе в удовлетворении иска (заявления) по причине пропуска срока исковой давности или пропуска установленного федеральным законом срока обращения в суд без исследования иных фактических обстоятельств дела.

Обязанность доказать наличие обстоятельств, препятствовавших лицу, ссылающемуся на дополнительные (новые) доказательства, представить их в суд первой инстанции возлагается на это лицо (статья 12, часть 1 статьи 56 ГПК РФ).

Дополнительные (новые) доказательства не могут быть приняты судом апелляционной инстанции, если будет установлено, что лицо, ссылающееся на них, не представило эти доказательства в суд первой инстанции, поскольку вело себя недобросовестно или злоупотребляло своими процессуальными правами» [12].

Существующая между двумя процессуальными принципами (состязательности и равноправия сторон) связь имеет объективный характер. Такой характер связи обусловлен тем, что действительное состязание сторон в процессе может происходить только при условии равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих

прав и законных интересов. Создание равных процессуальных возможностей обеспечивается действием принципа процессуального равноправия сторон. Применительно к данному принципу следует обратить внимание и на такое обстоятельство. Равенство процессуальных прав и обязанностей не означает их тождественность. Полностью тождественными права (обязанности) сторон быть не могут в силу того, что истец и ответчик – противоположные стороны в материальном правовом отношении, по поводу которого рассматривается дело.

Таким образом, в основе сужения классического понимания принципа состязательности сторон, ограничивающего активность суда в установлении фактических правоотношений сторон (читай: в собирании доказательств вне зависимости от волеизъявления сторон – прим. авт.) лежат следующие объективные факторы:

- субъекты гражданского правоотношения (стороны в споре) далеко не всегда равнозначны с точки зрения материальных и процессуальных возможностей (наличие юридических познаний и возможность доступа к ним; отношение к предмету спора – зачастую все и/или многие (большинство) доказательств находятся у одной из сторон, вовсе не заинтересованной в их предоставлении суду и другой стороне; состояние здоровья, возможность обеспечения явки в суд лично и/или приглашения представителя с этой целью и т. д.);

- субъекты гражданского правоотношения (стороны в споре) далеко не всегда, реализуя свои процессуальные права и обязанности, действуют добросовестно;

- именно на суд возложена моральная и юридическая ответственность за законность принимаемого решения.

Для вышестоящих судов этот перечень дополняется еще рядом обстоятельств:

- если судом первой инстанции неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела;

- если в суде первой инстанции не установлены обстоятельства, имеющие значение для дела, в том числе по причине неправильного распределения обязанности доказывания (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ);

– если судом первой инстанции стороны были необоснованно ограничены в их праве представлять суду доказательства, в частности, их ходатайства о собирании (предоставлении) доказательств были необоснованно отклонены судом.

Полагаем, что для всех суда любой инстанции обращение к общедоступным официальным источникам информации, в том числе, посредством электронных ресурсов, в частности, системы межведомственного взаимодействия (СМЭВ), не может рассматриваться как нарушение принципа состязательности сторон. Иное противоречило бы самой идее создания таких информационных ресурсов (единый государственный реестр недвижимости, единый реестр банкротств физических лиц и т. д.).

Думается, что если суд устранился от установления действительных обстоятельств гражданского дела и в рамках процессуального закона не предпримет соответствующих мер, он не выполнит задач гражданского судопроизводства, сформулированных в ст. 2 ГПК. Реальная защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и иных субъектов российского права вряд ли возможна без установления того, каковы же на самом деле были фактические отношения сторон [13].

Конституционный Суд РФ указал, что «именно суд в силу части второй статьи 12 ГПК Российской Федерации, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом и создает условия для установления фактических обстоятельств при рассмотрении и разрешении гражданских дел, что является необходимым для достижения задач гражданского судопроизводства. Это правомочие суда, будучи следствием принципа судейского руководства процессом, выступает процессуальной гарантией закрепленного в статье 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации права граждан на судебную защиту» [14].

Список литературы

1. См., напр.: Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 1998. – С. 374.

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Семеновых Анастасии Николаевны и Ханжиной Натальи Геннадьевны на нарушение их конституционных прав положениями ряда нормативных актов: Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 № 2372-О.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ваниной Людмилы Вадимовны на нарушение ее конституционных прав отдельными положениями Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 № 2453-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гуглина Владислава Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 № 2295-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Змаева Геннадия Матвеевича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2022 № 62-О и др.

4. См., в частности: Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе : монография. – Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009.

5. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. Т. I. – М., 1913. – С. 420–421.

6. См.: Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс : учебник. – М., 1956. – С. 49.

7. Гражданский процесс : учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. ; под ред. М. К. Треушникова. – М. : Статут, 2014.

8. Решетникова И. В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. – Екатеринбург, 1997. – С. 11, 50.

9. Бернам У., Решетникова И. В., Ярков В. В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. – Екатеринбург, 1996. – С. 26.

10. Решетникова И. В., Ярков В. В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. – Екатеринбург; М., 1999. – С. 100–101.

11. К X Всероссийскому съезду судей // Судебный вестник Удмуртии. Информационное издание судейского сообщества Удмуртской Республики. – 2022. – № 2(49). – С. 25.

12. Пункт 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».

13. Боннер А.Т. Указ. соч. – С. 38.

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Крупениной Лидии Ефимовны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 № 859-О.

О. А. Максимов,

д.ю.н., доцент, заведующий

кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО

«Ульяновский государственный университет»,

г. Ульяновск

ПОЛНОМОЧИЯ СУДЬИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБЫ В ПОРЯДКЕ СТ. 125 УПК РФ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ХОДАТАЙСТВО И ЖАЛОБУ

Следует согласиться с мнением, что «механизм принятия судом решений в досудебном производстве до настоящего времени так и не стал эффективным гарантом законности и справедливости при расследовании уголовных дел [1, с. 42; 2, с. 147]. Судебный контроль, являясь вмешательством в досудебное производство, представляет собой незаменимый инструмент восстановления нарушенных прав за счет его несвязанности с органом, осуществляющим производство по делу. При этом полномочия суда (судьи) существенно ограничены невозможностью принятия по результатам жалобы решения, имеющего последствия для дальнейшего производства по делу. Он может лишь констатировать факт незаконности обжалуемых действий (решений) и обязать соответствующий орган самостоятельно устранять недостатки. С точки зрения обеспечения независимости суда и его невмешательства в деятельность органов, осуществляющих досудебное производство, такая конструкция полномочий суда, несомненно, имеет право на существование. «Суд, осуществляя оперативный судебный контроль и предписывая устранить нарушения закона, не вправе возложить на себя выполнение функций должностного лица, проводящего уголовное преследование. Например ... не вправе указать, что следователь должен возбудить уголовное дело» [3, с. 194]. Однако, признавая первичность защиты невосстановимых впоследствии конституционных прав человека по сравнению с иными ценностями, что и является причиной существования судебного контроля за досудебным производством,

следует отметить неэффективность построения системы полномочий судьи по разрешению жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК РФ.

Практика исполнения таких решений показывает, что закрепленный в законе подход не гарантирует восстановления прав человека даже при удовлетворении жалобы. Государственные органы если и исполняют решения суда, то исключительно формально, причем не считая себя связанными какими-либо сроками, как правило, повторно выносят аналогичные решения с небольшими техническими изменениями. Предлагаемая Конституционным Судом РФ позиция о применении в данном случае ответственности за неисполнение судебного решения не позволяет в полной мере добиваться защиты и восстановления нарушенных прав. Фактическое отсутствие уголовно-процессуальных санкций за выявленное судом нарушение не восполняется иными механизмами.

Рассмотренная проблема неоднократно исследовалась [4, с. 9-10; 5, с. 36 и др.]. Высказывались, к примеру, предложения об установлении внепроцессуальной ответственности [6, с. 119–120], установлении срока устранения нарушений с письменным уведомлением об этом суда [7, с. 14]. Конституционный Суд РФ в постановлении № 30-П от 21.11.2017 наметил достаточно эффективный путь восполнения имеющегося у суда дефицита полномочий по восстановлению нарушенных конституционных прав личности путем указания на способ устранения нарушений – необходимость вынесения конкретного постановления. Однако такой подход сформулирован только в отношении постановления о прекращении уголовного преследования и не распространен ни законодателем, ни практикой на все случаи нарушения конституционных прав.

Полномочия судьи по разрешению жалоб на досудебном производстве должны обеспечивать решение задач, стоящих перед механизмом реализации права на ходатайство и жалобу [8, с. 205], в том числе возможность достижения затребованного результата с помощью привлекаемых полномочий. То есть по требованию обратившегося лица или орган, разрешающие жалобу, должны реализо-

вать свои полномочия и добиться восстановления нарушенных прав. Если тот, кто разрешает жалобу, не может восстановить нарушенные права, подача и разрешение жалобы бесполезны. Констатация факта нарушения прав не ведет к их защите даже при направлении требования об устранении нарушений. Защита и восстановление нарушенных прав в этом случае возлагается на тот же самый орган, который ранее допустил их нарушение, что очевидно противоречит как его сформировавшейся позиции, нашедшей выражение в совершенном нарушении, так и положению о невозможности контроля и надзора за самим собой.

Построение системы полномочий процессуальных органов как элемент механизма реализации права на ходатайство и жалобу должно приводить к возможности принятия решения (бездействия, совершения действия), создающего последствия в рамках уголовного дела, влекущие достижение процессуального интереса жалобщика. И полномочия судьи, которые являются «вершиной» данной системы, в большей степени, чем полномочия лиц и органов, осуществляющих производство по делу, ведомственный контроль и прокурорский надзор, должны позволять этот интерес достигать. В противном случае (как сейчас и происходит) обращение к судебному контролю представляет собой не реальное требование о защите и восстановлении прав, а заранее бесперспективное (с точки зрения основной задачи) обращение, с помощью которого можно решить лишь какие-либо попутные задачи – познакомиться с ранее неизвестными материалами дела, узнать позицию иной стороны, озвучить свою позицию и т. д.

Публичные полномочия процессуальных органов, достаточные для достижения процессуального интереса обращающегося, должны своевременно запускаться в любой момент уголовно-процессуальной деятельности. И полномочия судьи, направленные на восстановление нарушенных конституционных прав человека, должны обеспечивать немедленное устранение допущенных нарушений, а не находиться в зависимости от усмотрения лица или органа, допустившего такое ограничение. Иначе судебный контроль,

само существование которого на досудебном производстве обусловлено невозможностью более позднего восстановления прав, не имеет смысла, не решает возложенных на него задач и превращается в красивую «иллюстрацию» права на судебную защиту. Невозможность реализации органом или лицом, осуществляющим процессуальную деятельность, полномочий по предоставлению заявителю блага, которое он требует, приводит к неполноценности механизма реализации права на ходатайство и жалобу.

Принимая во внимание контраргументы, выдвигаемые видными учеными [9, с. 171–172 и др.], все же думается, что логическим завершением формирования полномочий контрольно-надзорных инстанций в уголовном судопроизводстве должно быть предоставление суду полномочий по отмене решений органов, осуществляющих производство по уголовному делу, препятствующих восстановлению нарушенных прав. Восстановление нарушенных прав как основной ценности является приоритетной задачей всей системы уголовного правосудия, и возможность немедленной отмены решения, ему препятствующего, не может отсутствовать в правоохранительном арсенале контролирующего субъекта.

Следует отметить, что законодатель предоставил суду право на вынесение позитивных решений на досудебном производстве, в том числе и правовосстановительных. Прежде всего, речь идет о решениях о проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, и избрании ряда мер пресечения. Кроме того, согласно п. 1 ч. 3 ст. 125.1 УПК РФ суд, удовлетворяя жалобу о признании незаконным постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, указанным в части второй статьи 24 или части третьей статьи 27 УПК РФ, самостоятельно выносит решение о наличии (об отсутствии) оснований для применения процедуры реабилитации. Таким образом, ограниченное вмешательство особого субъекта, основной задачей которого является правозащитная деятельность, допускается при недостаточности гарантий прав и свобод другими средствами, несмотря на возможное смешение уголовно-процессуальных функций.

Отсутствие полномочий по принятию двигающих процесс решений, а также ограниченность судебного контроля на досудебном производстве правами человека, выходящими за рамки исключительно уголовно-процессуальных отношений, будут служить гарантией от руководства следствием со стороны суда. Предлагаемые полномочия находятся в полном соответствии с выстраиваемой моделью уголовного судопроизводства, так как не носят позитивного характера – судья сможет только отменять решения, не имея возможности направить расследование. Так, несмотря на отмену судьей постановления о прекращении или приостановлении уголовного дела, его возобновление будет производиться отдельным решением и другим субъектом. Однако даже такое «урезанное» полномочие гораздо более приемлемо для реализации права на ходатайство и жалобу в сравнении с полномочием требовать устранить нарушение закона. Отмена решения (и, соответственно, течение процессуальных сроков, в которые должно быть принято решение по делу), неумолимо подталкивает к принятию решения позитивного, чего не наблюдается в случае направления судьей требований об устранении нарушений закона.

Возможность для судьи отмены при разрешении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ незаконных и необоснованных решений в совокупности с направлением требований об устранении допущенных нарушений составит деятельный элемент механизма реализации права на ходатайство и жалобу.

Список литературы

1. Лунева А. В. Судебный контроль за соблюдением законности при расследовании уголовных дел // Вестник ДВЮИ МВД России. – 2017. – № 1 (38). – С. 41–48.
2. Чеботарева И. Ю. Уголовно-процессуальная функция контроля в иерархической системе иных конкурирующих функций, осуществляемых должностными лицами государственных органов в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2016. – 216 с.

3. Кириллова Н. П. Усиление судебного контроля как одно из направлений повышения эффективности уголовно-процессуальной политики государства // Петербургский юрист. – 2016. – № 3. – С. 188–198.

4. Луценко П. А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – 28 с.

5. Кириллова Н. П. Определение компетенции суда при осуществлении судебного контроля на стадии предварительного расследования // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 4. – С. 35–40.

6. Шадрина Е. Г. К вопросу повышения качества уголовного преследования через эффективный механизм обжалования // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. – 2016. – № 4. – С. 111–122.

7. Цурлуй О. Ю. Процессуально-тактические особенности обжалования процессуальных действий и решений в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2011. – 22 с.

8. Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12..00.09. – Ульяновск, 2022. – 595 с.

9. Николук В. В. Рецензия: Трунов И. Л. Защита прав личности в уголовном процессе. – М.: Юриспруденция, 2005. – 304 с. // Российский юридический журнал. – 2006. – № 2 (50). – С. 168–174.

Т. Н. Маслова,
*старший помощник прокурора
Вахитовского района города Казани
прокуратуры Республики Татарстан,
младший советник юстиции*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Институт безопасности личности в уголовном процессе Российской Федерации по сравнению с другими, в том числе зарубежными странами, довольно «молодое» явление. Связано это с тем, что основным нормативным правовым актом в сфере обеспечения безопасности личности в уголовном процессе является Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»⁶⁸. Также следует отметить отраслевые кодифицированные законы, в которых установлены самостоятельные меры безопасности участников уголовного судопроизводства: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), иные подзаконные нормативные акты. Именно поэтому под институтом безопасности личности в отечественной науке в настоящее время понимается комплексное, межотраслевое явление, о чем имеется достаточное количество научных публикаций⁶⁹.

⁶⁸ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 года (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 23.08.2004. № 34. Ст. 3534.

⁶⁹ См., например: Епихин А. Ю., Мишин А. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: учебное пособие / Казань, 2018; Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве // Сер. Учебная литература. Сыктывкар: М-во образования Рос. Федерации, Сыктывк. гос. ун-т, 2004. /; Епихин А. Ю.

Согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ одним из назначений уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Исходя из этого, при условии, что должностное лицо, ведущее расследование по уголовному делу, прокурор и суд имеют достаточные данные о противоправных деяниях в отношении одного из участников процесса в рамках своих полномочий обязаны принять меры безопасности, предусмотренные соответствующими статьями УПК РФ.

В большей степени меры безопасности применяются должностными лицами, ведущими предварительное расследование по уголовному делу. Предварительное следствие является одной из самых квалифицированных норм расследований преступлений, способов обеспечения безопасности государства, общества и личности. К органам, осуществляющим предварительное расследование, в соответствии со ст. 151 УПК РФ относятся следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, следственные органы Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также следственные органы Федеральной службы безопасности.

Согласно статье 29 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁷⁰ предметом надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законодательства следственными органами признается:

- 1) «соблюдение установленного порядка проведения расследования;
- 2) соблюдение прав и свобод человека и гражданина;
- 3) законность, принимаемых органами следствия решений».

В соответствии с пунктом 1.1 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 года № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью

Законодательство зарубежных стран, обеспечивающее безопасность участников уголовного судопроизводства: лекция. Сыктывкар, 2003 и др.

⁷⁰ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/

стью органов предварительного следствия»⁷¹ одной из приоритетных задач органов прокуратуры является защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений.

Таким образом, представляется возможным выделить некий подвид прокурорского надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законодательства следственными органами – надзор за исполнением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о правах потерпевшего. Данный подвид включает в себя деятельность прокурорских работников по выявлению, устранению и предупреждению нарушений закона. В предмет надзора включается:

- 1) исполнение требований закона о признании лица потерпевшим и разъяснение ему прав;
- 2) исполнение требований уголовно-процессуального закона, касающихся реализации прав на охрану потерпевшего и иных участников уголовного процесса;
- 3) исполнение требований закона о возмещении вреда, причиненного преступлением потерпевшему.

Под мерами безопасности в отношении участников уголовного процесса принято понимать совокупность механизмов, направленных на охрану прав и свобод человека и гражданина в этой процессуальной сфере. Отметим, что не всегда гражданин добровольно принимает решение об участии в производстве по делу в силу определенных обстоятельств (например, нежелание содействовать и сообщать имеющуюся у него информацию; опасение противоправного воздействия в связи с дачей показаний и т. п.).

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предусмотрено несколько механизмов обеспечения безопасности личности в уголовном процессе, указанных в ч. 3 ст. 11:

- 1) «присвоение псевдонима»;

⁷¹ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 // Законность. 2021. № 12.

- 2) контроль и запись переговоров;
- 3) опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым;
- 4) проведение закрытого судебного заседания;
- 5) проведение допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение лица участниками уголовного процесса».

Как правило, перечисленные меры безопасности применяются в отношении потерпевшего, свидетеля, иных участников уголовного процесса. Понятие потерпевшего закреплено в статье 42 УПК РФ, согласно которому таковым является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации⁷².

После того как следователь (дознатель) изучил обстоятельства произошедшего, выявил наличие повода и основания, предусмотренных статьей 140 УПК РФ, он должен вынести постановление о возбуждении уголовного дела. Должностные лица, ведущие расследование, обязаны незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела вынести постановление о признании заявителя потерпевшим. Это обстоятельство представляется очень важным, так как до момента вынесения следователем постановления о признании лица потерпевшим, последний не обладает процессуальными правами, в том числе и правом на обеспечение безопасности в отношении его.

Особое место среди вышеперечисленных занимает прокурор. В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

⁷² См.: Епихин А. Ю., Тетерина Т. В. Совершенствование правового статуса потерпевшего в российском уголовном процессе. Сыктывкар, 2004.

Прокурор в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством имеет следующие полномочия при надзоре за обеспечением мер безопасности на досудебной стадии:

1) «проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

2) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

3) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия;

4) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий;

5) давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;

6) истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с настоящим Кодексом;

7) утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу».

Согласно ч. 5 ст. 37 УПК РФ вышеуказанные полномочия осуществляются только прокурорами районов, городов, их заместителями либо вышестоящими прокурорами.

Следует определить особенности деятельности прокурора за обеспечением безопасности участников уголовного процесса на досудебной стадии. Полномочия прокурора вне зависимости от перечисленных мер безопасности неизменны.

В стадии проверки сообщения о преступлении законом установлена возможность применения одной из пяти мер безопасности

– присвоение псевдонима (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Это прямо указано в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, то есть в процедуре механизма проверки в стадии возбуждения производства по уголовному делу. Вместе с тем в литературе высказывается мнение о возможности применения и иных мер: контроля и записи телефонных и иных переговоров, а также по уголовно-процессуальной аналогии – видео-конференц-связи⁷³.

Присвоение псевдонима может являться необходимо важным для предотвращения угрозы жизни и здоровью участника уголовного процесса. Следует согласиться с мнением Л. В. Брусницына о легальном определении круга должностных лиц, имеющих право доступа к содержанию постановления о присвоении псевдонима, которое хранится в отдельном конверте при уголовном деле. В данном случае он проводит аналогию с процедурой надзора органов прокуратуры за осуществлением оперативно-розыскной деятельности. Однако Л. В. Брусницын также считает, что «прокуроры, руководители следственных органов и дознания по отношению к субъектам, участвовавшим, в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в принятии решения об использовании псевдонима, не должны знакомиться с подлинными сведениями о скрываемом лице»⁷⁴.

Это утверждение представляется верным, потому что данная концепция нарушит один из принципов организации и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации – подчиненность нижестоящего прокурора вышестоящему и Генеральному прокурору Российской Федерации.

Должностное лицо, ведущее расследование по уголовному делу, подписав обвинительное заключение с разрешения руководителя органа, незамедлительно направляет уголовное дело прокурору. Прокурор, изучив материалы уголовного дела, должен, во-первых,

⁷³ См.: Мухаметшин Т. Р. Правовое регулирование применения мер безопасности личности в стадии возбуждения уголовного дела: дисс ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2022. С. 17–18, 42–42, 65 и др.

⁷⁴ Брусницын Л. В. К вопросу о надзоре за исполнением законодательства в сфере обеспечения безопасности участников уголовного процесса // Законность. 2012. № 9. С. 7–11.

проверить законность и обоснованность принятых следователем промежуточных и итоговых решений. В процессе оценки собранных следователем доказательств прокурор должен уделять особое внимание на то, чтобы показания защищаемого лица подтверждались и иными доказательствами по уголовному делу, так как в противном случае, например, когда только показания секретного свидетеля уличают обвиняемого, дело может быть направлено на дополнительное расследование. О важности этого решения с учетом правовых международных позиций отмечалось в литературе⁷⁵.

Исходя из изложенного, прокурор должен найти в предоставленных ему органами уголовного преследования материалах уголовного дела подтверждение виновности обвиняемого в совершении преступления, констатировать обоснованность доказанности и совокупности обвинительных доказательств, среди которых и показания, данные под псевдонимом, как одно из доказательств обвинения.

Если же прокурор не выявит указанные нарушения и направит уголовное дело вместе с обвинительным заключением в суд, то показания, данные под псевдонимом, будут единственным доказательством виновности обвиняемого. В свою очередь, такая ситуация может в будущем повлечь отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения на основании ч. 7 ст. 246 УПК РФ.

Также можно выделить дополнительный элемент в предмете прокурорского надзора при присвоении псевдонима – надзор за соблюдением условий, при которых применяется данная мера обеспечения безопасности. При этом к обязательным условиям применения

⁷⁵ См., например: Зайцев О. А., Епихин А. Ю., Гришина Е. П. Реализация международных принципов и стандартов защиты детей – жертв и свидетелей преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 20–33; Зайцев О. А., Епихин А. Ю., Мишин А. В. Проблемы имплементации международного опыта безопасности участников российского уголовного процесса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 2. С. 3–7; Жук О. Д. Сравнительно-правовые аспекты внедрения штатных негласных сотрудников в организованные преступные формирования // Российский следователь. 2017. № 17. С. 46–51 и др.

такой меры безопасности относятся также своевременность и объективность принятия решения о применении мер безопасности, право обжалования таких решений в порядке ст. 123, 124 УПК РФ.

Следует отметить, что в ч. 3 ст. 11 УПК РФ содержатся аналогичные требования для применения мер безопасности. Однако, как полагаем, в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве не указываются следующие критерии:

1) значимость информации, полученной от лица, подлежащего защите;

2) достоверность такой информации.

Значимость полученных показаний прокурор должен оценивать исходя из пп. 1, 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а достоверность устанавливается при итоговой оценке прокурором всех материалов представленного ему следователем уголовного дела.

Список литературы

1. Брусницын Л. В. К вопросу о надзоре за исполнением законодательства в сфере обеспечения безопасности участников уголовного процесса // Законность. – 2012. – № 9. – С. 7–11.

2. Епихин А. Ю. Законодательство зарубежных стран, обеспечивающее безопасность участников уголовного судопроизводства: лекция. – Сыктывкар, 2003.

3. Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве // Сер. Учебная литература. Сыктывкар : М-во образования Рос. Федерации, Сыктывк. гос. ун-т, 2004.

4. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: учебное пособие. – Казань, 2018.

5. Епихин А. Ю., Тетерина Т. В. Совершенствование правового статуса потерпевшего в российском уголовном процессе. – Сыктывкар, 2004.

6. Жук О. Д. Сравнительно-правовые аспекты внедрения штатных негласных сотрудников в организованные преступные формирования // Российский следователь. – 2017. – № 17. – С. 46–51.

7. Зайцев О. А., Епихин А. Ю., Гришина Е. П. Реализация международных принципов и стандартов защиты детей - жертв и свидетелей преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 20–33.

8. Зайцев О. А., Епихин А. Ю., Мишин А. В. Проблемы имплементации международного опыта безопасности участников российского уголовного процесса // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 2. – С. 3–7.

9. Мухаметшин Т. Р. Правовое регулирование применения мер безопасности личности в стадии возбуждения уголовного дела: дисс ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2022.

Н. В. Матушкина,
*к.ю.н., судья Второго кассационного
суда общей юрисдикции
г. Москва*

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ТРУДОВЫМ СПОРАМ

Как известно, правоприменительная практика по трудовым спорам постоянно развивается и совершенствуется в связи с изменениями, происходящими в законодательстве и в обществе. Необходимо отметить, что изменения в судебной практике по трудовым спорам имеют социально ориентированный характер и в целом направлены на защиту прав работника. Верховным Судом Российской Федерации в Обзорах судебной практики и судебных постановлений по конкретным делам неоднократно обращалось внимание судов на недопустимость формального похода к рассмотрению трудовых споров, отмечалось, что работник является слабой стороной в трудовых правоотношениях, что следует учитывать при разрешении споров.

В 2020–2022 годах Верховным Судом Российской Федерации была обобщена правоприменительная практика и приняты два Обзора судебной практики, в которых были изложены самые актуальные правовые позиции:

- Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020 [1];
- Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2022 [2].

Конституционный Суд Российской Федерации также принял несколько важных постановлений, выявив конституционно-правовой смысл отдельных норм трудового права: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2020 № 25-П «По делу о проверке

конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. А. Сыроева» [3], Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2022 № 3-П «По делу о проверке конституционности статьи 74 и пункта 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Пешкова» [4], Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подакова» [5].

В настоящее время условно можно выделить два основных направления развития судебной практики по трудовым спорам: изменения в разрешении процессуальных вопросов и новые правовые позиции в применении норм материального права [6].

Изменения в разрешении процессуальных вопросов связаны с новыми подходами к восстановлению процессуальных сроков обращения в суд с исковым заявлением, а также с апелляционными и кассационными жалобами на судебные постановления. Эти изменения направлены на обеспечение процессуальных гарантий правосудия по трудовым спорам.

Характеризуя разрешение процессуальных вопросов, необходимо отметить, что, начиная с 2018 года, существенно изменились подходы в оценке обстоятельств, послуживших основанием для пропуска истцом срока при обращении в суд для разрешения того или иного трудового спора, поскольку важные правовые позиции были сформулированы еще в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» [7].

До указанного периода обращения граждан за защитой своих трудовых прав в иные государственные органы до подачи иска в суд не всегда расценивались судами как уважительная причина пропуска срока, установленного статьей 392 Трудового кодекса

Российской Федерации, суды отказывали в иске в связи с пропуском срока обращения в суд.

Однако после принятия названного постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 изменилась правоприменительная практика по этому вопросу.

Верховый Суд Российской Федерации разъяснил, что к уважительным обстоятельствам пропуска срока обращения в суд относятся, в том числе: 1) обращение работника с нарушением правил подсудности в другой суд, если первоначальное заявление по трудовому спору было подано им в установленные законом сроки; 2) своевременное обращение работника с письменным заявлением о нарушении его трудовых прав в органы прокуратуры и (или) в государственную инспекцию труда, которыми в отношении работодателя было принято соответствующее решение об устранении нарушений трудовых прав работника, вследствие чего у работника возникли правомерные ожидания, что его права будут восстановлены во внесудебном порядке.

Эта же правовая позиция была вновь подтверждена в п. 23 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020.

Верховым Судом Российской Федерации неоднократно обращалось внимание судов на необходимость тщательного исследования всех обстоятельств, послуживших причиной пропуска работником установленного срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора.

В качестве новых примеров разрешения вопроса восстановления сроков обращения в суд можно привести определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2022 № 46-КГПР22-30-К6, от 26.09.2022 № 46-КГПР22-33-К6, от 03.10.2022 № 46-КГПР22-34-К6, от 28.10.2022 № 46-КГПР22-42-К6 по спорам работников к ПАО «Промсвязьбанк» о восстановлении на работе.

Во всех приведенных выше делах истцы указывали, что трудовой договор с ними расторгнут, и они были уволены с работы по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ по причине сокращения штата работников организации.

Одновременно с исковым заявлением представителем истцов было подано письменное ходатайство о восстановлении пропущенного срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора об увольнении, в котором он приводил доводы о том, что о нарушении своих трудовых прав истцы узнали только в марте 2021 года из апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 23 марта 2021 г. по аналогичному делу по иску бывшего работника ПАО АКБ «Связь-Банк» Ч. С. В. к ПАО «Промсвязьбанк» о восстановлении его на работе.

Суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу, что исковые требования Х. Л. Р. о восстановлении на работе являются обоснованными, ее увольнение по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ нельзя признать законным. Вместе с тем суды отказали в удовлетворении исковых требований истца о восстановлении на работе, поскольку пришли к выводу, что истцом без уважительных причин пропущен установленный ч. 1 ст. 392 ТК РФ месячный срок обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, потому как копия приказа об увольнении и трудовая книжка вручены Х. Л. Р. 30 апреля 2020 г., однако в суд с настоящим иском Х. Л. Р. обратилась лишь через год – 21 апреля 2021 г., то есть по истечении установленного законом срока.

Отменяя принятые по делу судебные постановления, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что судом первой инстанции не дана надлежащая правовая оценка доводам, приводимым представителем истца в обоснование уважительности причин пропуска Х. Л. Р. Срока обращения в суд, а именно тому, что до принятия судебной коллегией по гражданским делам Самарского областного суда апелляционного определения от 23 марта 2021 г. по аналогичному делу по иску бывшего работника ПАО АКБ «Связь-Банк» Ч.С.В. к ПАО

«Промсвязьбанк» о восстановлении его на работе Х.Л.Р. не знала и не могла знать о нарушении своих трудовых прав, поскольку ее увольнение по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ было произведено работодателем с соблюдением всех формальных процедур; она заблуждалась относительно добросовестности действий работодателя ввиду того, что о проведении процедуры реорганизации на момент ее увольнения она не была уведомлена работодателем надлежащим образом, соответствующими доказательствами такой реорганизации она не располагала. Между тем эти доводы подлежали оценке с учетом положений ч. 5 ст. 75 ТК РФ, предусматривающей, что реорганизация юридического лица не может являться основанием для расторжения трудовых договоров с работниками организации, и нормы, содержащейся в абз. 1 и 2 ч. 2 ст. 22 ТК РФ, об обязанности работодателя соблюдать трудовое законодательство.

Кроме того, существенно изменилась судебная практика по восстановлению сроков подачи апелляционных и кассационных жалоб, поскольку суды стали значительно чаще признавать уважительными причины пропуска таких сроков.

Суды исходили из того, что уважительными причинами могут быть признаны не только обстоятельства, относящиеся к личности заявителя, такие как тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т. п., но и иные обстоятельства, объективно препятствовавшие лицу, действующему добросовестно, реализовать право на обжалование судебного постановления в установленный законом срок. Часто уважительной причиной пропуска срока подачи апелляционной или кассационной жалобы признавалось несвоевременное вручение участвующим в деле лицам копии мотивированного решения суда, апелляционного или кассационного определения.

Вместе с тем следует отметить, что такая правоприменительная практика по восстановлению сроков подачи апелляционных и кассационных жалоб касается не только трудовых, но и всех других гражданско-правовых споров.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что приведенные выше изменения в правоприменительной практике при разрешении

процессуальных вопросов направлены на развитие процессуальных гарантий современного правосудия, обеспечения доступа к правосудию лиц, пропустивших процессуальные сроки по уважительным причинам.

Говоря об актуальных тенденциях судебной практики, связанных с применением норм материального права, учитывая объем настоящей статьи, остановимся на отдельных наиболее важных направлениях ее развития, в частности, по спорам о восстановлении на работе, об установлении факта трудовых отношений, а также на положениях о срочном трудовом договоре.

В Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020, Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что обстоятельством, имеющим значение для правильного рассмотрения дел об оспаривании дисциплинарного взыскания или о восстановлении на работе и подлежащим доказыванию работодателем, является соблюдение им при применении к работнику дисциплинарного взыскания вытекающих из ст. 1, 2, 15, 17, 18, 19, 54 и 55 Конституции РФ и признаваемых Российской Федерацией как правовым государством общих принципов юридической, а следовательно, и дисциплинарной ответственности, таких как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм. В этих целях работодателю необходимо представить доказательства, свидетельствующие не только о том, что работник совершил дисциплинарный проступок, но и о том, что при наложении взыскания учитывались тяжесть этого проступка и обстоятельства, при которых он был совершен (ч. 5 ст. 192 ТК РФ), а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду. Если при рассмотрении дела о восстановлении на работе суд придет к выводу, что проступок действительно имел место, но увольнение произведено без учета вышеуказанных обстоятельств, иск может быть удовлетворен.

Разрешая споры об увольнении за прогул (подп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ) или за неоднократное неисполнение работником без

уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание (п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ), суды стали ссылаться на приведенные выше разъяснения и принимать решения о восстановлении работников на работе даже при доказанности совершения ими дисциплинарного проступка, если работодателем не учтены тяжесть вменяемого работнику в вину дисциплинарного проступка и обстоятельства, при которых он совершен.

Кроме того, Верховным Судом РФ обращено внимание, что установление обстоятельств и причин (уважительные или неуважительные) отсутствия работника на рабочем месте является обязательным при рассмотрении судом дела по спору о законности увольнения работника по подп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ за однократное грубое нарушение работником трудовых обязанностей – прогул.

Так, например, З. считала, что ее увольнение является незаконным, поскольку она отсутствовала на рабочем месте по уважительным причинам. 3 февраля 2018 г. она вместе с несовершеннолетней дочерью выехала на личном автомобиле за пределы г. Москвы к престарелым родителям в деревню Фелисово, расположенную в Московской области. Состояние здоровья престарелых родителей требует от нее приезжать к ним каждые выходные и праздничные дни, она осуществляет за ними постоянный уход. 5 февраля 2018 г. она не смогла выехать от родителей и добраться до работы в г. Москву по независящим от нее причинам, связанным с метеорологическим явлением – сильным снегопадом в Москве и Московской области 3–5 февраля 2018 г., в результате которого выехать из деревни было невозможно. В данной деревне есть только одна дорога на въезд и на выезд, общественный транспорт в деревне отсутствует, ближайшая станция от деревни находится на расстоянии 10 км. С утра 5 февраля 2018 г. З. предпринимала все возможные действия, чтобы выехать от родителей и добраться до работы (обращалась по мобильному телефону с просьбой об очистке дороги). О невозможности добраться на работу З. в 8 часов 57 минут 5 февраля 2018 г. путем СМС-сообщения поставила в известность работодателя в лице непосредственного руководителя – начальника

отдела. Коммунальная служба расчистила улицы в деревне 5 февраля 2018 г. только в промежуток с 16 часов до 17 часов.

Верховный Суд РФ согласился с доводами истицы о наличии уважительных причин отсутствия на рабочем месте (п. 17 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020).

Исходя из разъяснений, изложенных в названном Обзоре, в том числе в других приведенных в нем примерах, в настоящее время суды начали более внимательно относиться к доводам работников о наличии уважительных причин отсутствия на работе.

При разрешении споров, связанных с увольнением по собственному желанию, важными являются разъяснения, изложенные в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2021), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021 [7], в которых указано, что расторжение трудового договора по инициативе работника может быть признано соответствующим требованиям трудового законодательства только в случае установления судом обстоятельств, свидетельствующих о наличии добровольного волеизъявления работника на увольнение по собственному желанию (п. 14).

Таким образом, при разрешении споров, связанных с увольнением по собственному желанию, необходимо проверять, было ли заявление об увольнении по собственному желанию написано добровольно либо работник написал его под принуждением. Если истец утверждает, что работодатель вынудил его подать заявление об увольнении по собственному желанию, то это обстоятельство подлежит проверке.

Кроме того, необходимо отметить, что в последние годы существенно изменилась судебная практика по спорам об установлении факта трудовых отношений, что нашло отражение в Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2022 (пп. 15–19 Обзора) [2].

Судами стали значительно чаще удовлетворяться исковые требования об установлении факта трудовых отношений.

Верховный Суд РФ разъяснил, что если работник, с которым не оформлен трудовой договор в письменной форме, приступил к работе и выполняет ее с ведома или по поручению работодателя или его представителя и в интересах работодателя, под его контролем и управлением, то наличие трудового правоотношения с таким работником презюмируется, и трудовой договор с ним считается заключенным. В связи с этим доказательства отсутствия трудовых отношений должен представить работодатель.

Важным является разъяснение о том, что при разрешении вопроса, имелись ли между сторонами трудовые отношения, суд вправе принимать любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством.

Так, обращаясь в суд с иском к ООО ЧОП «ФОРТ-С» об установлении факта трудовых отношений, А. Н. Радченко приводил доводы о том, что с 1 июня 2017 г. он был допущен работодателем к работе в должности охранника в ООО ЧОП «ФОРТ-С» на объекте охраны «Комплекс Галерная 5», однако в нарушение требований закона трудовые отношения между сторонами не были оформлены, трудовой договор с ним не заключался.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований А. Н. Радченко к ООО ЧОП «ФОРТ-С» об установлении факта трудовых отношений, суды первой и апелляционной инстанций указали, что истец не представил допустимых доказательств, с достоверностью подтверждающих наличие трудовых отношений между ним и ООО ЧОП «ФОРТ-С». По мнению суда первой инстанции, копии документов, представленные А. Н. Радченко в обоснование своих требований, не являются допустимыми доказательствами, свидетельствующими о факте трудовых отношений между ним и ООО ЧОП «ФОРТ-С», поскольку оригиналы данных документов суду не представлены, копии графиков дежурств на объекте «Комплекс Галерная 5» за период с июня по декабрь 2017 года не подписаны и не утверждены соответствующими должностными лицами

ООО ЧОП «ФОРТ-С», не имеют печатей этого общества, а удостоверение частного охранника А. Н. Радченко, выданное 8 декабря 2017 г., содержит сведения из личной карточки ООО ОП «АРЕС», а не ООО ЧОП «ФОРТ-С». При этом суд первой инстанции принял во внимание, что ответчик в ходе судебного разбирательства отрицал наличие трудовых отношений с истцом и указывал, что трудовые отношения у А. Н. Радченко возникли с ООО ОП «Арес».

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами судов, указав, что при разрешении вопроса, имелись ли между сторонами трудовые отношения, суд в силу ст. 55, 59 и 60 ГПК РФ вправе принимать любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством [2].

Полагаем необходимым также остановиться на наиболее важных постановлениях Конституционного Суда РФ по трудовым спорам, связанным с заключением срочных трудовых договоров.

Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 19.05.2020 № 25-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. А. Сысоева» признан абз. 8 ч. 1 ст. 59 ТК РФ не противоречащим Конституции РФ в той мере, в какой он по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагает заключения с работником срочного трудового договора, в том числе многократного заключения такого договора на выполнение работы по одной и той же должности (профессии, специальности) в целях обеспечения исполнения обязательств работодателя по заключенным им гражданско-правовым договорам об оказании услуг, относящихся к его уставной деятельности, а также последующего увольнения работника в связи с истечением срока трудового договора, если срочный характер трудовых отношений обусловлен исключительно ограниченным сроком действия указанных гражданско-правовых договоров [3].

По этому же вопросу изложена правовая позиция в Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора, утвержденный Президиумом Верхов-

ного Суда РФ 27.04.2022 (пп. 15–19 Обзора). В частности, указано, что при установлении в ходе судебного разбирательства факта многократности заключения работодателем срочных трудовых договоров с работником на непродолжительный срок для выполнения одной и той же трудовой функции суд вправе с учетом обстоятельств каждого дела признать трудовой договор заключенным на неопределенный срок [2].

Кроме того, Постановлением Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подакова» признаны не соответствующими Конституции РФ чч. 1 и 8 ст. 332 ТК РФ, поскольку они допускают произвольное определение работодателем срока трудового договора, заключаемого по итогам конкурса на замещение должности педагогического работника профессорско-преподавательского состава в вузе, а также произвольное определение срока, на который продлевается действие срочного трудового договора при избрании работника по конкурсу на замещение ранее занимаемой им должности, притом что выполняемая по этому договору работа является для работника основной [5].

Конституционный Суд РФ постановил, что федеральному законодателю надлежит в кратчайшие сроки внести в действующее правовое регулирование надлежащие изменения.

До внесения соответствующих изменений в действующее правовое регулирование трудовые договоры на замещение должностей педагогических работников профессорско-преподавательского состава могут заключаться как на неопределенный срок, так и на срок, определенный сторонами трудового договора, но не менее трех лет. Исключение составляют случаи, когда трудовой договор заключается впервые, либо планируемая учебная нагрузка педагогического работника не предполагает длительную занятость. В указанных случаях допускается заключение трудового договора с педагогическим работником на срок менее трех лет, но не менее чем на один год.

Вместе с тем судебная практика по трудовым спорам исходит из того, что необходимо в трудовых правоотношениях учитывать интересы не только работников, но и работодателя и не допускать злоупотребления правом, в том числе со стороны работников. К наиболее частым вариантам злоупотребления правом со стороны работников можно отнести сокрытие факта нетрудоспособности на момент увольнения, получение необоснованных компенсаций при увольнении (так называемые «золотые парашюты») [9].

Таким образом, правоприменительная практика по трудовым спорам ориентирована на современные потребности общества и государства и в целом направлена на защиту прав работника.

Список литературы

1. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020.

2. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2022.

3. По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. А. Сысоева: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2020 № 25-П.

4. По делу о проверке конституционности статьи 74 и пункта 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Пешкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2022 № 3-П.

5. По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подакова: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П.

6. Минкина Н. И. Современные тенденции судебной практики по трудовым спорам // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2020. – № 20-1. – С. 170–172.

7. О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.06.2021.

9. Мартынова Т. Н., Сгибнева О. В. Актуальные тенденции судебной практики по спорам, связанным с растяжением трудового договора по соглашению сторон // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 216–219.

Н. О. Машинникова,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного

процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

СУДЕБНАЯ ДИСКРЕЦИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСА О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ОСНОВАНИЮ, ПРЕДУСМОТРЕННОМУ СТ. 25 УПК РФ И СТ. 76 УК РФ

«Право, но не обязанность суда» – к сожалению, именно такую формулировку зачастую приходится встречать в судебных актах, разрешающих сугубо процессуальные вопросы, поставленные перед судом в ходатайствах сторон. Однако за таким сугубо юридическим канцеляризмом, получившим широкое распространение благодаря многочисленным разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, скрывается концептуальная ошибка в понимании сущности правосудия.

А есть ли у суда право? Казалось бы, сама постановка такого вопроса является абсурдной, но ведь суд при осуществлении правосудия и реализации судебной власти действует отнюдь не в личных, а исключительно в публичных интересах, а любое его право представляет собой суть его обязанностей, что говорит о наличии у него полномочий, которые он должен реализовывать в соответствии с законом.

Реализуя своё процессуальное полномочие в рамках имеющейся дискреции, суд должен обоснованно мотивировать своё решение и объяснить, почему он принял именно то или иное решение. Только при таких обстоятельствах оно может быть справедливым.

Обращаясь в этом контексте к уголовному судопроизводству, следует обратить внимание на ст. 25 УПК РФ и 76 УК РФ, позволяющие урегулировать уголовно-правовой конфликт за примирением сторон без разрешения дела по существу.

Разрешение вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон на стадии судебного производства находится в пределах дискреции суда.

Согласно ст. 76 УК РФ лицо ... может быть освобождено от уголовной ответственности. В соответствии со ст. 25 УПК РФ суд ... вправе ... прекратить уголовное дело.

Однако реализовать предоставленное законодателем полномочие в отношении такого лица, суд может лишь при наличии совокупности определённых в законе условий.

Совокупность условий, позволяющих в соответствии со ст. 76 УК РФ прекратить уголовное дело в отношении обвиняемого в порядке ст. 25 УПК РФ, образуют:

- совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые;
- факт примирения обвиняемого с потерпевшим;
- заглаживание обвиняемым вреда потерпевшему.

В соответствии с п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19 способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим [1].

Введение в уголовно-процессуальный и уголовный законы такого основания как прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон не зависит от формы уголовного преследования и имеет своей целью стимулирование лица, впервые совершившего преступление небольшой и средней тяжести, на возмещение потерпевшему материального и морального вреда, причинённого преступлением.

Можно предположить, что такая правовая конструкция в полной мере соответствует п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ – защита прав лиц, потерпевших от преступлений, поскольку в качестве обязательного процессуального основания прекращения уголовного дела в порядке ст. 25 УПК РФ является свободное волеизъявление потерпевшего о том, что уголовно-правовой конфликт исчерпан, извинения приняты, вред, причинённый преступлением, возмещён в полном объёме.

Прекращение в отношении подсудимого уголовного дела за примирением сторон не является примером проявления судом милости, на необходимость которой указывал в своё время Александр II при создании новых судов в результате судебной реформы. Оно

представляет собой полномочие суда при наступлении определённых в законе условий.

Освобождение лица от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ, имеет важное мотивационное значение, поскольку положительная судебная практика по прекращению уголовных дел за примирением сторон стимулирует последующих обвиняемых на возмещение потерпевшему вреда и самостоятельное урегулирование последствий совершённого ими преступления. Следовательно, не только достигается назначение уголовного судопроизводства, но и снижаются затраты на его осуществление, а значит повышается его общая эффективность.

В свою очередь, отрицательная судебная практика, которой отказано в прекращении уголовных дел при наличии совокупности условий, позволяющих его прекратить, препятствует достижению назначения уголовного судопроизводства как в общем, так и в частности. Это обусловлено тем, что при преобладании отрицательной практики над положительной по таким делам, последующие обвиняемые утрачивают интерес к возмещению вреда потерпевшему и ликвидации негативных последствий совершённого ими преступления, поскольку их позитивные действия не повлекут за собой освобождение их от уголовной ответственности. Даже имея материальную возможность возместить потерпевшему вред, причинённый преступлением, обвиняемый, осознавая отсутствие перспективы освобождения от уголовной ответственности, вряд ли будет тратить денежные средства в его пользу.

Как справедливо указывает Конституционный Суд РФ [2], невозможность сформировать основания применения статьи 76 УК РФ снижает без всяких причин стимулы для обвиняемого совершить данные действия в интересах потерпевшего, при том что оценка таких обязательств, как состоявшегося заглаживания вреда, требует согласия с этим самого потерпевшего. При этом обстоятельства, дающие возможность принять решение о прекращении уголовного дела, должны быть подтверждены процессуально на основе доказательств и закреплены в процессуальных актах.

Дискреция, предусмотренная законодателем для разрешения правоприменителем вопроса о прекращении уголовного дела, направлена на проверку и оценку последним обстоятельств выполнения обвиняемым всей совокупности условий, предусмотренных ст. 25 УПК РФ и 76 УК РФ, и наличия соответствующего волеизъявления потерпевшего. Самовольный же и немотивированный отказ в прекращении уголовного дела за примирением сторон вопреки имеющимся в материалах дела к тому основаниям противоречит назначению уголовного судопроизводства, закреплённому в ст. 6 УПК РФ.

Соотношение права и полномочия неоднократно подвергалось исследованию в общей теории права. По справедливому мнению Н. С. Железняка, Н. Ю. Тетерятникова и Ю. В. Леонтьевой, реализация субъективного права зависит исключительно от воли и желания его носителя и направлена на удовлетворение его личного интереса (иногда эгоистичного). В свою очередь полномочие – это правовое средство, по своему характеру занимающее промежуточное положение между субъективными правами и юридическими обязанностями, обладающее не только их признаками, но и своими собственными [3]. Полномочие – есть закреплённая в законе возможность реализации должностным лицом публичной власти либо действовать иным образом для исполнения своей юридической обязанности. Публичность полномочия предполагает его реализацию в интересах государства, общества, иных лиц, но не своих собственных.

С учётом сформулированного в ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства суд, отказывая в прекращении уголовного дела по ст. 25 УПК РФ и 76 УК РФ, должен обосновать в чьих интересах он принял такое решение и чем он при этом руководствовался. Обосновывая своё решение общественными и государственными интересами, указывая на публичность обвинения, суд при наличии совокупности условий, предусмотренных ст. 76 УПК РФ, не должен противопоставлять их интересам потерпевших по уголовному делу и праву обвиняемого на его прекращение и, более того, ставить интересы первых выше интересов вторых.

Последнее обусловлено как раз таки тем, что задачей уголовного судопроизводства является разрешение индивидуального уголовно-правового конфликта. Общая превенция достигается неотвратимостью такого разрешения. Поощрение же как форма разрешения уголовно-правового конфликта, в свою очередь, направлено на мотивацию лиц, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести к возмещению потерпевшему вреда и примирению с ним без радикальных правовых последствий для себя.

Право же, на которое ссылается суд при принятии процессуальных решений, на самом деле является его полномочием, то есть средством для разрешения уголовно-правового конфликта при наличии к тому определённых условий, а следовательно, не должно реализовываться произвольно, что позволит обеспечить законность, обоснованность и справедливость судебного решения.

Список литературы

1. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19 (в ред. от 29.11.2016). URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 30.01.2023).

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзикова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьёй 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2022 № 188-О. URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 30.01.2023).

3. Железняк Н.С., Тетерятников Н.Ю., Леонтьева Ю.В. Соотношение полномочий и полномочий в теории права и оперативно-розыскной деятельности // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 99–105.

Н. А. Маштакова,

к.ю.н., судья Октябрьского районного суда

г. Ижевска Удмуртской Республики

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время как материальное, так и процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит правовой дефиниции такого понятия, как электронное правосудие.

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»» одним из основных направлений развития судебной системы России является формирование системы электронного правосудия, что включает в себя создание современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры единого информационного пространства Верховного Суда Российской Федерации и федеральных судов общей юрисдикции, мировых судей, органов судейского сообщества, системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а также обеспечение высокого уровня ее доступности, эффективности взаимодействия с гражданами и организациями. Внедрение электронного правосудия нацелено на повышение качества работы судов (быстрое и качественное разрешение судебных дел), повышение открытости, доступности и прозрачности деятельности судов, судебных органов и органов судейского сообщества.

Многие приоритетные направления развития информационно-коммуникационных технологий в Верховном Суде Российской Федерации и судах общей юрисдикции, провозглашенные в вышеуказанной Концепции, в настоящее время реализованы в жизнь.

В правовой среде обсуждается вопрос о возможности разграничения понятий электронное судопроизводство и электронное делопроизводство. Учитывая, что с практической точки зрения необходимости в разграничении данных понятий, по мнению автора, не усматривается, в статье под электронным правосудием понимается вся совокупность элементов информационной и телекоммуникационной инфраструктуры единого информационного пространства.

Пандемия коронавирусной инфекции в связи с введением ограничений по территориальному передвижению физических лиц поспособствовала ускоренному внедрению в гражданское судопроизводство элементов электронного правосудия.

Помимо введенной 26.04.2013 Федеральным законом от 26.04.2013 № 66-ФЗ статьи 155.1 ГПК РФ, регламентирующей порядок участия в судебном заседании посредством видео-конференц-связи, Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» процессуальные кодексы были дополнены соответствующими статьями, регламентирующими дистанционный порядок судопроизводства с использованием веб-конференции, – ст. 153.2 АПК РФ, ст. 155.2 ГПК РФ, ст. 142.1 КАС РФ.

Согласно ст. 155.2 ГПК лица, участвующие в деле, и иные участники гражданского процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования системы веб-конференции при условии заявления ими соответствующего ходатайства и при наличии в суде технической возможности осуществления веб-конференции.

Предусмотрено, что суд, рассматривающий дело, может отказать в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции при отсутствии технической возможности либо при ведении разбирательства дела в закрытом судебном заседании.

Таким образом, положения гражданско-процессуального законодательства расширили возможность непосредственного участия сторон и иных участников процесса, территориально удаленных от места проведения судебного заседания, в судопроизводстве, поскольку

посредством веб-конференции участие могут принимать стороны и иные участники судопроизводства в разных точках подключения помимо зала суда.

Также в настоящее время в судах общей юрисдикции электронное правосудие реализуется посредством:

1) предоставления возможности подачи искового заявления и иных процессуальных документов через единый портал государственных услуг и (или) личный кабинет пользователя в государственной автоматизированной системе ГАС «Правосудие»;

2) извещения органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организации, являющихся сторонами и другими участниками процесса посредством размещения соответствующей информации в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки в суд, если суд располагает доказательствами того, что указанные лица надлежащим образом извещены о времени и месте первого судебного заседания. Такие лица, получившие первое судебное извещение по рассматриваемому делу, самостоятельно предпринимают меры по получению дальнейшей информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи. (ч. 2.1 ст. 113 ГПК РФ);

3) предоставления письменных доказательств с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (ст. 71 ГПК РФ);

4) введения процедуры аудиопотоколирования судебных заседаний и возможности проведения судебных заседаний посредством видео-конференц-связи, веб-конференции;

5) размещения информации о ходе судопроизводства или совершения отдельного процессуального действия в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

6) изготовления решений суда в электронном виде и размещение в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в ограниченном доступе;

7) создания банков судебных решений.

30.12.2022 в Государственной Думе Российской Федерации был одобрен законопроект № 1144921–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе», который создает правовую основу для использования уже имеющихся в судах возможностей подачи документов в электронном виде и удаленного участия в судебных заседаниях, а также учитывает планируемые в этой сфере изменения в рамках реализации мероприятий суперсервиса «Правосудие онлайн».

Еще 24 сентября 2021 года Председателем Верховного суда Российской Федерации В. В. Лебедевым на совещании председателей верховных судов государств – членов Шанхайской организации сотрудничества было анонсировано появление в 2024 году в Российской Федерации суперсервиса «Правосудие онлайн».

Суперсервис «Правосудие онлайн» – это часть большого проекта по цифровизации основных государственных, муниципальных и региональных услуг.

С помощью суперсервиса «Правосудие онлайн» граждане на портале госуслуг смогут дистанционно подавать иски, участвовать в заседаниях и отслеживать судебный процесс до момента вынесения решения, в том числе и обжаловать решение суда.

Согласно законопроекту № 1144921–7 п. 1.1 ст. 3 ГПК РФ будет изложен в следующей редакции: «Исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд в электронном виде посредством федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» либо через информационную систему, определенную Верховным Судом Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, либо через систему электронного документооборота участника процесса посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия».

Закрепляется, что документы могут быть поданы в суд посредством Единого портала либо через информационную систему,

определенную Верховным Судом Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. При этом указанные документы могут быть подписаны простой электронной подписью, если процессуальным законодательством не установлено требование на подписание их усиленной квалифицированной электронной подписью.

Статья 35 ГПК РФ с учетом законопроекта теперь будет изложена в следующей редакции: «При наличии технической возможности в суде лицам, участвующим в деле, может быть предоставлен доступ к материалам дела в электронном виде в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» посредством информационной системы, определенной Верховным Судом Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации».

Судебные извещения, в том числе судебные повестки в электронном виде могут быть доставлены посредством Единого портала и в систему электронного документооборота (новая редакция п. 7 ст. 113 ГПК РФ).

Участник судебного процесса, давший согласие на Едином портале на уведомление его посредством Единого портала, будет считаться извещенным надлежащим образом, если имеются доказательства доставки судебного извещения посредством Единого портала. Судебное решение, выполненное в форме электронного документа, сможет быть направлено лицам, участвующим в деле, посредством его размещения в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа, направлено посредством Единого портала или в систему электронного документооборота (новая редакция п. 5,6 ч. 2 ст. 113 ГПК РФ).

Участники процесса смогут участвовать в судебном заседании путем использования системы веб-конференции при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии в судах технической возможности осуществления веб-конференции.

Исходя из системного анализа действующих норм гражданско-процессуального кодекса РФ и положений одобренного Государственной думой Российской Федерации законопроекта № 1144921–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе», следует, что возможность доступа к системам электронного правосудия может быть ограничена технической невозможностью суда обеспечить доступ к материалам дела в электронном виде, а также обеспечить возможность участия в судебном заседании с использованием системы видео-конференц-связи и/или веб-конференции.

При этом стоит отметить, что действующее законодательство не содержит правовой регламентации и критериев, по которым суду возможно было бы отказать в удовлетворении ходатайства об ознакомлении с материалами дела в электронном виде, либо об участии в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи и/или веб-конференции в виду отсутствия технической возможности.

Указанная правовая неопределенность создает возможность как для необоснованного умаления прав участников судопроизводства на реализацию их конституционного права на доступ к правосудию, так и порождает проблемы правоприменения и оценки действий для суда с точки зрения соблюдения указанного права.

Учитывая изложенное, полагаем, что на законодательном уровне должно быть четко регламентировано, когда и при каких обстоятельствах суд в связи с технической невозможностью имеет право отказать участникам гражданского судопроизводства в реализации указанных прав.

При рассмотрении вопроса о развитии электронного правосудия, следует согласиться с мнением руководства Верховного Суда РФ и Совета судей России о необходимости постепенного внедрения в суд «слабого искусственного интеллекта», который сможет решать узкопрофильные задачи.

Так в 2021 году в качестве пилотного проекта на трех судебных участках мировых судей Белгородской области было подключено специальное программное обеспечение (искусственный интеллект), который подготавливает проект судебного приказа по взысканию налоговых задолженностей. По итогам проведения эксперимента было установлено, что время, затрачиваемое на подготовку судебного акта, уменьшилось на 84 %⁷⁶.

Учитывая постоянное и стабильное увеличение судебной нагрузки, считаем, что искусственный интеллект, бесспорно, был бы эффективен в обработке больших массивов данных, систематизации документов, проверке расчетов, подготовке типовых проектов судебных приказов и иных итоговых постановлений, в частности, в рамках мировой юстиции.

Поскольку составляющей судопроизводства является судебное делопроизводство, искусственный интеллект было бы полезно внедрить и в указанную сферу для протоколирования, распознавания и перевода в цифровой формат текстов, выдачу исполнительных листов, выписок и т. д. Передача данных функций искусственному интеллекту позволит разгрузить аппарат суда и повысить эффективность работы судебной системы.

Не вызывает сомнений, что внедрение в судебную систему современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры единого информационного пространства позволяет идти в ногу со временем, более продуктивно отвечать на запросы гражданского общества. При этом следует отметить, что все нововведения никоим образом не должны умялять, а должны помогать реализации конституционных прав граждан и юридических лиц, а также фундаментальных принципов судопроизводства.

⁷⁶ Робот-судья: реальность или фантастика – решали на ПМЮФ-22. URL: <https://pravo.ru/lf/story/241675/> (дата обращения: 04.02.2023).

М. А. Молоков,
аспирант ИЭиУ ФГБОУ ВО
«Удмуртский государственный университет»

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «МУЛТАНСКОГО ДЕЛА» В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Мултанское дело, рассматривавшееся Сарапульским окружным судом в 1892–1896 гг., несомненно, является самым громким уголовным процессом в истории Удмуртии, отголоски которого докатились до западноевропейской прессы. Мултанский феномен до сих пор активно притягивает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей, несмотря на то, что историография вопроса более чем обширна. Тем не менее надо заметить, что путаницы, заблуждений и искажений относительно этого дела остается еще немало.

На это указывает хотя бы тот факт, что даже в работах докторов наук упоминается беспристрастный поборник закона, обер-прокурор уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената и сенатор А. Ф. Кони в качестве «защитника» мултанских удмуртов наряду с адвокатами, учеными-этнографами, писателями, журналистами и иными представителями общественности [7; 8]. При этом, как известно, основанием для двух отмен обвинительных приговоров Сарапульского окружного суда в отношении мултанцев стали выявленные грубейшие процессуальные нарушения, т. е. уголовный кассационный департамент, как и при рассмотрении сотен иных дел, стоял на страже материального и процессуального законодательства и отнюдь не рассматривал дело по существу.

На слабое знание материала указывает и широко распространенное среди авторов использование конструкции «убийство Матюнина», поскольку сам факт убийства, как известно, так и не был установлен, а все манипуляции с трупом пожилого и страдавшего эпилепсией и иными болезнями нишего могли быть произведены

уже посмертно, включая отсечение головы. Можно было бы привести еще ряд примеров подобного рода, но эти сюжеты заслуживают отдельного рассмотрения в рамках специального историографического обзора.

На фоне проходных, случайных и даже откровенно компилятивных статей (см. напр.: [1]) следует отметить публикации, содержащие выдержки из копий материалов уголовного дела, хранящихся в ЦГА УР и УИИЯЛ, и дающие исследователям возможность работать не только с историографией, но и с опосредованными источниками [2; 3; 9]. Эта возможность сегодня, к сожалению, стала уникальной, поскольку, по утверждению некоторых специалистов, в частности, д.и.н., проф. К. И. Куликова, оригинал «Мултанского дела» в 1990-е гг. таинственно исчез из фондов РГИА, а запросы в архив относительно достоверности этой информации так и остались без ответа.

Примечательно также, что именно за два последних десятилетия были высказаны, пожалуй, наиболее интересные и оригинальные трактовки этого уголовного дела. Если на протяжении советского времени исследователями в различных вариациях поддерживалась доминировавшая версия о «России – тюрьме народов» и «русификаторской политике самодержавия», то в постсоветский период появились трактовки о закамуфлированном христианском просвещении, о целенаправленном разжигании национальной вражды, о мести, о включении инородцев в формируемое единое правовое пространство и т. д.

Можно согласиться с мнением, что «Мултанское дело» нельзя однозначно рассматривать ни как простое следствие русификаторской политики самодержавия, ни как противостояние христиан-русских и язычников-удмуртов, ни как примитивно сфальсифицированное следователями-карьеристами обычное уголовное дело, впоследствии раздутое до вселенских масштабов; что у Мултанского дела нет и не может быть однозначной трактовки, потому что оно как своеобразный цивилизационный индикатор отразило сложность национальных, религиозных, социально-политических и иных

противоречий, раздиравших Российскую империю на рубеже XIX–XX вв. [10, с. 256]. При этом, однако, удивляет тот факт, что практически никто из исследователей не уделяет должного внимания экономическому аспекту вопроса, а именно – аграрно-поземельным отношениям в Малмыжском, Елабужском и Сарапульском уездах, т. е. в так называемом «удмуртском Прикамье». Между тем на этот вопрос изначально обращал внимание один из активных участников процесса – доктор Патенко [6].

Несложно убедиться, что на момент начала Крестьянской реформы в 1861 г. подавляющее большинство удмуртов, проживавших на территории Вятской губернии, относилось к числу государственных крестьян, чьи земельные наделы были существенно крупнее (15–17 дес. на двор), чем у крестьян удельных (9–12 дес.), в большинстве своем – русских [4, с. 279]. Пореформенное разложение общины, регулярное сокращение размеров земельных наделов вследствие переделов и малоземелье вынуждало русское земледельческое население Вятской губернии мигрировать в восточном и юго-восточном направлении, вступая при этом в тесное взаимодействие с удмуртами. Большинство продвигалось дальше, в Сибирь, но многие стремились осесть в благополучных удмуртских волостях, которые еще с XVIII в. славились в качестве надежных и стабильных поставщиков товарного хлеба на Урал и в Поволжье.

Сложившееся на 1892 г. в Малмыжском уезде Вятской губернии экономическое положение хорошо охарактеризовал в губернской газете сямсинский волостной писарь Кашин: «Чтобы более еще уяснить в сравнительном отношении благосостояние русского и вотяка, то не требуется каких-либо особенных доказательных выводов, а следует сказать только следующее: при требовании весною каждогодно для продовольствия хлебной ссуды из общественных магазинов оказывается, что на 10 нуждающихся русских приходится нуждающийся один вотяк; при уплате податных сборов первой половины ежегодных окладов на 10 вотяков, уплачивающих исправно, приходится 1 русский и даже менее ... Разность экономического благосостояния русского и вотяка так очевидна, что невольно

поражает наблюдателя. Например, из Глазовского уезда русские ежегодно толпами бродят в нашем крае, выпрашивая милостыню, но вотяков нищими мне не приходилось встречать, хотя в Глазовском уезде их не меньший % по отношению к Малмыжскому» [5].

Переселению русских крестьян способствовал и печально известный голод 1891–1892 гг., ставший следствием череды засушливых лет. При этом далеко не все удмуртские общины принимали чужаков, даже если этому благоприятствовали условия и обстоятельства. Сопrotивлявшаяся пореформенной трансформации община-бускель была довольно замкнутой этнокультурной системой, державшейся на родстве-свойстве, религиозных традициях, нормах обычного права и кенеше (сельском сходе), как органе общинного самоуправления. Осуждение на каторгу большой группы мужчин-удмуртов выбило бы из старомултанской общины верхушку кенеша, после чего инфильтрация малоземельных русских крестьян из соседних деревень становилась лишь вопросом ближайшего времени.

Сложность русско-удмуртских поземельных отношений неминуемо сказывалась на позиции присяжных заседателей, подбираемых из числа местного населения, вследствие чего сторона защиты так настойчиво добивалась переноса судебного процесса в г. Казань.

Место и обстоятельства обнаружения обезглавленного трупа К. Матюнина не позволяют утверждать, что дело изначально было «антимултанским». Очевидно, оно стало таковым, когда именно крестьяне соседних русских деревень натолкнули органы дознания и следствия на версию о человеческом жертвоприношении. Многочисленные фальсификации и подтасовки, процессуальные нарушения и произвол так же, как и скандальная квазинаучная позиция экспертов-этнографов со стороны обвинения – все это стало лишь внешним проявлением громкого «Мултанского дела», глубинной сутью которого, как представляется, была активизация земельного передела в крае, развернувшегося вследствие мощного аграрно-продовольственного кризиса и конфликта между проникавшими в пореформенную удмуртскую деревню капиталистическими отношениями и многовековым патриархальным укладом.

Список литературы

1. Витрук Н. В. Мултанское дело (1892–1896) // Российское правосудие. – 2006. – № 8. – С. 22–33.
2. Воронцов В. С. «Дело глубокой темноты»: священнослужители об обстоятельствах Мултанского дела // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 484–490.
3. Воронцов В. С. «...Обратить особое внимание на необходимость принятия мер к восстановлению законного по делу порядка...». К 120-летию окончания «Мултанского дела» // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 88–100.
4. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века / под ред. К. И. Куликова. – Ижевск: УИИЯЛ, 2004. – 552 с.
5. Кашин. Сравнительный очерк экономического быта и нравственного культа русского и вотского населения в пределах Малмыжского уезда // Вятские губернские ведомости. – 1892. – № 74.
6. Патенко Ф. А. Дело мултанских вотяков. – Харьков, 1897. – 56 с.
7. Розенберг Н. А. Прорубить окно в Азию. – Ижевск: УдГУ; СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 193 с.
8. Сушкова Ю. Н. Мултанское дело в контексте обычного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 70–74.
9. Шепталин А. «Мултанское дело» в Удмуртии: 1892–1896 гг. // Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона : сб. док. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2002. – P. 185–206.
10. Шепталин А. Правовой аспект Мултанского дела в Удмуртии // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона : сб. стат. / под ред. К. Мацузато. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. – P. 225–262.

*А. А. Москалев,
мировой судья судебного участка № 4
Устиновского района города Ижевска
Удмуртской Республики*

ПОДГОТОВКА К РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ ПРАВОСУДИЯ

Правосудие по делам об административных правонарушениях заключается в рассмотрении судьями дел об административных правонарушениях, имеющее целью всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений.

Такое рассмотрение осуществляется в рамках установленного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1] порядка производства по делу об административном правонарушении, под которым понимается система процессуальных отношений, складывающихся между государством, в лице его органов (должностных лиц), с одной стороны, и участниками производства по делу об административном правонарушении, с другой.

Предусмотренный КоАП РФ порядок производства по делам об административных правонарушениях регламентирует все стадии такого производства, начиная от возбуждения дела, заканчивая моментом исполнения вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении. И в рамках такого порядка законодатель предусматривает ряд правовых средств (процессуальных гарантий), которые призваны обеспечивать всем лицам, принимающим участие в производстве по делам об административных правонарушениях, возможность выполнять установленные обязанности и использовать предоставленные им права.

Указанные средства предоставляются, с одной стороны, государственным органам (должностным лицам) для обеспечения возможности выполнять свои обязанности и использовать свои права для достижения задач производства по делам об административных правонарушениях, с другой стороны, участникам производства по делам об административных правонарушениях для реализации предоставленных им способов защиты, охраны прав и законных интересов, которая гарантирована обязанностью государственного органа (должностного лица) выполнять обращенные к ним требования. Реальное обеспечение прав участников производства по делу об административном правонарушении является гарантией правосудия и служит критерием оценки демократизма и гуманизма.

Центральными участниками производства по делу об административном правонарушении, на защиту прав, свобод и интересов которых и направлены задачи производства по делу об административном правонарушении, являются лицо, претерпевшее неблагоприятные последствия от противоправного поведения (потерпевший), и лицо, обвиняемое в совершении правонарушения (лицо, привлекаемое к административной ответственности).

Для этих целей как лицо, привлекаемое к административной ответственности, так и потерпевший законодателем наделены в основном равными процессуальными правами и обязанностями, гарантия реализации которых возложена на государственный орган (должностное лицо) при возбуждении дела об административном правонарушении и на судью при его рассмотрении.

К таким правам относятся, в частности: право быть извещенным о времени и месте составления протокола об административном правонарушении; право на составление протокола об административном правонарушении, отвечающего требованиям ст. 28.2 КоАП РФ; право на ознакомление с материалами дела; право иметь юридическую помощь при производстве по делу об административном правонарушении; право давать объяснения, в том числе на родном языке либо на другом свободно избранном языке общения, пользоваться помощью переводчика; право на рассмотрение дела

тем судьей, к подведомственности которого оно отнесено; право представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы и др.

Наравне с интересами государства, связанными с восстановлением социальной справедливости и предупреждением совершения новых правонарушений, интересам потерпевшего и лица, привлекаемого к административной ответственности, и должно отвечать правосудие по делам об административных правонарушениях, задачам которого (ст. 24.1 КоАП РФ) способствует надлежащая подготовка к рассмотрению дела об административном правонарушении, которая является обязательной по каждому делу об административном правонарушении.

В рамках такой подготовки судья согласно ст. 29.1 КоАП РФ выясняет, помимо прочего, следующие вопросы: относится ли к их компетенции рассмотрение данного дела; имеются ли обстоятельства, исключающие возможность рассмотрения данного дела судьей; правильно ли составлены протокол об административном правонарушении и другие протоколы, предусмотренные КоАП РФ, а также правильно ли оформлены иные материалы дела; имеются ли обстоятельства, исключающие производство по делу; достаточно ли имеющихся по делу материалов для его рассмотрения по существу.

По результатам подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении судьей могут быть вынесены определения, в том числе: о назначении времени и места рассмотрения дела; о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, в случае составления протокола и оформления других материалов дела неправомочными лицами, неправильного составления протокола и оформления других материалов дела либо неполноты представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении дела (ст. 29.4 КоАП РФ).

В этой связи, как указывается вышестоящими судебными инстанциями, после вынесения определения о назначении времени и места рассмотрения дела возврат к стадии подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении исключен [2].

Поэтому на этапе подготовки судье следует в полном объеме и досконально исследовать поступившие материалы дела об административном правонарушении на предмет наличия препятствий, которые могли бы быть устранены при возвращении протокола об административном правонарушении должностному лицу (органу) его составившему и не могут быть выполнены мировым судьей при рассмотрении дела.

Основопологающей задачей в ходе подготовки дела к рассмотрению является исследование судьей протокола об административном правонарушении.

Как неоднократно указывал Верховный Суд Российской Федерации [3, 4], протокол об административном правонарушении относится к числу доказательств по делу об административном правонарушении и является процессуальным документом, где фиксируется противоправное деяние лица, в отношении которого возбуждено производство по делу, формулируется вменяемое данному лицу обвинение.

Сведения, которые должны быть указаны в протоколе об административном правонарушении, предусмотрены ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ, а именно: дата и место его составления; должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол; сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении; фамилии, имена, отчества, адреса места жительства свидетелей и потерпевших, если имеются свидетели и потерпевшие; место, время совершения и событие административного правонарушения; статья настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая административную ответственность за данное административное правонарушение; объяснение физического лица или законного представителя юридического лица, в отношении которых возбуждено дело; иные сведения, необходимые для разрешения дела.

Отсутствие в протоколе об административном правонарушении данных, прямо перечисленных в ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации

[5] свидетельствует о существенном недостатке протокола и является основанием для его возвращения.

Судебная практика мировых судей Удмуртской Республики показывает, что требования данной нормы не всегда соблюдаются должностными лицами (органом) при составлении протокола об административном правонарушении.

Наиболее распространенными основаниями для вынесения определения о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу по этим основаниям являлись следующие.

1. Неполное указание либо отсутствие указания в протоколе об административном правонарушении на время, место и событие административного правонарушения.

По одному из поступивших на рассмотрение мировому судье протоколов об административном правонарушении должностное лицо при описании события административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, фактически ограничились указанием на диспозицию обозначенной нормы. При этом обстоятельства, при которых совершено административное правонарушение, в протоколе об административном правонарушении не отражены. Так, из протокола об административном правонарушении не следовало с нарушением какого требования Правил дорожного движения водителем был осуществлен выезд на полосу дороги, предназначенную для встречного движения, а также не наступление обстоятельств, предусмотренных ч. 3 ст. 12.15 КоАП РФ.

По другому протоколу об административном правонарушении, поступившему на рассмотрение мировому судье, должностное лицо аналогичным предыдущему примеру образом повторило диспозицию нормы ст. 19.13 КоАП РФ, не указав в протоколе об административном правонарушении вызов кокой специализированной службы был осуществлен лицом, привлекаемым к административной ответственности, какие сведения были сообщены этим лицом при вызове специализированной службы, в чем заключается ложность сообщенных им сведений.

Протоколом об административном правонарушении по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ должностным лицом лицу, привлекаемому к ответственности, вменено мелкое хищение товарно-материальных ценностей на общую сумму в 2 454,17 руб. без указания сведений о способе совершения лицом, привлекаемым к ответственности, хищения чужого имущества (кража, мошенничество, присвоение или растрата), о наименовании, индивидуальных свойствах имущества, в хищении которого обвиняется данное лицо, а также о лице, которому принадлежит похищенное имущество (потерпевшем), что и явилось основанием для возвращения протокола об административном правонарушении и иных материалов дела должностному лицу, его составившему.

Спорным основанием для возвращения протокола об административном правонарушении является случай, когда должностным лицом неверно исчисляется дата вступления постановления о назначении административного наказания в виде административного штрафа, за неуплату которого лицо привлекается по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, в законную силу и, как следствие, неверно определяется дата истечения срока, предусмотренного ч. 1 ст. 32.2 КоАП РФ, что приводит к составлению протокола об административном правонарушении до момента окончания срока исполнения обязанности по уплате административного штрафа. С одной стороны, должностное лицо формально выполнило требования ст. 28.2 КоАП РФ, указало время и событие административного правонарушения, с другой – протокол об административном правонарушении составлен до момента совершения административного правонарушения. Видится верным в данном случае либо вынесение судьей на стадии подготовки дела к рассмотрению постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении (ч. 2 ст. 29.4 КоАП РФ), поскольку имеются обстоятельства, предусмотренные п. 1 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, либо вынесение на стадии подготовки к рассмотрению определения о возвращении протокола об административном правонарушении должностному лицу, его составившему, как направленному в нарушение требований ч. 1 ст. 28.9 КоАП РФ.

2. Неверное указание в протоколе об административном правонарушении статьи КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за данное административное правонарушение. Такое нарушение не всегда может повлечь возвращение протокола об административном правонарушении должностному лицу, его составившему, поскольку согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в Постановлении от 24.03.2005 № 5, право окончательной юридической квалификации действий (бездействия) лица КоАП РФ относит к полномочиям судьи.

Так, по одному из дел, рассмотренных Верховным Судом Российской Федерации, протокол об административном правонарушении не содержал указание на часть статьи КоАП РФ, нарушение которой вменялось лицу, привлекаемому к административной ответственности, что позволило считать протокол имевшим существенный недостаток, не способный быть устраненным при рассмотрении дела. Судья Верховного Суда Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов с данными выводами не согласился, указав, что судья при рассмотрении дела не был лишен возможности исследовать вопрос об истребовании необходимых для рассмотрения дела материалов, установить все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, в числе прочего уточнить часть статьи КоАП РФ, на нарушение которой в протоколе об административном правонарушении было указано (принимая во внимание, что протокол содержал описание события правонарушения, а также иные перечисленные в ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ сведения) [6].

Между тем изменение судьей квалификации действия (бездействия) лица, привлекаемого к административной ответственности, на другую статью (часть статьи) КоАП РФ возможно лишь при условии, что составы правонарушений имеют единый родовой объект посягательства, а также при условии, что назначаемое наказание не ухудшит положение лица, в отношении которого ведется производство по делу.

В этой связи в условиях, когда неверное указание должностным лицом в протоколе об административном правонарушении статьи КоАП РФ приведет к переквалификации действия (бездействия) лица, привлекаемого к административной ответственности, на другую статью (часть статьи) КоАП РФ, предусматривающую состав правонарушения, имеющий отличный родовой объект посягательства, и (или) назначаемое наказание по определенной судьей статье (части статьи) КоАП РФ ухудшит положение лица, в отношении которого ведется производство по делу, протокол об административном правонарушении, по мнению автора статьи, подлежит возвращению должностному лицу, его составившему.

Так, мировому судье поступил протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, и иные материалы дела, из которых следовало, что ранее в пределах срока, установленного ст. 4.6 КоАП РФ, лицо, в отношении которого составлен протокол, было привлечено к ответственности с назначением административного наказания по ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ за совершение выезда в нарушение Правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, влечет административную ответственность, предусмотренную ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ. Поскольку наказание за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, является более строгим по сравнению с ч. 4 приводимой статьи, что ухудшает положение лица, в отношении которого ведется производство по делу, постольку переквалификация судьей деяния лица с ч. 4 на ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ при рассмотрении дела исключена. По этим основаниям протокол об административном правонарушении признан мировым судьей неправильно составленным и возвращен должностному лицу для устранения выявленных недостатков. Вынесение же на стадии подготовки такого дела к рассмотрению определения о назначении времени и места рассмотрения дела, по мнению автора статьи, приведет к безосновательному освобождению лица от установленной законом меры ответственности за

допущенное деяние при установлении его вины в этом и будет препятствовать восстановлению нарушенного права потерпевшего (при наличии такового).

3. Мировым судьей устанавливалось несоответствие поступающих на судебный участок протоколов об административных правонарушениях и иным требованиям ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ, таким как: отсутствие в протоколах даты его составления, сведений о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении (дата и место рождения); о потерпевшем (фамилия, имя, отчество), а также подписи должностного лица, составившего протокол об административном правонарушении.

Последнее нарушение показательно для определения значимости подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению.

Так, в отношении водителя был составлен протокол об административном правонарушении, в котором лицом, привлекаемым к ответственности, в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 29.5 КоАП РФ, было заявлено ходатайство о рассмотрении дела об административном правонарушении по месту его жительства. Данный протокол об административном правонарушении поступил мировому судье по месту совершения административного правонарушения, которым в порядке подготовки дела к рассмотрению вынесено определение о назначении времени и места рассмотрения дела, а при рассмотрении дела вынесено определение об удовлетворении ходатайства лица, привлекаемого к административной ответственности, о рассмотрении дела об административном правонарушении по месту его жительства, отраженное в протоколе об административном правонарушении, и о передаче дела соответствующему мировому судье. Мировым судьей по месту жительства лица, привлекаемого к административной ответственности, по результатам исследования поступивших материалов дела установлено отсутствие в протоколе об административном правонарушении подписи должностного лица, его составившего. В этой связи, поскольку определением мирового судьи по месту совершения административного

правонарушения дело об административном правонарушении было назначено к рассмотрению, определением этого же мирового судьи дело об административном правонарушении со стадии рассмотрения передано мировому судье по месту жительства лица, привлекаемого к административной ответственности, иными словами, возможность возвращения протокола об административном правонарушении составившему его должностному лицу для устранения недостатков утрачена, постольку производство по делу об административном правонарушении было прекращено по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ. Приходя к такому выводу, мировой судья отметил, что протокол об административном правонарушении в отсутствие подписи должностного лица в нем не несет никакого правового, смыслового и доказательственного значения, таким протоколом обвинение лицу, привлекаемому к ответственности, фактически не вменено и не предъявлено, что, в свою очередь, исключает возможность какой-либо квалификации действий водителя по обстоятельствам управления им транспортным средством.

Помимо того, что протокол об административном правонарушении должен содержать сведения, предусмотренные ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ, к такому протоколу законодательством об административных правонарушениях предъявляются и иные требования. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 28.2 КоАП РФ при составлении протокола об административном правонарушении физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении, а также иным участникам производства по делу разъясняются их права и обязанности, предусмотренные КоАП РФ, о чем делается запись в протоколе.

Судебная практика, связанная с неразъяснением должностным лицом участникам производства по делу об административном правонарушении прав и обязанностей последних в момент составления протокола об административном правонарушении, претерпела изменения.

Ранее сложившаяся судебная практика исходила из того, что незаявление должностным лицом, в частности, лицу, привлекаемому к административной ответственности, прав и обязанностей последнего при составлении протокола об административном правонарушении не является недостатком протокола, способным повлечь его возвращение должностному лицу, поскольку подобное упущение может быть восполнено при рассмотрении дела по существу.

В настоящее время невыполнение должностным лицом императивного требования, содержащегося в ч. 3 ст. 28.2 КоАП РФ, признается судебной практикой существенным недостатком протокола, свидетельствует о нарушении права на защиту лица, в отношении которого составлен протокол, и порождает признание протокола об административном правонарушении недопустимым доказательством [7].

Иным распространенным недостатком протокола об административном правонарушении, встречающемся в судебной практике, является неизвещение либо ненадлежащее извещение лица, привлекаемого к административной ответственности, и (или) потерпевшего о времени и месте составления протокола или о времени и месте внесения в протокол об административном правонарушении изменений.

Исходя из положений ст. 28.2 КоАП РФ, протокол об административном правонарушении составляется с участием лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Протокол может быть составлен в отсутствие лица, привлекаемого к административной ответственности, лишь в случае, если такое лицо извещено в установленном порядке о времени и месте составления такого документа.

Аналогичный порядок распространяется также при внесении любых изменений в протокол об административном правонарушении, которые могут быть осуществлены как путем внесения изменений (дополнений) в ранее составленный протокол, так и путем составления отдельного протокола об административном правонарушении. Необходимо отметить, что норма, закрепленная в ст. 29.12.1 КоАП РФ, предусматривающая возможность исправления опечаток, печаток и арифметических ошибок, допущенных в постановлении,

решении, определении, принятых по делу об административном правонарушении, путем вынесения определения, не применима к устранению недостатков протокола об административном правонарушении и иных протоколов [8].

Порядок извещения лица, привлекаемого к административной ответственности, о составлении протокола об административном правонарушении, о внесении в него изменений (дополнений) является общим (ст. 25.15 КоАП РФ). Такое лицо извещается или вызывается для составления протокола заказным письмом с уведомлением о вручении, повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова и его вручение адресату. При этом извещение на составление протокола об административном правонарушении направляется гражданину, в том числе должностному лицу, индивидуальному предпринимателю, по месту его жительства, коим принято считать место регистрации по месту жительства, место регистрации по месту пребывания, а юридическому лицу – по месту нахождения юридического лица, его филиала или представительства, определенного на основании выписки из единого государственного реестра юридических лиц.

Лицо, участвующее в деле, в силу ч. 4 ст. 25.15 КоАП РФ правомочно заявить ходатайство, отвечающее требованиям ст. 24.4 КоАП РФ, о направлении извещений по иному адресу. В этом случае извещения такому лицу направляются, помимо места его жительства, также по названному им в ходатайстве адресу. При этом судебная практика под таким ходатайством понимает ясно выраженную волю участника производства по делу на извещение его по адресу, отличному от места его жительства, и не признает иные заявления, адресованные таким участником должностному лицу либо судье, в производстве которого находится дело, связанные с реализацией иных правомочий (о допуске к участию в деле защитника либо представителя, о приобщении к материалам дела письменных

доказательств, об отложении рассмотрения дела и иные), в которых содержатся сведения об ином адресе жительства лица [9].

Переходя к способам извещения о времени и месте составления протокола об административном правонарушении, необходимо отметить, что судебная практика в большинстве случаев не признает надлежащими, как не обеспечивающими фиксирование вызова и его вручение адресату, извещения, направленные посредством:

- электронной почты [10];
- телефонограммы, не содержащей сведений о номере телефона адресата, номере телефона адресанта, фамилии лица, передавшего телефонограмму; фамилии лица, принявшего телефонограмму [11]; регистрационного номера учета исходящей корреспонденции и соответствующего заверения уполномоченным лицом, ее направившей [12];
- телеграммы, фактически не полученной адресатом по причине его отсутствия в месте вручения телеграммы [13];
- факсимильной связи по номеру телефона, принадлежность которого адресату не подтверждена [14];
- использования телекоммуникационных каналов связи, через которые в адрес юридического лица направляется извещение гражданину, в том числе должностному лицу, поскольку это не отвечает требованиям ч. 2 ст. 25.15 КоАП РФ о направлении извещения гражданину по месту его жительства [15].

Большая часть нарушений положений ст. 28.2 КоАП РФ, в части извещения участников производства по делам об административных правонарушениях о времени и месте составления протокола об административном правонарушении, допускается при возврате почтовой корреспонденции, содержащей подобное извещение, должностному лицу, уполномоченному составлять протокол, что и составляет основную долю причин возвращения протоколов об административных правонарушениях должностным лицам, их составившим.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в Постановлении от 24.03.2005 № 5, лицо, в отношении которого ведется производство по делу, считается

извещенным о времени и месте судебного рассмотрения и в случае, когда из указанного им места жительства (регистрации) поступило сообщение об отсутствии адресата по указанному адресу, о том, что лицо фактически не проживает по этому адресу либо отказалось от получения почтового отправления, а также в случае возвращения почтового отправления с отметкой об истечении срока хранения, если были соблюдены положения правил вручения корреспонденции. В настоящее время такие правила утверждены Приказом АО «Почта России» от 21.06.2022 № 230-п [16].

Извещения о времени и месте составления протоколов об административных правонарушениях направляются должностными лицами, в основном, двумя видами регистрируемых почтовых отправлений: разряда «Административное», срок хранения которых составляет семь дней; письменной корреспонденцией, срок хранения которых составляет 30 дней.

С учетом этого возвращение почтового отправления разряда «Административное» по причине истечения срока хранения будет считаться надлежащим извещением о времени и месте составления протокола об административном правонарушении при следующих условиях:

- возврат почтового отправления имеет место быть до момента составления протокола об административном правонарушении;
- возврат почтового отправления имеет место по причине истечения срока хранения, о чем указывается в системе отслеживания регистрируемых почтовых отправлений. Важно отметить, что Порядком приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений, утвержденных Приказом АО «Почта России» от 21.06.2022 № 230-п, не предусмотрено оформление на возвращаемом почтовом отправлении разряда «Административное» ярлыка ф. 20 с указанием причины возврата;
- срок хранения почтового отправления, возвращаемого в последующем по причине истечения срока хранения, составляет семь дней, при этом не учитываются: день поступления отправления в отделение почтовой связи места назначения; нерабочие

праздничные дни, установленные Трудовым кодексом Российской Федерации; седьмой день хранения, если он приходится на нерабочий день отделения почтовой связи.

В свою очередь, возвращение почтового отправления, содержащего письменную корреспонденцию, по причине истечения срока хранения будет считаться надлежащим извещением о времени и месте составления протокола об административном правонарушении при следующих условиях:

- возврат почтового отправления имеет место быть до момента составления протокола об административном правонарушении;
- возврат почтового отправления имеет место по причине истечения срока хранения, о чем указывается в системе отслеживания регистрируемых почтовых отправлений;
- срок хранения почтового отправления, возвращаемого в последующем по причине истечения срока хранения, составляет тридцать дней, при этом срок хранения исчисляется со следующего рабочего дня отделения почтовой связи места назначения, не учитывается тридцатый день хранения, если он приходится на нерабочий день отделения почтовой связи.

Приведенный выше порядок извещения о времени и месте составления протокола об административном правонарушении относится не только к извещению лица, привлекаемого к административной ответственности, но и к потерпевшему, который должен быть уведомлен органом, должностным лицом, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, о проведении административного расследования, его ходе и результатах (если таковое проводилось), о месте и времени составления протокола об административном правонарушении или вынесения постановления о прекращении производства по такому делу [17].

Вместе с протоколом об административном правонарушении судье поступают и иные материалы дела, которые также должны быть исследованы на этапе подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении на предмет полноты и верности составления.

Судебной практикой по нескольким категориям дел сформулированы четкие требования к иным документам, поступающим судье совместно с протоколом об административном правонарушении, отсутствие которых будет свидетельствовать о неполноте представленных материалов и явится основанием для возвращения протокола об административном правонарушении должностному лицу, его составившему, а именно:

– материалы дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, должны содержать, в частности, доказательства, подтверждающие факт вступления в законную силу постановления о назначении поднадзорному лицу административного наказания по ч. 1 либо ч. 3 приведенной статьи не ранее одного года до дня совершения нового административного правонарушения [18];

– материалы дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.35.1 КоАП РФ, должны содержать исчерпывающие и непротиворечивые сведения, относящиеся к событию административного правонарушения, в частности, позволяющие отграничить его от деяния, содержащего признаки преступления, а также информацию о возбуждении исполнительного производства и об отсутствии уважительных причин неуплаты алиментов; данные о лице, в отношении которого возбуждено дело, в том числе характеризующие его личность и необходимые для назначения конкретного вида административного наказания с учетом требований закона; сведения о потерпевшем и о разъяснении участникам производства по делу об административном правонарушении их прав и обязанностей [19];

– материалы дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ, должны содержать сведения о том, что водитель не является лицом, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления,

предусмотренного чч. 2, 4, 6 ст. 264 или 264.1 УК РФ, либо сведения об отказе в возбуждении соответствующего уголовного дела [20];

– материалы дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ, должны содержать сведения о существенности причиненного неисполнением обязательств, предусмотренных контрактом на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков, вреда: размер ущерба, значение последствий такого ущерба для потерпевшего [21];

– материалы дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 8.17 КоАП РФ, должны содержать сведения, позволяющие определить стоимость водных биоресурсов [22].

В свою очередь, не всякая неполнота представленных на рассмотрение судье материалов может явиться основанием для возвращения протокола об административном правонарушении должностному лицу.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 19.10.2021 № 2131-О [23] отметил, что при оценке дефектов (недостатков), допущенных при составлении протокола об административном правонарушении и оформлении иных материалов дела, надлежит иметь в виду, что само по себе их наличие не может служить безусловным основанием для прекращения производства по делу на стадии его рассмотрения. Если присущие протоколу об административном правонарушении недостатки являются несущественными и могут быть восполнены судьей, членами коллегиального органа, должностным лицом, осуществляющими производство по делу об административном правонарушении, посредством оценки всех имеющихся доказательств на основе всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела в их совокупности (ст. 26.11 КоАП РФ), не исключается рассмотрение дела об административном правонарушении по существу и принятие по его результатам постановления о назначении административного наказания.

Кроме того, при исследовании материалов, поступивших на рассмотрение совместно с протоколом об административном пра-

вонарушении, судья не наделен правом давать им оценку на предмет относимости, допустимости и достоверности, в частности:

– установление непрерывности, полноты видеозаписи применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ, в том числе возможности визуальной идентификации объектов и участников проводимых процессуальных действий, аудиофиксации речи, а равно проверка объяснений потерпевшего, показаний свидетелей на предмет надлежащего закрепления (например, предупреждение данных лиц об ответственности по ст. 17.9 КоАП РФ, разъяснение им прав и обязанностей, предусмотренных ст. 25.6 КоАП РФ), является деятельностью по оценке указанных доказательств на предмет их достоверности и допустимости, которая может быть дана при рассмотрении дела, а не на этапе подготовки к его рассмотрению [24, 25];

– отсутствие в поступивших материалах дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1.1 КоАП РФ, заключения эксперта о степени тяжести вреда здоровью потерпевшего не является основанием к возвращению протокола об административном правонарушении, поскольку такой недостаток может быть восполнен при рассмотрении дела, в частности, путем назначения экспертизы [26];

– непредоставление должностным лицом совместно с материалами дела уникального идентификатора начисления, необходимого в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы административного штрафа, на правильность разрешения дела об административном правонарушении не влияет и может быть восполнена при рассмотрении дела судьей [27].

Подводя итог изложенному, правильная и своевременная проверка судьей протокола об административном правонарушении и иных поступивших с ним материалов дела на предмет соответствия таких документов требованиям закона обеспечит достижение целей правосудия по делам об административных правонарушениях,

результатом которых является применение к лицу, допустившему правонарушение, установленной государством меры ответственности за совершение административного правонарушения и восстановление права потерпевшего, пострадавшего от противоправного деяния, в том числе и путем возмещения имущественного ущерба; либо освобождение лица, привлекаемого к административной ответственности, от незаконного преследования при установлении в ходе рассмотрения дела необходимых для этого оснований.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2021 № 195-ФЗ (ред. от 27.01.2023 г.). – URL: <http://www.consultant.ru>
2. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2021 № 69-АД21-3-К7. – URL: <http://www.consultant.ru>
3. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2022 № 5-АД22-96-К2. – URL: <http://www.consultant.ru>
4. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2022 № 127-АД22-11-К4. – URL: <http://www.consultant.ru>
5. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2003 № 5 (ред. от 23.12.2021 г.). – URL: <http://www.consultant.ru>
6. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2022 № 4-АД22-22-К1. – URL: <http://www.consultant.ru>
7. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2022 № 5-АД22-53-К2. – URL: <http://www.consultant.ru>
8. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 03.07.2020 № 81-АД20-4. – URL: <http://www.consultant.ru>
9. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 05.08.2020 № 56-АД20-8. – URL: <http://www.consultant.ru>
10. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2021 № 16-3894/2021. – URL: <http://www.consultant.ru>

11. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.07.2022 № 16-5080/2022. – URL: <http://www.consultant.ru>
12. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.04.2022 № 16-2370/2022. – URL: <http://www.consultant.ru>
13. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2022 № 16-6622/2022. – URL: <http://www.consultant.ru>
14. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 29.10.2019 № 12-1556/2019 по делу № 5-471/2019. – URL: <http://www.consultant.ru>
15. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2018 № 59-АД18-3. – URL: <http://www.consultant.ru>
16. Об утверждении Порядка приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений: приказ АО «Почта России» от 21.06.2022 № 230-п. – URL: <http://www.consultant.ru>
17. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 12.08.2021 № 82-АД21-8-К7. – URL: <http://www.consultant.ru>
18. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с несоблюдением административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 40. – URL: <http://www.consultant.ru>
19. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 6. – URL: <http://www.consultant.ru>
20. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 20. – URL: <http://www.consultant.ru>
21. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) / Президиум Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2018. – URL: <http://www.consultant.ru>

22. О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований, регламентирующих рыболовство: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2010 № 27 (ред. от 31.10.2017). – URL: <http://www.consultant.ru>

23. По запросу Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта 4 части 1 статьи 29.4 и части 2 статьи 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2021 № 2131-О. – URL: <http://www.consultant.ru>

24. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2021 № 16-7447/2021. – URL: <http://www.consultant.ru>

25. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.01.2022 № 16-633/2022. – URL: <http://www.consultant.ru>

26. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.01.2022 № 16-633/2022. – URL: <http://www.consultant.ru>

27. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 / Президиум Верховного Суда Российской Федерации от 17.02.2021. – URL: <http://www.consultant.ru>

*Д. Ю. Наговицын,
ассистент, преподаватель кафедры уголовного
процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ И ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Всё чаще специалисты отмечают, что эффективность государственного обвинения и судопроизводства в целом в значительной мере зависит от уровня взаимодействия следователя с иными участниками этого процесса, особенно с оперативными подразделениями. Целесообразно налаживать такое взаимодействие на всех стадиях производства по уголовному делу. Взаимодействие прокурора, назначенного государственным обвинителем, со следователем по вопросам выяснения фактического значения отдельных доказательств, которыми устанавливаются значимые для поддержания обвинения в суде обстоятельства, является одним из элементов методики поддержания государственного обвинения.

В частности, по уголовным делам о преступлениях, совершённых организованными группами, преступными сообществами, важное значение имеет осуществление постоянного сопровождения предварительного расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде вплоть до вступления приговора в законную силу. Наличие значительных финансовых средств так называемых «служб собственной безопасности» порой позволяет оказывать влияние на принятие законного и обоснованного решения по делу (от подкупа свидетелей вплоть до их физического устранения).

С учётом изложенного, оперативно-розыскную деятельность, которая зачастую осуществляется под руководством прокурора

во время судебного процесса, целесообразно рассматривать как продолжение уголовного преследования с использованием новых средств в других условиях.

Актуальной при поддержании государственного обвинения остаётся и проблема обеспечения доказывания в уголовном процессе. Неявка свидетелей со стороны обвинения либо изменение ими показаний в пользу подсудимых являются последствием оказываемого на них давления, преодоление которого зачастую возможно лишь при условии постоянного и тесного взаимодействия государственного обвинителя со следователем и оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Однако порядок указанного взаимодействия не отражён в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ и межведомственных нормативно-правовых актах (Генеральной прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации, иных правоохранительных органов). В настоящее время взаимодействие должностных лиц указанных органов осуществляется на основе межличностных неформальных отношений, что существенно затрудняет деятельность государственного обвинителя.

Значительную помощь государственному обвинителю могут оказать оперативные работники в проверке алиби подсудимых, обеспечении явки «зашифрованных» и основных свидетелей, подготовке свидетелей обвинения к даче показаний в суде, сборе дополнительных доказательств по уголовному делу, обеспечении безопасности участников процесса.

Представляется возможным включение в часть 3 статьи 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и часть 3 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в качестве основания для производства оперативно-розыскных мероприятий поручение государственного обвинителя по уголовному делу, в рассмотрении которого он принимает участие.

Полагаю, что наряду с этим необходимо закрепить в этих законодательных актах основные формы взаимодействия государственного обвинителя, следственных и оперативных подразделений правоохранительных органов в ходе поддержания обвинения по уголовному делу.

Кроме того, в указанные выше законодательные акты необходимо дополнительно внести нормы, определяющие порядок включения полученных от оперативного подразделения результатов проведённых им по поручению государственного обвинителя оперативно-розыскных мероприятий в уголовный процесс в качестве доказательств по уголовному делу.

Внесение перечисленных изменений и дополнений в федеральные законы «Об оперативно-розыскной деятельности», «О прокуратуре Российской Федерации», а также в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации позволит существенно повысить качество работы государственного обвинителя и уровень законности при рассмотрении уголовных дел с его участием в суде первой инстанции.

Целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в статью 246 УПК РФ для предоставления возможности создания «группы оперативного сопровождения» в составе следователей, сотрудников оперативных подразделений, отвечавших за раскрытие преступлений.

Детальную регламентацию порядка взаимодействия можно обеспечить путём издания межведомственного нормативного правового акта.

Учитывая, что деятельность следователей и сотрудников оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, так или иначе связана с осуществлением уголовного преследования, с внесением указанных изменений в действующее законодательство, по мнению автора статьи, не приведёт к нарушению принципа состязательности сторон, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство.

А. Г. Невоструев,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права

ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ДЕЛ

Методика определения процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения гражданских дел в целом и жилищных дел в частности представляет как научный, теоретический, так и практический интерес. Связано это с тем, что процессуальные особенности рассмотрения и разрешения гражданских дел непосредственным образом определяют ход и результат рассмотрения того или иного гражданского дела судом или другим органом правоприменения.

В юридической литературе нет единого взгляда на определение понятия процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Н. А. Чечина определяет процессуальные особенности как систему процессуальных правил, применяемых судом для определенной категории дел⁷⁷.

Н. М. Кострова считает, что процессуальные особенности – это совокупность процессуальных норм (специальных и исключительных), установленных для рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел⁷⁸.

П. П. Колесов, уточняя два вышеприведенных понятия процессуальных особенностей, приводит следующее его определение: процессуальные особенности – это применяемые судом нормы ма-

⁷⁷ См.: Чечина Н. А. Особенности судопроизводства по отдельным категориям гражданских дел. Проблема применения гражданского процессуального права. Свердловск, 1986. С. 32.

⁷⁸ См.: Кострова Н. М. Взаимосвязь материально-правового и процессуального регулирования брачно-семейных отношений. Правовое регулирование социалистических общественных отношений. Махачкала, 1983. С. 101–102.

териального права в сочетании с процессуальными нормами, выделенными для обслуживания материальных норм. Процессуальные особенности предопределяются характером подлежащего судебному рассмотрению и разрешению материального правоотношения⁷⁹.

«Процессуальные особенности, – по мнению О. В. Баулина, – понятие большей степени общности, чем специальные нормы, устанавливающие специфику рассмотрения отдельных категорий дел; это понятие охватывает все правила, рекомендации, уточнения, отличающие порядок рассмотрения дел определенной материально-правовой природы от иных категорий дел. Наряду со специальными нормами в состав процессуальных особенностей входят и другие положения, нормативной природы не имеющие, но характеризующие специфику рассмотрения и разрешения того или иного вида гражданских дел»⁸⁰.

Более точным представляется определение, приведенное П. П. Колесовым, так как, действительно, многие процессуальные вопросы: подведомственность, предмет и основание иска, определение круга лиц, участвующих в деле, доказательства, предмет доказывания и др. – не могут быть правильно решены с помощью только процессуальных норм без обращения к нормам материального права.

Только последовательный анализ материального правоотношения, модель которого заложена в норме материального права, позволит определить надлежащих истца и ответчика по делу, других лиц, участвующих в деле, факты, подлежащие доказыванию, а также доказательства, с помощью которых данные факты устанавливаются и т. д.

Однако для того чтобы правильно рассмотреть и разрешить дело, недостаточно обращаться только к нормам материального и процессуального права. Большую роль в определении процессуаль-

⁷⁹ См.: Колесов П. П. Актуальные проблемы судебной защиты жилищных прав: дисс. ... канд. юр. наук. М., 1989. С. 28.

⁸⁰ Баулин О. В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж, 1997. С. 25.

ных особенностей рассмотрения и разрешения дела играют судебные акты толкования норм права высшими органами судебной власти.

По мнению В. М. Шерстюка: «Изучение процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения гражданских дел может осуществляться по двум направлениям.

Первое из них связано с исследованием соотношения общих процессуальных норм, закрепленных в ГПК РФ⁸¹, и специальных процессуальных норм, включенных в непроцессуальные нормативные акты, второе – с анализом подлежащих применению норм материального права с целью правильного решения основных вопросов процессуального права по каждому конкретному гражданскому делу»⁸².

Исследование методики определения процессуальных особенностей не может ограничиваться изучением соотношения общих и специальных норм гражданского процессуального права, содержащихся только в гражданско-процессуальном законе. Помимо закрепленных в ГПК общих процессуальных норм, регулирующих процессуальные отношения, связанные с рассмотрением и разрешением судом первой инстанции дел искового производства, существует значительное количество специальных норм, размещенных в материально-правовых актах⁸³. По сравнению с общими процессуальными нормами, размещенными в ГПК, сфера действия процессуальных норм, расположенных в нормативных актах материального права, совсем иная. Их применение ограничено рамками рассмотрения и разрешения дел той или иной категории⁸⁴. Таким образом, соотношение общих процессуальных норм, закрепленных в ГПК РФ, и специальных процессуальных норм, включенных в непроцессуальные нормативные акты, проявляется в том, что нормы процессуального законодательства имеют значение для разрешения

⁸¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

⁸² Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел / под ред. М.К. Треушников. М., 1995. С. 5.

⁸³ Там же. С. 55.

⁸⁴ Там же. С. 52.

всех категорий гражданских дел, и поэтому носят общий характер. В свою очередь, в материальном праве (в нашем случае жилищном праве) в его отдельных институтах имеются специальные нормы, которые конкретизируют, дополняют или исключают применение общих норм процессуального права⁸⁵. Применение процессуальных норм, расположенных в нормативных актах материального права, ограничено рамками рассмотрения и разрешения дел той или иной категории. Однако «ограниченность», специализация этих процессуальных норм на конкретной категории дела позволяет законодателю значительно полнее использовать возможности правового регулирования и с помощью их детально с учетом специфики материальных отношений дел той или иной категории регламентировать процессуальные правоотношения⁸⁶.

Из изложенного следует, что для правильного рассмотрения и разрешения конкретного гражданского дела искового производства судьи и другие участники процесса, заинтересованные в исходе дела, должны хорошо знать не только общие нормы, закрепленные в ГПК, но и помещенные в материально-правовых нормативных актах специальные процессуальные нормы, устанавливающие исключение либо дополнение в отношении порядка судопроизводства по делам определенной категории⁸⁷.

В качестве специальных процессуальных норм, содержащихся в жилищном законодательстве, можно выделить нормы ч. 2 и 3 ст. 11 ЖК РФ⁸⁸, регулирующие подведомственность жилищных дел судам и административным органам.

⁸⁵ См.: Юдельсон К. С. Соотношение гражданских процессуальных норм, сосредоточенных в гражданских процессуальных кодексах и кодексах материального права // Проблемы применения ГПК РСФСР. Калинин, 1974. С. 18–19; Чечина Н. А. Основные направления науки гражданского процессуального права. Л., 1987. С. 94–101; Баулин О. В. Указ. соч. С. 13–14.

⁸⁶ Шерстюк В. М. Указ. соч. С. 52.

⁸⁷ См.: Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел. Указ. соч. С. 9.

⁸⁸ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

Согласно ч. 1 и 2 ст. 11 ЖК РФ защита нарушенных жилищных прав осуществляется судом в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством.

Защита жилищных прав в административном порядке осуществляется только в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, другим федеральным законом. Решение, принятое в административном порядке, может быть обжаловано в судебном порядке.

Полагаем, в данной статье ЖК РФ отражена тенденция развития гражданского процессуального законодательства и практики разрешения судами жилищных дел в направлении расширения подведомственности жилищных дел судам (в частности, дел, возникающих из публичных правоотношений) и, наоборот, ограничения защиты жилищных прав в административном порядке.

Анализ норм ЖК РФ показывает, что в жилищное законодательство включено сравнительно небольшое количество специальных процессуальных норм, наличие которых весьма существенно способствовало бы своевременному и правильному рассмотрению и разрешению жилищных споров. Вместе с тем имеются нормы, которые излишне дублируют общие и специальные процессуальные нормы, что, конечно, не способствует повышению уровня развития жилищного и процессуального законодательства. Сказанное обусловливает сложность рассмотрения и разрешения судами жилищных дел и не ведет к укреплению гарантий защиты жилищных прав граждан. По нашему мнению, исходя из сложности жилищных дел, ошибок, которые допускают судьи при их разрешении, специальных процессуальных норм в ЖК РФ недостаточно.

С целью правильного решения основных вопросов процессуального права по жилищному делу большое значение имеет анализ норм материального жилищного права. Приступая ко второму направлению изучения процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения жилищных дел, в рамках настоящего исследования нельзя обойти вниманием вопрос о характере жилищных правоотношений и, конечно, на определение процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения жилищных дел.

Прежде всего норма материального жилищного права должна быть изучена под углом зрения решения вопроса о подведомственности жилищного дела суду и, кроме того, вида судопроизводства, в котором должно рассматриваться и разрешаться дело. Как уже отмечалось, в ЖК РФ отсутствуют нормы, которые бы устанавливали специальные правила подведомственности каких-либо категорий жилищных дел.

По общему правилу, предусмотренному в ст. 11 ЖК РФ и ст. 3, 4 ГПК РФ, споры, возникшие из жилищных правоотношений, подлежат рассмотрению в суде.

Как уже писалось, по своей правовой природе жилищные правоотношения не являются однородными, что влияет на определение вида судопроизводства, в котором должно рассматриваться жилищное дело. Так, дела, вытекающие из правоотношений права собственности на жилое помещение и по договору социального найма, рассматриваются в исковом порядке (споры о сохранении права пользования за бывшим членом семьи собственника жилого помещения на определенный срок; о признании не приобретшим право пользования жилым помещением, признании гражданина утратившим право пользования жилым помещением и т. д.); дела, вытекающие из административных (публичных) правоотношений, должны разрешаться в порядке административного судопроизводства.

Исходя из избранной модели материального правоотношения, должны быть определены лица, участвующие в деле. На основе нормы материального права, подлежащей применению, решается вопрос о надлежащих сторонах, соучастии, процессуальном положении, которое в процессе должно занять то или иное лично заинтересованное лицо. По модели спорного материального правоотношения и взаимосвязанных с ним правоотношений выясняется необходимость привлечения третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора.

Выявление лиц, участвующие в деле, в процессе рассмотрения и разрешения жилищных споров для судов вызывает определенные затруднения. Это связано, прежде всего, со сложным мно-

госубъектным характером жилищного правоотношения, участниками которого являются собственник, член его семьи (бывший член его семьи), гражданин, которому по завещательному отказу предоставлено право пользования жилым помещением, наниматель, проживающие совместно с ним члены его семьи, наймодатель, органы местного самоуправления, органы государственной власти, организации жилищно-коммунального хозяйства и др.

Проблема правильного определения процессуального положения указанных субъектов осложняется еще и тем, что в ЖК РФ не учтена сложная многоступенчатая система жилищных органов, осуществляющих управление жилищным фондом (особенно это актуально по делам, возникающим из договора социального найма). В связи с чем, предъявляя иск к жилищному органу, нанимателям и членам их семей достаточно трудно определить тот орган, который должен занять положение надлежащего ответчика в деле. Из изложенного следует, что в процессе рассмотрения и разрешения жилищного дела необходимо учитывать нормы жилищного законодательства, в которых закреплена система и структура жилищных органов.

На основании модели материального правоотношения определяются не все участники процесса, а только стороны, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора; третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, соучастники. Другие субъекты гражданского процесса материальными правоотношениями не определяются.

Согласно ч. 1 ст. 47 ГПК РФ в случаях, предусмотренных федеральным законом, государственные органы, органы местного самоуправления до принятия решения судом первой инстанции вступают в дело по своей инициативе или по инициативе лиц, участвующих в деле, для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Из данной статьи ГПК РФ вытекает, что органы государственной власти и органы местного самоуправления участвуют в деле с целью

дачи заключения по делу в случаях, предусмотренных федеральным законом. Из анализа норм ЖК РФ следует, что в данном законе отсутствуют нормы, в которых бы предусматривалось участие в жилищных спорах указанных органов для дачи заключения по делу.

Модель спорного правоотношения является базой и при решении вопроса об иске, его предмете и основании. Формулируя материально-правовое требование в исковом заявлении, разумеется, необходимо обращаться к соответствующим нормам жилищного законодательства, в которых содержатся способы защиты жилищных прав граждан (ч. 3 ст. 11 ЖК РФ). Следует подчеркнуть, что при определении предмета иска заинтересованные лица могут использовать те способы защиты, перечень которых закреплен в материальном законе.

Основание иска, а также предмет доказывания, структурным элементом которого является основание иска, при подготовке и рассмотрении жилищного дела определяются таким же образом с точки зрения содержания нормы материального права. Устанавливая подлежащие доказыванию обстоятельства, суд исходит из применяемой нормы материального права.

При определении основания иска и предмета доказывания материально-правовые нормы анализируются под особым углом зрения. Здесь важно выявить круг юридических фактов, при наличии которых наступают последствия, предусмотренные материально-правовой нормой. В основание иска и предмет доказывания входят лишь те факты, которые имеют материально-правовое значение, факты, без выяснения которых нельзя правильно решить дело по существу.

Почти по всем жилищным делам при определении основания иска и предмета доказывания особое значение имеют факты, с которыми связано возникновение права на жилое помещение у собственника, нанимателя и проживающих совместно с ними членов их семей, поскольку только наличие права на жилое помещение предоставляет права гражданам по пользованию и распоряжению жилым помещением, а также право требовать защиты своих жилищных прав в судебном порядке.

На основе материально-правовой нормы определяется не только предмет доказывания, но и относимость, и допустимость доказательств. Тщательный анализ фактов предмета доказывания, с которыми норма материального права, регулирующая спорные правоотношения, связывает правовые последствия, позволяет правильно оценить доказательства с точки зрения их относимости и допустимости к делу.

В нормах ЖК РФ указаны конкретные виды доказательств, с помощью которых могут устанавливаться те или иные факты. Например, факт приобретения права на жилое помещение согласно ст. 57 ЖК РФ устанавливается решением органа местного самоуправления и договором социального найма жилого помещения.

Моделируемое материальное правоотношение оказывает существенное влияние на решение многих других вопросов в различных стадиях процесса в суде первой инстанции, например, при вынесении судебного решения.

Содержание судебного решения четко регламентируется ст. 198 ГПК РФ. Вместе с тем содержание судебного решения по каждому гражданскому делу конкретно и выносится по спору о наличии или отсутствии прав и обязанностей, возникающих у истца и ответчика из отношений, урегулированных нормами материального права. Поэтому подлежащая применению норма (нормы) материального права как бы пронизывает содержание всего решения, определяя его специфику.

Под углом зрения подлежащей применению нормы материального права излагается описательная часть судебного решения – требования истца, возражения ответчика, объяснения других лиц, участвующих в деле.

Исходя из содержания нормы материального права, составляется и мотивировочная часть решения суда по жилищному делу. Здесь излагаются мотивы суда только относительно тех фактов, которые имеют юридическое значение по данному делу, то есть предусмотренных подлежащей применению нормой материального права. Если, например, разрешается дело о расторжении договора

социального найма по причине систематического нарушения нанимателем прав и законных интересов соседей, которое делает невозможным совместное проживание в одном жилом помещении, то в мотивировочной части решения по такому жилищному делу суд должен изложить свои выводы о таких фактах, как неоднократность нарушения прав и законных интересов соседей, противоправный характер поведения нанимателя и т. д., а не о фактах использования жилого помещения не по назначению или каких-либо других, не имеющих отношения к данному делу.

То же можно сказать и о резолютивной части решения. Здесь, в частности, суд должен указать не только об удовлетворении иска, но и о применении к ответчику последствий, предусмотренных нормой жилищного законодательства, регулирующей спорное правоотношение. При разрешении спора о выселении за невозможностью совместного проживания содержание резолютивной части решения должно предопределяться правовыми последствиями, предусмотренными нормами ч. 1 ст. 91 ЖК РФ, а не какими-либо иными нормами материального права.

Отсюда следует, что, приступая к изложению резолютивной части решения, судьи всякий раз должны четко представлять себе правовые последствия, предусмотренные примененной нормой материального права.

Между тем для того, чтобы рассмотреть и разрешить жилищное дело недостаточно обращаться только к нормам материального и процессуального права, также большую роль в определении процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения дела играют судебные акты толкования норм права высшими органами судебной власти.

Приведем примеры влияния судебной практики Верховного Суда РФ на определение процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения некоторых категорий жилищных дел.

Так, например, в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской

Федерации»⁸⁹ разъяснено: вопрос о признании лица членом семьи собственника жилого помещения судам следует разрешать с учетом положений части 1 статьи 31 ЖК РФ, исходя из следующего:

а) членами семьи собственника жилого помещения являются проживающие совместно с ним в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. При этом супругами считаются лица, брак которых зарегистрирован в органах записи актов гражданского состояния (статья 10 Семейного кодекса Российской Федерации, далее – СК РФ). Для признания названных лиц, вселенных собственником в жилое помещение, членами его семьи достаточно установления только факта их совместного проживания с собственником в этом жилом помещении и не требуется установления фактов ведения ими общего хозяйства с собственником жилого помещения, оказания взаимной материальной и иной поддержки;

б) членами семьи собственника жилого помещения могут быть признаны другие родственники независимо от степени родства (например, бабушки, дедушки, братья, сестры, дяди, тети, племянники, племянницы и другие) и нетрудоспособные иждивенцы как самого собственника, так и членов его семьи, а в исключительных случаях иные граждане (например, лицо, проживающее совместно с собственником без регистрации брака), если они вселены собственником жилого помещения в качестве членов своей семьи. Для признания перечисленных лиц членами семьи собственника жилого помещения требуется не только установление юридического факта вселения их собственником в жилое помещение, но и выяснение содержания волеизъявления собственника на их вселение, а именно: вселялось ли им лицо для проживания в жилом помещении как член его семьи или жилое помещение предоставлялось для проживания по иным основаниям (например, в безвозмездное пользование, по договору найма). Содержание волеизъявления собственника в случае спора определяется судом на основании объяснений сторон,

⁸⁹ Российская газета. 08.07.2009. № 123.

третьих лиц, показаний свидетелей, письменных документов (например, договора о вселении в жилое помещение) и других доказательств (статья 55 ГПК РФ).

При этом необходимо иметь в виду, что семейные отношения характеризуются, в частности, взаимным уважением и взаимной заботой членов семьи, их личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, общими интересами, ответственностью друг перед другом, ведением общего хозяйства.

При определении круга лиц, относящихся к нетрудоспособным иждивенцам, судам надлежит руководствоваться пунктами 2, 3 статьи 9 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», в которых дается перечень нетрудоспособных лиц, а также устанавливаются признаки нахождения лица на иждивении (находится на полном содержании или получает от другого лица помощь, которая является для него постоянным и основным источником средств к существованию).

Судам также необходимо иметь в виду, что регистрация лица по месту жительства по заявлению собственника жилого помещения или ее отсутствие не является определяющим обстоятельством для решения вопроса о признании его членом семьи собственника жилого помещения, так как согласно статье 3 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Наличие или отсутствие у лица регистрации в жилом помещении является лишь одним из доказательств по делу, которое подлежит оценке судом наряду с другими доказательствами.

В данном пункте Постановления Пленума Верховного Суда РФ обозначены факты, подлежащие установлению по некоторым жилищным делам в отношении жилых помещений, принадлежащих

гражданам на праве собственности, по которым требуется установить наличие или отсутствие у лица статуса члена семьи нанимателя. Тем самым Верховным Судом Российской Федерации уточняется предмет доказывания по указанным категориям дел, что суды должны учитывать при определении круга фактов, подлежащих установлению на стадиях подготовки дела к судебному разбирательству и собственно судебного разбирательства.

Итак, чтобы выявить процессуальные особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел, необходимо правильно определить круг расположенных в ГПК и в материально-правовых актах специальных процессуальных норм, относящихся к рассмотрению и разрешению жилищных споров; кроме того, по жилищному делу нужно выявить судебные акты высших органов судебной власти, содержащие разъяснения по правильному применению норм материального и процессуального права, а также соответствие применяемой нормы жилищного или процессуального законодательства Основному закону РФ. Затем на основе всестороннего анализа подлежащей применению нормы материального права решить ряд не урегулированных специальными процессуальными нормами вопросов процессуального характера: о подведомственности и подсудности дела суду, о сторонах, третьих лицах, относимости доказательств и всех других, имеющих важное значение для данного дела.

*М. И. Низамова,
мировой судья судебного участка №6
Индустриального района г. Ижевска
Удмуртской Республики*

ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ

Исполнение судебных актов осуществляется в ходе исполнительного производства, которое является важнейшим этапом на пути к восстановлению нарушенных прав и свобод или охраняемых законом интересов.

Действенность правосудия – это ключевой признак правового государства. Неисполнение судебных актов, по сути, означает отсутствие государственной защиты прав и интересов граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, а также и самого государства.

В конечном итоге исполнение судебных решений – это тот показатель, по которому члены общества оценивают работу судебной системы в целом. Целью обращения граждан и организаций в суд является восстановление нарушенных прав, защита законных интересов не столько на бумаге (посредством должным образом оформленного судебного решения), сколько практически реализованных исполнением установленных судом требований.

Отсутствие эффективности такого исполнения влечет возникновение проблем не только в правовой сфере, но и в социальном аспекте, поскольку способствует формированию в обществе правового нигилизма, неуважительного отношения к закону и суду, игнорированию своих обязательств, установленных законом, развитию коррупции, поощрению противоправного и асоциального типа поведения.

Как следует из информации Официального сайта ФССП России, показатель исполняемости по исполнительным производствам, возбужденным на основании судебных актов, в 2021 году составил 46,9 % (за 2022 год отчет о проведенной работе не опубликован).

Указанный показатель свидетельствует о неэффективности исполнительного производства, говорит о том, что существующая в настоящее время система законодательства об исполнительном производстве в Российской Федерации не является эффективной в полном объеме и требует постоянного совершенствования.

Зачастую должники не желают исполнять вступившие в законную силу судебные решения. Считается допустимым ввести в заблуждение, нежели исполнить требования исполнительных документов.

Существуют и объективные причины: отсутствие имущества, принадлежащего должнику; отсутствие денежных средств на расчётных счетах.

Вместе с тем указанные причины, на мой взгляд, не должны быть основаниями для прекращения исполнительных производств. Граждане, а также юридические лица должны понимать и четко осознавать, что вступившие в законную силу судебные акты являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 13 ГПК РФ, ч. 1 ст. 16 АПК РФ, ст. 16 КАС РФ), и что не исполнить требования судебных актов для них не представится возможным.

Законодатель предпринимает меры в сфере исполнительного производства. Так, в настоящее время принят ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 21.12.2021 № 417-ФЗ, позволяющий судебным приставам-исполнителям в автоматическом режиме принимать решения.

Кроме того, в настоящее время еще не принят, но прошел два чтения закон, позволяющий упростить взыскание просроченных штрафов, наложенных ГИБДД в режиме авто фиксации, который предусматривает автоматическое списание штрафа не более 3 000 руб. с банковской карты нарушителя.

В связи с тем, что для развития общественных отношений необходима постоянная корректировка установленных правил, со-

вершенствование законодательства, предлагаю несколько путей решения проблем исполнения судебных актов:

1. Воспитание общества в таком ключе, чтобы у граждан и организаций было понимание неизбежности исполнения судебных актов, необратимости наказания.

2. Создание условий для мотивации должников к добровольному исполнению обязанностей. В частности, изменить редакцию ст. 32.2 КоАП РФ, указав, что все административные штрафы, предусмотренные КоАП РФ, а также законами субъектов РФ, могут быть уплачены в размере половины суммы наложенного административного штрафа, если они уплачены не позднее двадцати дней со дня вынесения постановления о наложении административного штрафа.

3. Ужесточение в КоАП РФ в части административных штрафов по 12 главе о том, что если должник имеет более 10 неуплаченных штрафов по делам об административных правонарушениях, за исключением административных штрафов, наложенных при фиксации административных правонарушений в автоматическом режиме специальными техническими средствами, то на него составляют протокол об административном правонарушении, влекущем лишение права управления транспортными средствами на 1 год. Указанную статью отнести к подведомственности мировых судей.

4. Введение института частного пристава-исполнителя со всеми правами, предусмотренными ФЗ «Об исполнительном производстве», который будет осуществлять свою деятельность на основании лицензии. Указанный частный пристав-исполнитель будет осуществлять свою деятельность самостоятельно, предоставлять свои услуги за плату, которая удерживается после с должника, также нести самостоятельную ответственность перед взыскателем-клиентом.

При этом предлагаю разграничить исполнение судебных актов:

- по гражданским делам, рассмотренным судами общей юрисдикции, и делам, рассмотренным арбитражными судами, исполнение судебных актов возложить на частных приставов-исполнителей;
- по делам об административных правонарушениях, уголовным делам, судебным приказам, вынесенным мировыми судьями,

исполнение судебных актов возложить на государственных приставов-исполнителей.

Кроме того, дать возможность органам, налагающим административные штрафы, исполнять свои постановления самостоятельно путем предъявления их в банк или иную кредитную организацию.

5. Возврат нормы, согласно которой судебный пристав-исполнитель лично получает определенный процент от взысканной суммы.

6. Изменить редакцию ст. 31.7, 31.9 КоАП РФ о том, что судья, орган, должностное лицо, вынесшие постановление о назначении административного наказания, прекращают исполнение постановления в случае истечения сроков давности исполнения постановления о назначении административного наказания, установленных ст. 31.9 КоАП РФ, что постановление о назначении административного наказания не подлежит исполнению в случае, если это постановление не было приведено в исполнение в течение двух лет со дня его вступления в законную силу, указав о бессрочности их исполнения в части административных штрафов до полного погашения задолженности по ним.

7. Изменить редакцию ст. 46, 47 ФЗ «Об исполнительном производстве», которые предусматривают возможность окончания исполнительного производства, в случае, если невозможно установить местонахождение должника, его имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в банках или иных кредитных организациях, за исключением случаев, когда настоящим Федеральным законом предусмотрен розыск должника или его имущества; если у должника отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание; и все принятые судебным приставом-исполнителем допустимые законом меры по отысканию его имущества оказались безрезультатными. Указанные нормы исключить из ФЗ «Об исполнительном производстве».

8. Изменить редакцию ст. 67.1 ФЗ «Об исполнительном производстве», добавив возможность установления временного ограничения на пользование должником специальным правом, в том

числе за неисполнение должником-гражданином или должником, являющимся индивидуальным предпринимателем, в установленный для добровольного исполнения срок без уважительных причин содержащихся в исполнительном документе требований имущественного характера.

9. В целях ускорения взыскания денежных средств, наделить судебных приставов-исполнителей полномочиями самостоятельно выносить определение о замене стороны исполнительного производства.

10. Обратить внимание органов прокуратуры на их надзор за исполнением законов судебными приставами, в связи с чем, в случае злостного неисполнения вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствования их исполнению, усилить контроль за возбуждением дел дознавателями ФССП по ст. 315 УК РФ.

И в заключение хотелось бы отметить, что 100 % исполнения судебных актов вряд ли возможно, но, несомненно, необходимо прилагать усилия и понимать, что устранение проблем в указанной сфере возможно лишь в комплексе мер: необходимо повышать правовую культуру, сделать непререкаемым авторитет правосудия, укрепить контроль над исполнением решений, изменить структуру судебных приставов-исполнителей, объективно рассматривать жалобы на нарушение сроков исполнения, на незаконные действия и бездействие судебных приставов-исполнителей.

Список литературы

1. Официальный сайт ФССП России. – URL: <https://fssp.gov.ru/>
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.
5. О судебных приставах: Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ.

6. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

8. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон от 21.12.2021 № 417-ФЗ.

Т. В. Решетнева,

к.ю.н., доцент кафедры теории

и истории государства и права ФГБОУ ВО

«Удмуртский государственный университет»

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО (МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО) СУДА

Исполнение решения любого суда как национального (государственного), так и международного (межгосударственного) является неотъемлемой частью судебного процесса и выступает необходимой юридической гарантией осуществления права на справедливое судебное разбирательство, защиты прав субъектов, в интересах которых было принято соответствующее решение; обеспечения правопорядка, восстановления режима законности. Без исполнения судебного решения право на суд, право на справедливое судебное разбирательство становятся лишенными какого-либо полезного смысла, а защита нарушенных прав не реализована.

Вопрос об исполнении судебного решения возникает как в отношении решений, вынесенных российскими судами, третейскими судами, так и решений, вынесенных иностранными государственными и третейскими судами. Учитывая то обстоятельство, что в отношении России имеются вынесенные и неисполненные решения Европейского Суда по правам человека, принятые им не только по индивидуальным, но и межгосударственным жалобам, а также то обстоятельство, что Украина подала против России два меморандума в Международный Суд ООН, вновь актуализируется проблема исполнения Российской Федерацией решений международных (межгосударственных) судов. Сложность разрешения обозначенной проблемы заключается в том, что решения международного (межгосударственного) суда относятся одновременно к двум правовым системам – международной и национальной (внутригосударственной). Сама возможность обращения к международному судебному

разбирательству предусматривается международным договором и связана с признанием государствами юрисдикции и обязательности решений международного (межгосударственного) суда, компетентного рассматривать переданные ему межгосударственные и иные споры. В рамках внутригосударственной правовой системы через правотворческие, правоприменительные и институциональные механизмы обеспечивается воплощение международных обязательств государства, непосредственное исполнение решений, вынесенных международными юрисдикционными органами. При этом исполнение государством решений международных (межгосударственных) судов рассматривается как реализация им взятых на себя международных обязательств. Однако именно на этапе исполнения такого решения перед государством может встать вопрос о невозможности его исполнения, поскольку международный (межгосударственный) суд может превысить свою компетенцию, что ярко проявляется в работе Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), в ситуациях, когда у ЕСПЧ имеется несколько вариантов толкования норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.; далее – ЕКПЧ) и Протоколов к ней, в рамках его же прецедентной практики, «но он выходит за эти рамки – и тогда его выбор имеет юридическую силу, разрушая значение предыдущих прецедентов..., налагает, по мнению государств-ответчиков, новые обязательства на ее участников», которые не предусмотрены положениями ЕКПЧ; либо раздвигает рамки ее применения [2], результатом чего может быть выход международного (межгосударственного) суда за отведенные ему рамки в виде принятия им ошибочных, непредсказуемых или крайне спорных решений [3] и несовпадение позиции международного судебного органа и позиции государства, выраженной им при заключении международного договора, присоединении к нему, что может привести и в некоторых случаях приводит к отказу государства от исполнения решения международного судебного органа. Возникает конфликт между согласованной волей государств, воплощенной в международном договоре, и правовыми позициями международных судебных органов, кото-

рые в рамках своей правоприменительной и интерпретационной деятельности «подправили» за государства положения международных договоров таким образом, что поставили государство перед выбором: исполнение обязательного решения международного судебного органа в ущерб своим конституционным положениям или следование положениям своей конституции, сверхимперативным внутригосударственным нормам права в ущерб международным обязательствам. Кроме того, возможен конфликт⁹⁰ между международными судебными органами и конституционными судами или иными органами конституционного контроля государств, которые разошлись в оценке одних и тех же фактических обстоятельств. Описанная ситуация является предметом дискуссии сторонников, оберегающих государственный суверенитет, конституционный порядок, выступающих за создание внутригосударственного защитного механизма, позволяющего блокировать решения международного судебного органа, и защитников международного права, отстаивающих идею примата международного права, обязательности решений международных судебных органов, вынесенных в отношении государства и недопустимости ссылок государства на нормы внутригосударственного права (даже особо важного порядка) в качестве оправдания для неисполнения решения международного (межгосударственного) суда.

До 2015 года законодательство Российской Федерации не содержало нормы, позволяющей государству разрешить вопрос о невозможности исполнения решения межгосударственного органа. Ситуация изменилась после принятия Федерального конституционного закона от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которым в ФКЗ «О Кон-

⁹⁰ Примерами конфликта позиций высших национальных судов и международных судебных органов являются принятые Европейским Судом по правам человека постановления по жалобам: «Гёргюлю против ФРГ», «К. Маркин против Российской Федерации», «Анчугов и Гладков против России» и некоторые другие.

ституционном Суде Российской Федерации» появилась глава XIII.1, а Конституционный Суд РФ получил право выносить постановления о невозможности исполнения в целом или в части решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, принятого на основании положений международного договора Российской Федерации в их истолковании межгосударственным органом по защите прав и свобод человека. В последующем с учетом изменений, внесенных в 2020 году в российскую Конституцию, в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» появилась глава XIII.2, а глава XIII.1 получила иное наименование – «Рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственных органов», и соответственно, в тексте главы «межгосударственный орган по защите прав человека» заменен на «межгосударственный орган».

Проведенная в 2020 году реформа конституционного законодательства детализировала ряд положений российской Конституции. В частности, в ст. 79 Конституции России были внесены дополнения и изменения, согласно которым «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации», а в ст. 125 Конституции России – дополнения, расширяющие и конкретизирующие полномочия Конституционного Суда Российской Федерации. На основании п. «б» ч. 1 ст. 125 Конституции России Конституционный Суд РФ получил полномочие по разрешению вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции России, а также о возможности исполнения решений международного (межгосударственного) суда, налагающего обязательства на Российскую Федерацию в случае, если это решение противоречит публичному порядку Российской Федерации. При этом Конституция России как акт, устанавливающий государственный и общественный строй,

обладающий высшей юридической силой среди всех правовых актов, закрепляет также в главах первой и второй Конституции основы публичного порядка Российской Федерации, под которым согласно устоявшейся правоприменительной практике и юридической доктрине понимают «фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства» [4].

Установленный в России защитный механизм, допускающий возможность отказа от исполнения решений межгосударственных судебных органов, согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ «предназначен не для утверждения отказа от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов, а для выработки конституционно приемлемого способа исполнения таких решений Российской Федерацией при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции РФ в российской правовой системе, составной частью которых являются ... международные договоры России, в том числе предусматривающие соответствующие правомочия межгосударственных юрисдикций» [5; абз. 3 п. 3.3]. При этом формулировки ст. 79, п. «б» ч. 5.1. ст. 125 Конституции РФ, по мнению Конституционного Суда России, «не предполагают отказа Российской Федерации от соблюдения самих международных договоров и выполнения своих международных обязательств, а потому не вступают в противоречие со статьей 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации» [5; абз. 2 п. 3.3]. В отличие от некоторых иностранных государств, которые воздерживаются от исполнения решений международных судов (и в частности, решений Европейского Суда по правам человека), не устанавливая никаких правовых оснований, Российская Федерация на законодательном уровне закрепила процедуру разрешения правовой коллизии, не допускающей «произвольного отказа государства от исполнения решения

межгосударственного органа» [6; абз. 8 раздел 1.2.3], включая решения международных (межгосударственных) судов.

Полномочия по установлению решений межгосударственного органа соответствующими или несоответствующими российской Конституции Конституционный Суд РФ реализовал дважды на основании положений главы XIII.1 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в редакции 2015 года и признал в своих Постановлениях в 2016 [7] и 2017 [8] годах невозможным исполнение в российской правовой системе Постановлений Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков против России» и от 31.07.2014 по делу ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России». В принятых постановлениях Конституционный Суд России сформулировал ряд ключевых положений:

1) постановления ЕСПЧ, вступившие в силу, признаются частью правовой системы Российской Федерации;

2) постановления ЕСПЧ, основанные на интерпретации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, реализуются с учетом верховенства и признания высшей юридической силы Конституции РФ в силу того, что указанная Конвенция обладает в российской правовой системе большей юридической силой, чем федеральный закон, но не равной и не большей, чем юридическая сила Конституции РФ [8; ч. 4 п. 2];

3) необходимо учитывать принцип правомерного компромисса, разумного баланса между европейским конвенционным и российским конституционным порядками, заключающийся в том, что: а) принятое Конституционным Судом России решение должно отвечать букве и духу постановления ЕСПЧ и не вступать в противоречие с основами конституционного строя России и установленным Конституцией России правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина [7; ч. 3 п. 1.2]; б) границы разумного баланса очерчивает Конституция России [7; ч. 2 п. 1.2];

4) необходимо учитывать, что ЕСПЧ осуществляет «эволютивное» толкование норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней в контексте реального европей-

ского консенсуса, который признается существующим, если установлено общее согласие большинства государств-участников Конвенции или, по крайней мере, относительное единообразие подходов к той или иной сфере правоприменения [7; ч. 4 п. 4.3];

5) отказ от исполнения постановления ЕСПЧ допустим, если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения конкретного дела ЕКПЧ, нормам которой присуща высокая степень абстрактности, придал какому-либо используемому в ней понятию другое, чем его общепринятое значение, либо осуществил толкование вопреки объекту и целям самой Конвенции, несовместимое с национальным конституционным правопорядком как выходящее за пределы обязательств, добровольно принятых на себя государством при ратификации Конвенции [8; ч. 8 п. 2].

Вместе с тем следует учитывать то обстоятельство, что ни в одном международном договоре, предусматривающем функционирование международного (межгосударственного) суда, не предусмотрено право государства отказаться от исполнения вынесенного в отношении него обязательного решения. Несмотря на то, что Российская Федерация официально признала невозможность исполнения некоторых решений ЕСПЧ и в настоящее время не является членом Совета Европы, денонсировала ЕКПЧ, тем не менее, Комитет Министров Совета Европы осуществляет мониторинг за исполнением Россией ее международных обязательств, вытекавших из признания Россией *ipso facto* обязательного характера решений ЕСПЧ.

В заключение отметим, что совместимость решений межгосударственных органов, включая международных (межгосударственных) судов и норм Конституции России, непротиворечие названных решений основам публичного порядка выступает юридической гарантией их исполнения в Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ,

от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ). – URL: www.pravo.gov.ru

2. Ковлер А. И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека // СПС «КонсультантПлюс». – М. : Норма, 2019.

3. Исполинов А. С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // *Lex russica* ; СПС «Консультант-Плюс». – 2017. – № 10.

4. Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.02.2013 № 156 (Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений).

5. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-З. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

6. Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)», одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2021. – URL: <http://www.kfsr.ru>

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2016 № 12-П. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2017 № 1-П. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Г. А. Решетникова,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного
права и криминологии ФГБОУ ВО*

«Удмуртский государственный университет»

ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ОТПРАВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ СИСТЕМОЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Современное развитие технологий дает широкие возможности для использования системы искусственного интеллекта в самых разных сферах жизни общества. В наши дни этот процесс легализован Указом Президента РФ № 490 от 10.10.2019 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее – Стратегия) [1], Распоряжением Правительства РФ № 2029-р от 19.08.2020 «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» (далее – Концепция) [2], Федеральным законом № 123-ФЗ от 24.04.2020 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» (далее – Закон) [3].

Так, согласно Стратегии цели и основные задачи развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, а также меры, направленные на его использование, обусловлены целью обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, в том числе в области научно-технологического развития [1]. В соответствии с Концепцией к числу ее основных задач относится создание предпосылок для формирования основ правового регулирования новых общественных отношений,

складывающихся в связи с разработкой и применением технологий искусственного интеллекта и робототехники и систем на их основе, а также определение правовых барьеров, препятствующих разработке и применению указанных систем [2]. На основании Закона эксперимент по установлению специального регулирования проводится в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в городе федерального значения Москве, а также последующего возможного использования результатов применения искусственного интеллекта. Из этой главной цели вытекают цели планирования, в частности, формирование комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта. Как указано в Законе, задачей для реализации этой цели является создание благоприятных правовых условий развития технологий искусственного интеллекта [3].

Следовательно, можно с уверенностью сказать, что феномен «искусственный интеллект» приобрел статус политико-правового понятия. В соответствии со ст. 2 Закона определяемый как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [3].

Несмотря на то, что в Стратегии сфера правосудия не значится в числе приоритетных направлений развития и использования технологий искусственного интеллекта, процесс, что называется, пошел. Внедрение технологий искусственного интеллекта будет только расти и развиваться. Свидетельством обеспечения продви-

жения этого процесса служат положения вышеуказанных документов. Например, в Стратегии отмечается, что для стимулирования развития и использования технологий искусственного интеллекта *необходимы адаптация нормативного регулирования* в части, касающейся взаимодействия человека с искусственным интеллектом, и выработка соответствующих этических норм. При этом, – указано в Стратегии, – *избыточное регулирование* в этой сфере может существенно замедлить темп развития и внедрения технологических решений [1]. В Концепции определено, что с учетом экономической и социальной значимости применения технологий искусственного интеллекта и робототехники в различных сферах *их разработка и эксплуатация не должны ограничиваться регуляторными мерами*, за исключением случаев, связанных с высоким риском причинения вреда жизни и здоровью граждан, а также представляющих явную угрозу обороне страны и безопасности государства [2]. Сам факт использования систем искусственного интеллекта и робототехники, – подчеркивается в Концепции, – *не должен являться основанием для установления регуляторных ограничений* [2]. Как указано в Концепции, в дальнейшем может также потребоваться уточнение отдельных норм законодательства в целях нормативного правового регулирования *новых видов правоотношений* [2]. Наконец, как было сказано выше, одной из целей Концепции является определение *правовых барьеров, препятствующих* разработке и применению указанных систем [2]. Часть из них уже названа этим документом, например, в главе «Проблемы, общие подходы и направления регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники» или в главе «Юридическая ответственность в случае применения систем искусственного интеллекта и робототехники» [2].

Это далеко не весь перечень обеспечительных мер развития регулятивных отношений в сфере системы искусственного интеллекта. В этой связи закономерно, что в научной литературе все чаще и чаще стали обсуждаться вопросы о будущем процесса отправления правосудия в ситуации его полной автоматизации, включая замену судьи системой сильного (или универсального) искусствен-

ного интеллекта, сравниваемого с человеческим интеллектом. То есть таким, который способен к обучению и не уступает по уровню развития большинству людей, а во многих смыслах и превосходит их [4]; таким, который способен проанализировать фактические обстоятельства дела, дать им правовую оценку и вынести адекватное решение.

В настоящее время уже не приходится сомневаться в том, что современное правосудие может остаться в стороне от научно-технических достижений. То, что внедрение в систему правосудия искусственного интеллекта объективная реальность и даже насущная необходимость, в научной литературе авторами признается и приветствуется [5, с. 163, 164; 6, с. 85; 7, с. 221; 8, с. 55, 56; 9, с. 190, 191; 10, с. 708–710]. Различие между точками зрения заключается лишь в пределах его внедрения, в объеме правового «делегирования» решений системам искусственного интеллекта.

Многие авторы придерживаются позиции, что система электронного правосудия не должна быть направлена лишь на внешнее функционирование суда. По их мнению, в России система искусственного интеллекта при отправлении правосудия может быть использована судами уже сегодня [11, с. 240–242]. Например, по делам, где деятельность человека носит контролирующий (ревизионный) характер, в частности, по делам о долговых обязательствах [8, с. 56], гражданским и административным делам по бесспорным требованиям [9, с. 190], делам приказного производства и о расторжении брака, если отсутствует спор о детях [12, с. 232]. К. С. Новикова отмечает, что в указанных случаях, искусственный интеллект, проанализировав обстоятельства дела, предлагает на утверждение судьи «смарт-решение» или даже несколько вариантов, возможно даже с резолютивной частью [11, с. 242]. Для нее ценность этого подхода заключается в том, что рассмотрение искусственным интеллектом одинаковых по типу дел даст возможность судьям сконцентрироваться на других более сложных делах, что существенно повысит качество правосудия в условиях загруженности судов [11, с. 242].

О. А. Степанов и Д. А. Басангов отмечают, что в сущности использование таких систем не связано с заменой судьи, речь ско-

рее идет об экономии времени по сбору и обработке данных и документов по делу, повышении объективности и проверки достоверности информации, полученной в ходе рассмотрения дела [12, с. 231]. Они пишут: «Современные возможности искусственного интеллекта позволяют не только достаточно точно распознавать юридические ситуации, но и, что еще более важно, без потерь описать законы на логическом, а соответственно, и программном языках. При этом предполагается, что алгоритмы искусственного интеллекта будут всегда оставаться объективными, беспристрастными, сохранять нейтралитет и безупречную репутацию, что способно существенно облегчить работу судьи, то есть позволит снизить нагрузку на судебный аппарат, ускорить и усовершенствовать отправление правосудия, исключить судебную волокиту и коррупцию» [12, с. 231].

Определенное влияние на формирование такой позиции оказал зарубежный опыт [13, с. 50; 6, с. 79–87; 12, с. 233–235 и др.] и принятая на 31-м пленарном заседании ЕКЭП 3–4 декабря 2018 г. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях [14, с. 222–227]. В ней сформулировано пять принципов. Это: 1) принцип соблюдения основных прав: обеспечить разработку и применение инструментов и услуг, основанных на искусственном интеллекте, соответствующих основным правам; 2) принцип недискриминации: а именно, предупреждать развитие или усиление дискриминации между отдельными лицами или группами лиц; 3) принцип качества и безопасности: касательно обработки судебных решений и данных, использовать сертифицированные источники и нематериальные данные с применением моделей, разработанных на междисциплинарной основе, в безопасной технологической среде; 4) принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности: сделать доступными и понятными методы обработки данных, разрешить проведение внешнего аудита; 5) принцип контроля пользователем: отказаться от предписывающего подхода и позволить пользователю выступать информированным участником и контролировать свой выбор [15].

В. В. Момотов особенно обращает внимание на пятый принцип, говоря словами этого автора, – «принцип пользовательского контроля». По мнению В. В. Момотова, судья имеет право не согласиться с решением, вынесенным искусственным интеллектом, и вынести собственное решение, сторона же спора должна иметь возможность прямого обращения в суд (без использования искусственного интеллекта). К тому же иметь право обжаловать принятое искусственным интеллектом решение. Принцип «пользовательского контроля», – считает он, – наглядно демонстрирует, что авторы документа отчетливо осознают бесперспективность альтернативы искусственного интеллекта судье. В. В. Момотов убежден в том, что с этим нужно согласиться [16]. Названная позиция в науке является основной.

Аргументы неспособности искусственного интеллекта полностью заменить судью авторами приводятся самые разные. Среди них: отсутствие способности учесть все детали дела, в том числе человеческий фактор [12, с. 233], нормы морали, этики, эмоциональное состояние, детали обстановки и другие характеристики, относящиеся только к человеческой жизнедеятельности [12, с. 233]; отсутствие у искусственного интеллекта чувства ответственности, самоанализа и самоконтроля [11, с. 242]; неспособность оценить абстракцию, понять смысл [8, с. 55] и фабулу дела [16]; отсутствие умения использовать ценностные критерии оценки [16]; неумение в случае отсутствия конкретной правовой нормы самостоятельно вынести решение по делу, руководствуясь общим смыслом законодательства, вследствие неимения внутреннего убеждения [16]; опасение вытеснения искусственным интеллектом человека из конкретной области [17]; отсутствие легитимности (доверия со стороны населения) [12, с. 233].

Думаем, что ни один из перечисленных факторов не является прочным, неизбежным и неподдающимся опровержению аргументом, убеждающим в неспособности отправления правосудия системой искусственного интеллекта. Э. М. Пройдаков пишет: «Когда-то считалось, что одна из основных философских проблем в области ИИ – возможность или невозможность моделирования мышления

человека, т. е. вопрос о том, обретет ли искусственный интеллект сознание. Вопрос уже не совсем гипотетический и очевидно имеющий большое значение для прогнозирования ближайшего будущего не только в России, но и большей части жителей планеты Земля. Полувековая история развития ИИ все больше убеждает нас в том, что принципиальных препятствий на пути достижения такого результата нет» [4, с. 151].

Ближе всего к таким факторам, преодолеть которые для отправления правосудия системой искусственного интеллекта вряд ли получится, являются принципы правосудия как отправные идеи, отображающие основные черты политического, экономического, культурно-нравственного и правового развития общества и государства.

В нашу задачу не входит исследование принципов правосудия сквозь призму системы искусственного интеллекта. Это предмет отдельного исследования. Ясно одно, система искусственного интеллекта способна на основе данных судебной практики получить результат, следовательно, выполнить задачи свойственные процессу правосудия. Однако другой вопрос: будет ли этот процесс при замене судьи искусственным интеллектом *называться процессом отправления правосудия*? Полагаем, что нет, хотя бы только на том основании, что изменяется субъект, вопрос о котором в настоящее время не имеет однозначного ответа и является чрезвычайно дискуссионным.

Список литературы

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/

2. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ № 2029-р от 19.08.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/

3. О проведении эксперимента по установлению специально-го регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных: Федеральный закон № 123-ФЗ от 24.04.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/

4. Пройдаков Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования. – 2018. – С. 130.

5. Анисимова А. С., Спиридонова М. П. К вопросу о возможностях использования технологий искусственного интеллекта в правосудии // Юридический вестник ДГУ. – 2021. – Т. 39, № 3.

6. Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex russica. – 2019. – № 11 (156).

7. Луценко Е. П. Применение искусственного интеллекта при осуществлении правосудия в России и за рубежом // Образование и право. – 2022. – № 6.

8. Макутачев А. В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 8 (141).

9. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 5.

10. Чистилина Д. О. Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2021. – Т. 31, вып. 4.

11. Новикова К. С. Искусственный интеллект как элемент электронного правосудия: смарт – решение и электронные весы правосудия // Образование и право. – 2020. – № 3.

12. Степанов О. А., Басангов Д. А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 475.

13. Амиянц К. А., Чемеринский К. В. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 11-3 (38).

14. Незнамов А. В. Принципы использования технологий искусственного интеллекта в правосудии: европейский подход // Образование и право. – 2019. – № 5.

15. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП 3–4 декабря 2018 г. – URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>

16. Момотов В. В. Доклад на пленарном заседании участников Глобальной сети обеспечения честности и неподкупности судебных органов (Global Judicial Integrity Network) под эгидой Управления ООН по наркотикам и преступности на тему: «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации», Катар, 26 февраля 2020 г. – URL: <http://www.ssrp.ru/news/lienta-novostiei/36912>

17. Закиров Р. Ф. Цит. по: Макутчев А. В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 8 (141).

Т. К. Рябинина,

*д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой
уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО
«Юго-Западный государственный университет»,
г. Курск*

О. В. Петрова,

*к.ю.н., заместитель председателя
Ленинского районного суда г. Курска*

НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ: О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ СУДОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)⁹¹

Рассуждая о достижениях в сфере укрепления судебной власти, выражающихся в расширении контрольных полномочий суда по отношению к деятельности органов предварительного расследования и ее результатам с точки зрения выявления судом разного рода нарушений закона и их устранения, следует отметить, что изменившаяся роль суда в правовом регулировании уголовного судопроизводства коренным образом повлияла на состояние обеспеченности прав и законных интересов участников уголовного процесса, прежде всего подозреваемых и обвиняемых, что обусловило поднятие авторитета судебной власти.

Если ранее участники процесса, заинтересованные в результатах производства по уголовному делу, оставаясь один на один с представителями обвинительной власти, могли рассчитывать разве что на личную порядочность, объективность и непредвзятость следователя или дознавателя, то в современных реалиях в процедуру расследования уголовного дела «встраивается» независимый суд,

⁹¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания на 2023 год по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

стоящий «над схваткой» между сторонами, обеспечивающий охрану их интересов и реализацию их прав, поскольку основные решения, связанные, в первую очередь, с ограничением их конституционных прав, теперь принимаются судом. Расширены возможности обжалования незаконных действий и решений органов предварительного расследования и прокурора в суд непосредственно в ходе досудебного производства.

Правосудие предстает как действительно правообеспечительный, правозащитный, правосстановительный механизм в системе государственного управления, правового регулирования общественных отношений [1, с. 60–63; 2, с. 147]. В силу своей независимости, открытости, состязательности суд завоевывает доверие у граждан; участники процесса надеются на непредвзятое и справедливое разрешение уголовного дела.

Одним из важных средств осуществления правосудия по уголовным делам является обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ). При этом деятельность суда, осуществляемая и в досудебном производстве, и при проверке поступивших материалов дела в суд, и, конечно же, непосредственно при рассмотрении дела по существу, нацелена как на обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому права на защиту, так и на выявление нарушений основного их права, без которого они не могут отстаивать свои интересы, достичь определенного, важного для них результата, оставаясь бесправным, зависимым от органов обвинения лицом. Иначе правосудие потеряет свое предназначение, миссия суда останется невыполнимой.

Однако судебная практика богата на примеры, когда суд сам нарушает правовые нормы, регулирующие возможности обвиняемого по защите своих законных интересов.

Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ, право на получение квалифицированной юридической помощи, то есть право на помощь адвоката, должно обеспечиваться на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при исполнении приговора; оно не ограничивается отдельными стадиями уголовного

судопроизводства и не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, не основанного на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, при которых участие в уголовном судопроизводстве защитника, в том числе по назначению, обязательно [3, 4].

Необеспечение права лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, защитником является основанием к отмене постановлений суда, вынесенных при рассмотрении вопросов в досудебной стадии производства по уголовному делу.

Так, апелляционным постановлением Курского областного суда от 13 июля 2022 года отменено постановление Ленинского районного суда г. Курска от 29 ноября 2021 года об отказе в удовлетворении жалобы М. на постановление следователя следственного отдела по Центральному административному округу г. Курска СУ СК России по Курской области Ч. от 10 сентября 2020 года о возбуждении уголовного дела № 12002380002000100 по признакам преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 128.1 УК РФ, с направлением материала на новое рассмотрение в тот же суд, в ином составе суда.

Основанием отмены постановления послужило существенное нарушение уголовно-процессуального закона, выразившееся в нарушении права на защиту М.

Согласно представленным материалам М., содержащийся в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Курской области, обратившийся в суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление о возбуждении уголовного дела, является обвиняемым по уголовному делу, в связи с чем имеет защитника.

После назначения судебного заседания при извещении о дате и времени рассмотрения жалобы заявитель М. в расписке указал фамилию адвоката Б., чьей помощью желает воспользоваться при рассмотрении его жалобы на процессуальное решение органа предварительного следствия. Однако в нарушение положений ст. 47, 51, ч. 3 ст. 125 УПК РФ, а также волеизъявления М., указавшего в

расписке об участии адвоката Б., осуществляющей его защиту в ходе досудебного производства по уголовному делу, возражавшего против проведения судебного заседания в её отсутствие, жалоба заявителя была рассмотрена в отсутствие защитника, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

В соответствии со ст. 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Одной из необходимых гарантий судебной защиты и справедливости судебного разбирательства является предоставляемая сторонам реальная возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда. Иное является нарушением конституционного принципа состязательности сторон.

При рассмотрении дела по существу судом первой инстанции разъяснению обвиняемому подлежат не только права, указанные в ч. 4 ст. 47 УПК РФ, но и другие его права в судебном разбирательстве, в том числе право ходатайствовать об участии в прениях сторон наряду с защитником (ч. 2 ст. 292 УПК РФ), а при отсутствии защитника – участвовать в прениях сторон (ч. 1 ст. 292 УПК РФ), право на последнее слово (ст. 293 УПК РФ).

Апелляционным определением Курского областного суда от 16 июня 2022 года приговор Курчатовского городского суда Курской области от 17 марта 2022 года в отношении Б. отменен, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд, но в ином составе суда. Одним из нарушений, повлекших отмену приговора, явилось то обстоятельство, что подсудимый Б. высказал свое желание на выступление в судебных прениях после защитника. Однако после выступления в судебных прениях защитника Г. право выступить Б. предоставлено не было.

Кроме того, судом первой инстанции по данному делу допущены следующие нарушения: личность и компетенция переводчика А. судом не устанавливалась, процессуальные права и обязанности последнему не разъяснялись, и он не был предупрежден об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод; право за-

явить отвод переводчику А. участникам процесса, в том числе Б., судом разъяснено не было.

При этом, несмотря на то, что Б. после вступления переводчика А. в судебном заседании сделал заявление, в котором фактически содержался отвод последнему, но его заявление в нарушение требований УПК РФ рассмотрено не было, со сторонами не обсуждено, никакого решения по нему не принято.

Статья 48 Конституции РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитник осуществляет защиту прав и интересов подсудимого и оказывает ему юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В силу ч. 7 ст. 49 УПК РФ адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, что исключает в том числе занятие адвокатом позиции по делу, противоречащей позиции его подзащитного, а также объективно существующим интересам данного подзащитного.

В п. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» Российской Федерации [5] закреплено требование о том, что адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя.

Несмотря на указанные положения, нередко имеют место случаи, когда позиция адвоката в части вопросов виновности подсудимого, доказанности вины, квалификации его действий и других существенных обстоятельств дела противоречит позиции подсудимого.

Так, апелляционным постановлением от 25 июля 2022 года был отменен приговор Кировского районного суда г. Курска от 4 февраля 2022 года, которым З. осужден по п. «а» ч. 2 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ.

Подсудимый З. в ходе судебного разбирательства хотя и сообщил суду о полном признании своей вины, однако фактически последовательно отрицал свою виновность в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, а также оспаривал ква-

лифицирующий признак совершения преступления в состоянии опьянения по п. «а» ч. 2 ст. 264 УК РФ, ссылаясь на то, что при управлении транспортным средством в состоянии опьянения не находился, а медицинское освидетельствование на состояние опьянения не смог пройти в силу физиологических причин.

При этом защитник С. В. Борисов в прениях сторон просил квалифицировать действия Ю. В. Захарова по п. «а» ч. 2 ст. 264 УК РФ, ст. 264.1 УК РФ. На такую позицию защитника, указавшего на совершение 3. преступлений при отрицании последним своей вины, суд первой инстанции не отреагировал и не выяснял, была ли она согласована с подсудимым.

Апелляционным определением Курского областного суда от 31 марта 2022 года отменен приговор Мантуровского районного суда Курской области от 14 декабря 2021 года в отношении Т., дело направлено на новое судебное рассмотрение.

Т. в судебном заседании вину в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ не признал, дал в этой части подробные показания, оспаривая доказанность его вины, по ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 159, п. «г» ч. 3 ст. 158, ч. 1 ст. 228 УК РФ вину признал, от дачи показаний отказался. При этом в судебных прениях защитник осужденного – адвокат С. указал, что Т. вину признал полностью. В последнем слове Т. пояснил, что вину признает, в содеянном раскаивается.

Однако в нарушение требований ст. 294 УПК РФ и разъяснений п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» [5], председательствующий не возобновил судебное следствие после выступления защитника в судебных прениях и оставил данные высказывания без внимания, не принял мер к установлению позиции Т. к предъявленному обвинению, не предоставил право участникам процесса допросить подсудимого с учетом его измененной позиции в судебном заседании, а также не выяснил, согласована ли с подсудимым позиция защитника. Таким образом, право на защиту осужденного Т. судом должным образом не было обеспечено и является нарушенным.

Другой пример. Апелляционным определением Курского областного суда от 30 мая 2022 года отменен приговор Фатежского районного суда Курской области от 24 ноября 2021 года в отношении С.

С. в предъявленном обвинении признал частично, указав, что умысла на лишение жизни Ж. у него не было, события после 23 часов 26 марта 2021 года и причинение Ж. телесных повреждений он не помнит. С. отрицалась виновность в умышленном причинении потерпевшей тупой травмы шеи, причинившей тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, повлекшей ее смерть, а высказывалась позиция о причинении телесных повреждений в области шеи по неосторожности, в результате медицинских манипуляций. Относительно других имеющихся у Ж. телесных повреждений, в том числе в области головы, составляющих комплекс тупой закрытой черепно-мозговой травмы, который у живых лиц является причинившим средней тяжести вред здоровью, С. только предполагал, что мог причинить эти телесные повреждения потерпевшей.

Между тем адвокат Х., выступая в прениях в защиту интересов С., отмечая неверную квалификацию содеянного, просил о переквалификации действий С. с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ и назначении ему наказания в виде лишения свободы сроком на 7 лет, указав, что «эти 7 лет он заслужил». При этом не только просил квалифицировать действия осужденного как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, несмотря на высказанную С. позицию о причинении телесных повреждений в области шеи потерпевшей по неосторожности, но также указал и механизм причинения С. телесных повреждений в области головы Ж., который сам осужденный не помнит.

Таким образом, адвокат Х., осуществлявший защиту осужденного С., занял позицию, не соответствующую позиции подзащитного, чем нарушил его право на защиту. Вместе с тем суд первой инстанции не принял мер к устранению указанного нарушения закона, не обсудил вопрос о замене адвоката Х. в судебном заседании, а постановил приговор, не соответствующий требованиям ст. 297 УПК РФ.

Также были выявлены следующие нарушения права на защиту: неознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела, необеспечение права обвиняемого на участие в судебном заседании (в том числе вследствие его необоснованного удаления из зала судебного заседания), непредоставление права обвиняемому на последнее слово, необеспечение обвиняемого помощью защитника-адвоката, необоснованный отказ обвиняемому в допуске защитника наряду с адвокатом в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 49 УПК РФ; необеспечение обвиняемого помощью переводчика, недобросовестное исполнение адвокатом своих профессиональных и процессуальных обязанностей по защите обвиняемого, производство частой замены защитников обвиняемого, назначаемых в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, не обусловленной уважительными причинами; рассмотрение дела без участия неявившегося защитника при наличии других защитников по соглашению или по назначению, непредоставление стороне защиты достаточного времени для подготовки к судебному заседанию после изменения государственным обвинителем предъявленного обвинения и пр.

Безусловно, такие примеры негативно отражаются на авторитете судебной власти, и судам предстоит многое изменить в своей деятельности в целях недопущения подобных случаев.

Список литературы

1. Колоколов Н. А. Эволюция судебной власти: историко-правовой аспект. Суд в условиях современности // История государства и права. – 2016. – № 12. – С. 60–63.
2. Рябинина Т. К. Взгляды З. З. Зинатуллина на проблемы отправления правосудия и функций суда в различных стадиях уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2018. – Т. 28, вып. 1. – С. 144–149.
3. По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгелая

Заы Ревазовича: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2003 № 20-П. – URL: <http://www.consultant.ru>

4. По жалобе гражданина Туктамышева Дениса Фаридовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 50 и частью третьей статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 254-О-П. – URL: <http://www.consultant.ru>

5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). – URL: <http://www.consultant.ru>

6. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55.

О. А. Сегал,

доцент, к.ю.н., доцент

кафедры гражданского права

А. А. Трищенко,

старший преподаватель

кафедры гражданского права

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УЧАСТНИКОВ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

Развитие технологий, как мы можем наблюдать, с каждым годом, даже месяцем, выходит на новый уровень. Еще в Послании Федеральному собранию Российской Федерации от 20 февраля 2019 года Президент Российской Федерации поручил Правительству Российской Федерации обеспечить благоприятные условия для инвестиций в коммерческие проекты. С тех пор очень оперативно стали приниматься законы, регулирующие сферу новой цифровой экономики. Предполагается, что все это позволит заключать сделки, привлекать финансирование, улучшать работу суда, максимально развивать электронные сервисы.

Таким образом, цифровые технологии плотно вошли в нашу жизнь в различных сферах деятельности. С помощью современных технологий мы оплачиваем уже большинство покупок, обмениваемся важной информацией, решаем насущные проблемы. Последние события, связанные с пандемией Covid-19, подтвердили важность и просто необходимость применения электронных технологий в жизни. Как известно, из-за угрозы распространения заболевания, многие государственные органы на время прекратили или ограничили свою работу. Во многих регионах, в том числе и в Удмуртии, были введены дополнительные ограничительные меры в связи с ростом заболеваемости коронавирусом, среди таких мер: QR-коды для посещения спортивных и выставочных мероприятий,

театров и кинозалов. С другой стороны, на данном этапе, потребность в обращении в различные органы не уменьшается, а наоборот, увеличивается в разы.

Современные технологии дают много возможностей для тех, кто их видит и готов ими воспользоваться. Впрочем, интерес к определенным технологиям может быть вызван и внешними входящими обстоятельствами.

Так, в период пресловутой пандемии COVID-19, как было отмечено ранее, особенно остро проявилась целесообразность внедрения цифровизации в судебной системе. Все мы помним административные последствия таковой в виде ограничения перемещения людей и даже временного закрытия многих государственных учреждений, в том числе и судов. Любые места массового скопления людей и близкие контакты рассматривались как факторы, способствующие массовому распространению заболевания. И даже когда государственные учреждения все-таки приступили к работе, каковая прямо предполагает не только деятельность основного персонала, но и присутствие множества посетителей, многие административные ограничения все же остались. К примеру, в 2020 и 2021 гг. вводили ограничения по перемещению между регионами лиц пенсионного возраста. Соответственно, к примеру, вызвать свидетеля из этой категории лиц в суд иного региона становилось весьма проблематичным.

Опять-таки в системе тех же арбитражных судов уже практиковалось участие в так называемых онлайн-заседаниях. Регистрация лица через систему «Мой арбитр», оформляемая через портал «Госуслуги», считалась достаточным поводом для признания соответствующего субъекта имеющим место быть в реальности, а не только в виртуальном пространстве. Впрочем, возможности виртуального присутствия через компьютеры были ранжированы. К примеру, для подачи значимых документов, в частности, заявлений о принятии арбитражным судом обеспечительных мер, требовалась квалифицированная (усиленная) электронно-цифровая подпись. Однако участие свидетелей в судебном заседании имеет свои особенности. Нельзя обязать гражданина, которого вызывают в суд как свидетелем

ля, регистрироваться в каких-либо электронных системах. Да он может и не иметь технической возможности этого делать.

Выход был найден. Суд по интеллектуальным правам рассматривал в 2020–2021 гг. дело № СИП-567/2020, связанное с признанием прав на патенты. Иск был заявлен со стороны лица, фактически создавшего ряд изобретений. Эти объекты интеллектуальных прав в силу особых обстоятельств служебного плана оказались в доступе у сотрудников одной из организаций г. Ижевска. Сотрудники уволились, но перед этим не преминули воспользоваться своими служебными полномочиями в корыстных целях. А именно: скопировали значительное число служебных материалов, естественно, без всякого согласия автора источника и руководства организации работодателя. В дальнейшем, с их стороны было создано предприятие-конкурент, которое начало выпускать полный аналог исходной продукции той организации, в которой они работали. Но этого им показалось мало. И они воспользовались тем, что исходные материалы охранялись лишь как секреты производства, то есть внутрифирменным режимом конфиденциальности. Соответственно, заявка на получение соответствующих патентов находилась только на стадии обсуждения и подготовки первичных документов. Бывшие сотрудники предприятия попытались сыграть на опережение по принципу «кто вперед – того черед». И попытались оформить на себя соответствующие результаты интеллектуальной деятельности, которые им не принадлежали.

Вся эта ситуация длилась достаточно долго. Была серия судебных процессов в Арбитражном суде Удмуртской республики, в Семнадцатом Апелляционном арбитражном суде г. Перми, в Суде по интеллектуальным правам. Финалом серии судебных разбирательств стало рассмотрение уголовного дела в отношении правонарушителей, которое завершилось вынесением обвинительного приговора. Судебный спор по незаконно выданным патентам был лишь частью многочисленных судебных разбирательств. Нам сегодня интересен любопытный процессуальный аспект, связанный с применением дистанционных технологий в работе арбитражных судов.

В ходе рассмотрения дела Суд по интеллектуальным правам заслушивал свидетеля, который не мог в силу возраста и связанных с пандемией административных ограничений прибыть в г. Москву для участия в рассмотрении дела. В связи с этим было подано ходатайство об участии свидетеля в судебном процессе по видеоконференц-связи (далее – ВКС). Принципиальное отличие этой формы виртуального участия в том, что технические возможности по взаимодействию суда, рассматривающего дело, и конкретного лица обеспечиваются иным судом на территории России, входящим в систему арбитражной юрисдикции. То есть технические сотрудники суда обеспечивают видеосвязь с иным арбитражным судом с использованием своей видеоаппаратуры.

Процессуально это оформляется судебным поручением со стороны суда, рассматривающего дело, которое направляют суду, где может присутствовать лицо, не имеющее возможности оказаться в суде другого региона, к примеру, свидетель. Судебное поручение представляет собой документ, который вправе издать суд при необходимости процессуальных действий за пределами подконтрольной территории. Судебное поручение передают в другой суд, который может совершить необходимые действия. Так, в соответствии со статьей 73 АПК РФ⁹² Арбитражный суд, рассматривающий дело, в случае невозможности получения доказательств, находящихся на территории другого субъекта Российской Федерации, в порядке, предусмотренном статьей 66 АПК РФ, вправе поручить соответствующему арбитражному суду произвести определенные процессуальные действия. О поручении произвести определенные процессуальные действия выносится определение. Арбитражный суд, получивший такое поручение, фактически проводит параллельное судебное заседание одновременно с тем судом, который рассматривает дело. В судебном заседании судья и секретарь устанавливают личность свидетеля и предоставляют ему возможность

⁹² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 10.01.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>

выступления перед тем судом, который выдал соответствующее поручение. Это судебное заседание протоколируется, и сам протокол в бумажном виде направляется в суд, который рассматривает дело.

В упомянутом нами деле, которое рассматривал Суд по интеллектуальным правам, ситуация была несколько сложнее. Поскольку свидетель находился в г. Ижевске, а представитель стороны ответчика находился в Пермском крае и, воспользовавшись своим правом, заявил ходатайство об участии в судебном заседании посредством ВКС. Суд по интеллектуальным правам выдал судебные поручения в Арбитражный суд Удмуртской Республики и в Арбитражный суд Пермского края. Соответственно, видео-конференц-связь «связала» три субъекта Федерации, которые расположены в трех часовых поясах: Москва, Ижевск (+1 час к московскому времени) и Пермь (+2 часа по московскому времени). Расписание Суда по интеллектуальным правам пришлось согласовывать с возможностями двух других арбитражных судов. Соответственно, в назначенное время фактически проводилось три судебных заседания тремя составами судов. Суд по интеллектуальным правам рассматривал дело, Арбитражный суд Удмуртской Республики и Арбитражный суд Пермского края обеспечивали участие лиц через ВКС. Правда, степень виртуализации судебного заседания была еще выше, поскольку некоторые участники дела участвовали в судебном заседании посредством онлайн-заседания через систему «Мой арбитр», а некоторые присутствовали непосредственно в зале судебного заседания в г. Москве.

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что ограничения передвижения людей во время пандемии COVID-19 способствовали реализации принципиально новых возможностей, которые оказались востребованы именно в силу этих обстоятельств. Современные видеотехнологии, основанные на сетевом взаимодействии компьютерных устройств, позволили наладить одновременно и очное, непосредственное присутствие в судебном заседании, и онлайн присутствие с личной идентификацией участника через личное подключение к системе «Мой арбитр», и проведение судебных

заседаний через ВКС в судах, находящихся за тысячи километров от суда, рассматривающего дело. Ключевыми проблемами в этом случае становятся вопросы синхронизации судебных заседаний в разных часовых поясах, преодоление технических сложностей компьютерной связи и организационное обеспечение самой ситуации так, чтобы вся работа не оказалась напрасной. Также полагаем, что в законе должно быть конкретизировано, в каких случаях проведение заседания путем использования ВКС должно быть обязанностью суда, а в каких случаях возможно сохранение диспозитивного решения данного вопроса.

Что же касается процессуальной стороны этих отношений, то она оказалась вполне под силу одному из достаточно традиционных институтов судебного поручения. В результате его применения документальные составляющие этого сложного взаимодействия, в том числе и протоколы судебных заседаний, оказались в материалах одного дела. Это говорит о гибкости и универсальности тех правовых институтов, которые существуют в процессуальной отрасли и возможности их приспособления к самым разнообразным техническим новинкам и всякого рода фактическим обстоятельствам, требующим принятия процессуальных мер для достижения целей правосудия. На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что развитие современных технологий способствует реализации процессуальных гарантий в арбитражном процессе.

С. В. Стародумов,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса

и правоохранительной деятельности ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОТЕРПЕВШЕГО

Преступления, повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью, обладают высокой степенью общественной опасности. Последствия, вызванные такими деяниями, катастрофичны для потерпевших и оказывают существенное негативное влияние на их жизнь. Восстановление социальной справедливости в случае причинения такого вреда здоровью носит межотраслевой характер. В таких случаях справедливость может быть достигнута и достигается совокупностью мер уголовной, гражданской и публично-правовой ответственности.

Строгость и размер допустимой ответственности в случае причинения тяжкого вреда здоровью человека обуславливает безусловное применение дифференциации уголовной ответственности к виновным лицам. Помимо различных составов преступлений, следствием совершения которых выступает тяжкий вред здоровью человека, формы вины виновных, необходимо учитывать и квалифицирующие признаки тяжести вреда, причиненного здоровью человека.

Достаточно давно среди ученых как в области юриспруденции, так и медицинских наук существует позиция, в соответствии с которой оспаривается самостоятельность такого признака тяжкого вреда здоровью человека, как психическое расстройство⁹³. Ключе-

⁹³ Клевно В. А., Ткаченко А. А., Чибисова И. А., Кононов Р. В. Теория и практика оценки степени тяжести вреда здоровью в виде психического расстройства // Судебная медицина. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 07.02.2023).

вым тезисом сторонников этого подхода выступает мнение, согласно которому «законодательные нормы допускают трактовку, в свете которой любые психические расстройства, возникшие в результате противоправных действий, рассматриваются как тяжкие»⁹⁴.

В частности, профессор В. А. Клевно отмечает, что современная психиатрия различает глубину и продолжительность поражения психики при разных психических расстройствах. Им отмечается, что согласно существующим научным представлениям психическое расстройство, находящееся в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью потерпевшему, может отвечать квалифицирующим признакам всех степеней тяжести вреда здоровью⁹⁵.

Как один из вариантов недостатка текущего правового регулирования им приводится в пример диагноз F43.0 «острая реакция на стресс»⁹⁶, симптомы которого могут исчезнуть в течение одной недели.

Данная позиция ученых, специалистов в области медицинских наук является научно обоснованной и подтверждающей нарушение таких уголовно-правовых принципов, как принцип вины и принцип справедливости.

В соответствии с принципом вины лицо должно подлежать ответственности только за те наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. В указанном примере с очевидностью продемонстрирована несоразмерность соответствующих критериев.

С другой стороны, указанный пример может создавать определенный дисбаланс с точки зрения уголовно-процессуального регулирования объема прав участников судопроизводства, а также процессуальных гарантий их соблюдения.

⁹⁴ Клевно В. А., Ткаченко А. А., Чибисова И. А., Кононов Р. В. Указ соч. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 07.02.2023).

⁹⁵ Клевно В.А., Ткаченко А.А., Яковлева Е.Ю. О необходимости разработки специального перечня медицинских критериев к квалифицирующему признаку «психическое расстройство» // Судебно-медицинская экспертиза. 2008. № 6. С. 3–7.

⁹⁶ URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4257> (дата обращения: 07.02.2023).

Так, в соответствии с ч. 4 ст. 195, ст. 196 УПК РФ, п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» недопустимо назначение и производство судебной экспертизы в отношении потерпевшего без его согласия либо согласия законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном виде.

Сами по себе позитивные уголовно-процессуальные нормы при этом на практике могут приобретать форму выражения, несущую существенный дисбаланс в права участников судопроизводства.

Уголовно-процессуальное законодательство, по общему правилу, позволяет провести судебную экспертизу в отношении потерпевшего либо при наличии его письменного согласия, либо по его обоснованному письменному ходатайству. Реализация корреспондирующих прав стороны защиты в данном случае осуществляется посредством ознакомления обвиняемого (подозреваемого) и его защитника с постановлением следователя (дознателя) о назначении судебной экспертизы.

Однако уже на этом этапе может возникнуть сразу несколько правовых коллизий. Уголовно-процессуальное законодательство не содержит критериев либо правил, которые допускали бы проведение повторных или дополнительных судебных экспертиз в отношении потерпевшего в случае отсутствия его согласия, выраженного в письменной форме. Таким образом, если по уголовному делу была проведена судебная экспертиза в отношении потерпевшего с его письменного согласия либо по его ходатайству, а подозреваемый по уголовному делу еще не был привлечен, то он будет ознакомлен с заключением судебной экспертизы в отношении потерпевшего только после приобретения соответствующего процессуального статуса. В другом случае, следователь (дознатель) может нарушить действующий уголовно-процессуальный порядок и ознакомить подозреваемого (обвиняемого) с постановлением о назначении судебной экспертизы в отношении потерпевшего уже после ее проведения. При прочих равных обстоятельствах сторона защиты вправе ходатайствовать о проведении повторной либо дополнительной судебной экспертизы.

Но в случае с производством судебной экспертизы в отношении потерпевшего может возникнуть ситуация, когда он отказывается от проведения повторной или дополнительной экспертизы со своим участием (в отношении себя).

В указанной ситуации на стадии предварительного расследования следователь, безусловно, откажет стороне защиты в назначении и проведении повторной либо дополнительной экспертизы в отношении потерпевшего.

С другой стороны, в соответствии с п. 15 Пленума ВС РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» суд также вправе назначить повторную экспертизу, если установит факты нарушения процессуальных прав участников судебного разбирательства при назначении и производстве судебной экспертизы, которые повлияли или могли повлиять на содержание выводов экспертов.

При отсутствии однозначной правовой нормы в уголовно-процессуальном законодательстве, корреспондирующей указанному разъяснению, можно неоднозначно толковать пределы его применения и распространения.

Не представляется однозначно ясной и понятной возможность по решению суда преодолеть фактическое вето потерпевшего на производство судебной экспертизы в его отношении, что допускает потенциальное ограничение прав одной из сторон уголовного судопроизводства. В таких условиях усматривается нарушение принципа правовой определенности.

Несмотря на наличие собственного процессуального интереса в результатах разрешения уголовного дела у стороны защиты, уточнение правил назначения и проведения повторной или дополнительной экспертизы в отношении потерпевшего будет способствовать достижению цели всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, повысит уровень равноправия сторон и общую справедливость уголовного судопроизводства.

Между тем согласно ст. 123 (ч. 3) Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равнопра-

вия сторон, что предполагает предоставление сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, необходимой гарантией судебной защиты и справедливого разбирательства дела является равно предоставляемая сторонам реальная возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда, поскольку только при этом условии в судебном заседании реализуется право на судебную защиту, которая должна быть справедливой, полной и эффективной⁹⁷.

Учитывая, что наступление психического расстройства может выступать единственным признаком, определяющим наступление тяжкого вреда здоровью, а согласие потерпевшего обуславливает его установление, является недопустимым процессуальное противодействие и уклонение потерпевшего от обоснованной проверки выводов судебно-психиатрической экспертизы, проведенной в отношении него.

Представляется, что в тождественных процессуальных ситуациях, учитывая разъяснения Пленума ВС РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам», в соответствии с которыми заключение эксперта не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами, необходимо предусмотреть возможность применения по аналогии положений ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, в соответствии с которыми суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 11.01.2023, № 610-ФЗ) // СЗ РФ. – 2001. – 52 (ч. I), ст. 4921; Российская газета. 25.04.2018.

⁹⁷ По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 № 430-О.

2. По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовнопроцессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О // СПС «КонсультантПлюс».

3. По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 № 430-О // СПС «КонсультантПлюс».

4. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Клевно В. А., Ткаченко А. А., Чибисова И. А., Кононов Р. В. Теория и практика оценки степени тяжести вреда здоровью в виде психического расстройства // Судебная медицина. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-otsenki-stepeni-tyazhesti-vreda-zdorovyu-v-vide-psihicheskogo-rasstroystva> (дата обращения: 07.02.2023).

6. Клевно В. А., Ткаченко А. А., Яковлева Е. Ю. О необходимости разработки специального перечня медицинских критериев к квалифицирующему признаку «психическое расстройство» // Судебно-медицинская экспертиза. 2008. № 6. С. 3–7.

7. URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4257> (дата обращения: 07.02.2023).

С. А. Стяжкина,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры

уголовного права и криминологии ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВОСУДИЕ

Безопасность лиц, осуществляющих правосудие, является одной из основных гарантий, обеспечивающих реализацию принципов осуществления правосудия в Российской Федерации. Независимость и самостоятельность судей как основополагающие принципы судебного производства предполагают наличие особой системы мер, которые бы обеспечивали и гарантировали безопасность лиц, наделенных функциями осуществления судебной власти. Правовая защищенность представителей судебной власти является неотъемлемой частью всей системы правосудия. Для эффективной работы судов необходимо обеспечить безопасность судей и иных лиц, участвующих в отправлении правосудия. Одним из действенных механизмов обеспечения безопасности лиц, осуществляющих правосудие, является установление уголовной ответственности за действия, посягающие на безопасность указанных лиц. Как пишет Д. Ю. Левков: «Современный законодатель предусмотрел довольно внушительный арсенал средств уголовно-правовой охраны лиц, осуществляющих правосудие» [1]. Действующий Уголовный кодекс РФ содержит отдельную главу 31 «Преступления против правосудия», которая ориентирована на обеспечение интересов правосудия и предварительного расследования. Видовым объектом преступлений, входящих в данную главу, выступают общественные отношения, «обеспечивающие правильное функционирование специфического вида государственной деятельности органов следствия, дознания, прокуратуры, суда и органов, исполняющих судебные акты,

по реализации целей и задач правосудия» [3]. Представляется, что безопасность лиц, осуществляющих правосудие, выступает составляющей частью видового объекта данной группы преступлений. Условно можно выделить «групповой объект» ряда преступлений, входящих в гл. 31 УК РФ, в качестве которого будут выступать общественные отношения, обеспечивающие безопасность лиц, осуществляющих правосудие. К этой группе преступлений следует относить ст. 295 УК РФ, предусматривающую ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование; ст. 296 УК РФ «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования»; ст. 297 УК РФ, где речь идет о неуважении к суду; ст. 311 УК РФ, предусматривающую ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса. На наш взгляд, вышеперечисленные преступления имеют общий групповой дополнительный объект посягательства – безопасность лиц, осуществляющих правосудие. Большинство этих норм являются специальными по отношению к нормам, расположенным в других главах Уголовного кодекса РФ.

Обращаясь к проблеме безопасности личности как объекта преступлений, следует отметить, что понятие безопасности связывается с состоянием защищенности личности, ее жизни и здоровья от внутренних и внешних угроз. По мнению И. Н. Крапчатовой, безопасность лиц, осуществляющих правосудие, следует рассматривать как «состояние защищенности трех групп объектов: жизни, здоровья, достоинства и имущественных прав указанных лиц; информационной среды в уголовном судопроизводстве; задач данных лиц по осуществлению правосудия» [3]. Не соглашаясь с представленной концепцией безопасности лиц, осуществляющих правосудие, следует отметить, что задачи по осуществлению правосудия не должны входить в понятие безопасности личности лица. Это другой объект посягательства, определяющий специфику рассматриваемых преступлений и являющийся определяющим в криминализации

данных деяний. Безопасность личности выступает лишь дополнительным объектом этих преступлений.

Также одним из актуальных вопросов является отнесение имущественных прав в сферу безопасности личности. В диспозиции ч. 1 ст. 296 УК РФ предусмотрена ответственность за угрозу убийством, причинением вреда здоровью, а также уничтожением и повреждением имущества лиц, осуществляющих правосудие. То есть в один ряд ставятся такие объекты, как безопасность жизни и здоровья личности, угроза которым предусмотрена в статье, так и отношения собственности. Представляется, что отношения собственности не могут входить в понятие безопасности личности и являться ее структурным элементом. Кроме того, следует согласиться с мнением Д. Ю. Левкова, что «выглядит не совсем справедливым то, что угроза убийством и причинением вреда здоровью ставится в один ряд с угрозой уничтожения или повреждения имущества» [1]. Решением вопроса видится исключение из числа признаков объективной стороны ст. 296 УК РФ такого деяния, как «угроза уничтожением или повреждением имущества лица, осуществляющего правосудие».

Еще одним аспектом проблемы уголовно-правовой защиты лиц, осуществляющих правосудие, выступает вопрос целесообразности выделения специальных норм, ориентированных исключительно на защиту отдельных категорий лиц. Составы, предусматривающие ответственность за посягательство на жизнь и здоровье лиц, осуществляющих правосудие (ст. 295, 296 УК РФ), являются специальными по отношению к общим нормам, содержащимся в гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья». В частности, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. Тот же самый квалифицирующий признак предусмотрен в п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ, где речь идет о причинении тяжкого вреда здоровью человека. Аналогичные отягчающие обстоятельства имеются и в составах, предусматривающих

ответственность за умышленное причинение средней тяжести и легкого вреда здоровью.

Следуя позиции законодателя, дифференциация ответственности в части выделения специальных составов, в частности, ст. 295, 296 УК РФ связана с наличием еще одного объекта посягательства помимо безопасности жизни и здоровья – интересы правосудия. Причем общественные отношения, обеспечивающие интересы правосудия, являются основным объектом посягательства, а отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья лиц, осуществляющих правосудие – дополнительным. В данном случае возникает вопрос о иерархии ценностей в сфере уголовно-правовой защиты. Как пишет Ю. А. Кондратьев: «Такая структура объекта преступлений со специальным составом противоречит задачам современного российского законодательства, среди которых приоритетной является охрана прав и свобод человека» [2]. Основываясь на положениях Конституции РФ и международных норм, он делает вывод о том, что «жизнь человека в генезисе объекта преступления, непосредственно направленного на причинение смерти другому лицу, по общему правилу, не может быть дополнением к какому-либо иному правоохраняемому благу. В таких преступлениях она всегда должна признаваться основным благом» [2]. Соглашаясь с мнением Ю. А. Кондратьева, следует отметить, что специализация норм, предусматривающих ответственность за посягательство на жизнь и здоровье личности, должна основываться на принципах приоритетности интересов личности, ее безопасности. Интересы правосудия как объект уголовно-правовой защиты вполне может выступать в качестве дополнительного по преступлениям против личности. Таким образом, в качестве одного из вариантов решения возникающих коллизий можно предложить квалифицировать посягательства на жизнь и здоровье лиц, осуществляющих правосудие по преступлениям против жизни и здоровья в рамках квалифицированных составов, предусматривающих повышенную ответственность за преступные действия в отношении лиц, осуществляющих служебную деятельность, к которой следует относить и деятель-

ность судей. Такой подход разрешит и проблему дифференцированного подхода к обеспечению уголовно-правовой охраны представителей разных профессий и сфер деятельности. Так как зачастую сложности возникают при отграничении преступлений, предусмотренных ст. 295 и 317 УК РФ, где речь идет о посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа, который, в частности, наделен функциями предварительного расследования. Правоприменитель сталкивается с проблемой определения основного объекта посягательства и стоит перед выбором между составами преступлений против правосудия либо преступлений против порядка управления. А в случаях признания основным объектом отношения, обеспечивающие безопасность жизни, такой проблемы не возникает, и квалификация будет осуществляться по преступлениям против жизни и здоровья с учетомотягчающего признака, связанного с осуществлением лицом своих служебных функций.

Безусловно, правосудие как одна из ветвей власти требует особого уголовно-правового регулирования вопросов безопасности ее участников и субъектов. И интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны включает в себя и безопасность лиц, участвующих в отправлении правосудия. Но безопасность личности лица, осуществляющего правосудие, не может выступать критерием дифференциации ответственности и специализации норм. Излишняя казуистичность норм приводит к проблемам квалификации и отграничения смежных составов преступлений.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что основной уголовно-правовой гарантией обеспечения безопасности лиц, осуществляющих правосудие, является эффективность норм применения действующего уголовного законодательства, которое невозможно без дифференциации уголовной ответственности в зависимости от объекта посягательства и специфики потерпевших. Безопасность лиц, осуществляющих правосудие или иные функции государственной власти, либо свои служебные обязанности, должна подлежать особой уголовно-правовой защите в рамках квалифицированных составов по преступлениям против жизни и здоровья.

Список литературы

1. Левков Д. Ю. Проблемы уголовно-правового обеспечения нормальной деятельности субъектов осуществления правосудия // Проблемы в российском законодательстве. – 2015. – № 3.

2. Кондратьев Ю. А., Маркова Т. Ю. Проблема совершенствования норм об ответственности за убийство в связи с осуществлением лицом специальных функций. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sovershenstvovaniya-norm-ob-otvetstvennosti-za-ubiystvo-v-svyazi-s-osuschestvleniem-litsom-spetsialnyh-funktsiy>

3. Крапчатова И. Н. Безопасность лиц, осуществляющих правосудие, как уголовно-правовая категория // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2013.

Д. В. Татьяна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного
процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Современный Российский уголовный процесс утратил свою карательную функцию, его назначением является защита прав участников процесса как стороны защиты, так и стороны обвинения, что предполагает усиление процессуальных гарантий защиты прав его участников.

Особое значение приобретают процессуальные гарантии, которые реализуются в судебных стадиях уголовного судопроизводства, поскольку именно в ходе судебного производства принимается окончательное решение по уголовному делу, что повышает требование к соблюдению процессуальных гарантий. Следует обратить внимание на то, что процессуальными гарантиями обладают все участники судебного производства.

Процессуальной гарантией судьи выступает наличие принципа независимости судей, которая предполагает, что судья не связан мнением государственного или частного обвинителя и иных представителей стороны обвинения и стороны защиты. Судья принимает решение по внутреннему убеждению, основанному на совокупности исследованных в судебном заседании доказательств, руководствуясь законом и совестью. Следующим компонентом независимости следует рассматривать непосредственность судебного разбирательства, которая предполагает непосредственное исследование представленных сторонами доказательств, материалов уголовного дела, а также возможность по собственной инициативе провести ряд судебных действий следственного характера [3, с. 123–127]. При этом полагают, что суд не вправе вместо непосредственного восприятия

доказательств ограничиться изучением и оглашением письменных материалов дела, в которых подлежащие исследованию доказательства были зафиксированы при проведении расследования [2, с. 32]. Данная позиция, безусловно, справедлива, но при рассмотрении уголовных дел в особом порядке суд не вправе непосредственно в судебном заседании исследовать доказательства, что ограничивает в указанной ситуации его независимость.

Следующим компонентом независимости судей следует считать свободу оценки доказательств судьёй именно по внутреннему убеждению, поскольку ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы. Судья не связан оценкой, которую дали доказательствам стороны.

Следует отметить, что независимость судьи – юридически сложное явление, в современном уголовном процессе она имеет ограничение в случаях, когда судья рассматривает уголовное дело в порядке главы 40 УПК РФ при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, поскольку он не исследует непосредственно в судебном заседании доказательства; при рассмотрении уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей, в котором он связан вынесением оправдательного вердикта, при наличии которого, не соглашаясь с ним, вынужден постановлять оправдательный приговор; при отказе государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения, когда обязан прекратить производство по уголовному делу, независимо от мотивации государственным обвинителем заявленного отказа.

Рассматриваемая процессуальная гарантия состоит из вышеуказанных компонентов и характеризуется определенным балансом между наличием субъективного взгляда и дискреционных полномочий. Постановляя приговор, судья опирается на свои нравственные ценности, образование, интеллект, опыт и совесть. Следует отметить, что судья, находясь в зависимости от квалификации деяния, данного государственным обвинителем, не зависит от предлагаемой им меры наказания и может назначить наказание более строгое, чем запросил государственный обвинитель, если позволяет санкция ста-

ты, что представляется абсолютно правильным, позволяя объективно оценивать действия подсудимого.

Следующим участником процесса, который не просто имеет, но нуждается в процессуальных гарантиях, является подсудимый. Уголовно-процессуальным законодательством подсудимому предоставлены следующие процессуальные гарантии:

1) обязанность суда разъяснить подсудимому его права и обязанности; каким образом он может реализовать предоставленные ему права;

2) право в начале судебного следствия давать показания по вопросам: понято ли обвинение, признает ли он свою вину, его отношение к предъявленному обвинению;

3) давать показания с разрешения представительствующего в любой момент ведения судебного следствия;

4) право использовать письменные заметки;

5) право задавать вопросы другим подсудимым, допрошенным в его отсутствие;

6) представлять в письменном виде вопросы эксперту;

7) принимать участие в прениях сторон;

8) произносить последнее слово.

Особой гарантией является право на отказ от показаний, данных на стадии предварительного расследования без защитника, что приводит к автоматическому признанию данных доказательств недопустимыми.

К гарантиям подсудимого можно отнести право на отвод судьи, секретаря судебного заседания и государственного обвинителя, а также эксперта, специалиста и переводчика, но при реализации указанного права подсудимый должен обосновать свое ходатайство, объяснив основания для отвода.

М. А. Гарнина считает гарантиями прав подсудимого запрет на переход в судебном процессе к основаниям, ухудшающим положение осужденного либо оправданного; возможность усложнения или упрощения форм производства, то есть привлечь к участию в заседании присяжных заседателей; применение принудительных медицинских мер и так далее [1, с. 117–119].

Следует отметить, что суд обязан обеспечить соблюдение прав подсудимого, нарушение гарантий последнего является основанием для отмены постановленного судебного решения.

Процессуальные гарантии указанных участников процесса состоят из различных элементов, что вполне логично, так как они должны быть всеохватывающими. Целесообразно говорить об уголовно-процессуальных гарантиях как о множестве законных средств, что представляют единую систему защиты прав и законных интересов лиц [4, с. 166].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что участники уголовного процесса на судебной стадии защищены достаточно широким набором процессуальных гарантий, которые позволяют им реализовывать свои права и полномочия.

Список литературы

1. Гаранина М. А. Уголовно-процессуальные гарантии защиты прав подсудимого // Научный журнал. – 2020. – № 28.
2. Медведева С. В., Кочеткова Н. М. Уголовно-процессуальные гарантии независимости судей при отправлении правосудия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 7–2.
3. Стародумов С. В. Судебные действия как самостоятельный вид процессуальных действий // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2017. – Т. 27 – № 6.
4. Тангиров И. Э. Анализ системы уголовно-процессуальных гарантий // Вестник магистратуры. – 2017. – №12-3 (73).

Л. Г. Татьяна,

д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой

уголовного процесса и правоохранительной деятельности

ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ПРОВЕДЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ЕМУ ОВИНЕНИЕМ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Введение особого порядка рассмотрения уголовного дела при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением направлено на обеспечение эффективности производства по уголовному делу, сокращение рассмотрения уголовных дел в суде. Безусловно, что одной из актуальных проблем уголовного судопроизводства является необоснованно длительный срок как досудебного, так и судебного производства по уголовному делу. Учитывая современное развитие науки и техники, было бы логично сокращение процессуальных сроков расследования и судебного разбирательства, но постоянно усложняющаяся процессуальная форма приводит к затягиванию производства по уголовным делам. Введение сокращенной формы судебного разбирательства изначально вызывало вопросы о наличии процессуальных гарантий обеспечения принятия справедливого приговора [6, с. 20–23; 7, с. 30–33], несмотря на неоднократное изменение законодательства, регламентирующего особый порядок производства, до сих пор он вызывает ряд вопросов [9, с. 541–545].

Основанием для рассмотрения уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ являлось ходатайство обвиняемого при его согласии с предъявленным ему обвинением, но оно не рассматривалось однозначно как гарантия постановления справедливого приговора [1], поскольку подсудимый при применении указанного порядка изначально не мог получить наказание свыше 2/3 от верхней

санкции статьи. Неприятие предложенного порядка было обусловлено, с одной стороны, тем, что подсудимые могли использовать возможность осуждения в порядке гл. 40 УПК РФ за преступление небольшой и средней тяжести в целях ухода от уголовной ответственности за совершение более тяжкого преступления, а с другой – указанный порядок мог быть использован для того, чтобы убедить лицо признать себя виновным в совершении преступлений, которых подсудимый не совершал, вводя его в заблуждение тем, что наказание он получит только за одно совершенное преступление в сокращенном порядке.

В процессуальной гарантии обеспечения защиты прав подсудимого от постановления несправедливого приговора в особом порядке судебного разбирательства изначально выступали: согласно п. 2 ч. 2 ст. 314 УПК РФ заявление ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке после проведения консультации с защитником; согласно п. 4 ч. 2 ст. 229 УПК РФ проведение предварительного слушания для решения вопроса об особом порядке судебного разбирательства; согласно ч. 1 ст. 314 УПК РФ применение особого порядка по уголовным делам о преступлениях, за которые была предусмотрена максимальная мера наказания в виде лишения свободы сроком на 5 лет [1].

Рассматривая консультацию с защитником как процессуальную гарантию постановления справедливого приговора в особом порядке, следует отметить, что в подавляющем большинстве по уголовным делам принимали участие адвокаты-защитники по назначению, к сожалению, они были заинтересованы в быстрейшем рассмотрении уголовного дела при минимальных интеллектуальных затратах, в связи с чем они убеждали обвиняемых согласиться на применение особого порядка, поясняя, что в указанном случае наказание будет более мягким, чем при рассмотрении уголовного дела по существу; кроме того, сама процедура судебного разбирательства будет исключать получение судом негативной информации о личности подсудимого. Обвиняемый чаще всего соглашался с предложением и заявлял ходатайства, при этом защитник не разъ-

яснял обвиняемому, что наказание будет назначаться за каждое преступление, в котором лицо признало свою вину; после оглашения приговора у обвиняемого не было возможности его обжаловать, поскольку было его ходатайство о применении особого порядка, согласие с предъявленным обвинением и консультация и участие защитника. Фактически участие защитника было формальной процессуальной гарантией, поскольку не обеспечивало защиту прав обвиняемых.

Проведение предварительного слушания для решения вопроса о применении особого порядка было реальной гарантией защиты прав обвиняемых, поскольку в процессе проведения предварительного слушания суд должен был решить вопрос о возможности проведения предварительного слушания, выяснить соблюдение всех условий для его применения, если суд приходил к выводу, что не были соблюдены все условия, либо обвиняемый был введен в заблуждение, то назначал судебное заседание в общем порядке.

Своеобразной гарантией защиты прав обвиняемых была возможность применения особого порядка за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, поскольку за указанные преступления мера наказания в виде максимального срока лишения свободы практически не назначалась, то применение особого порядка обещало изначально более мягкий приговор, возможно не связанный с лишением свободы.

Применение особого порядка после начала его применения стало объектом критики, с одной стороны, многие авторы полагали, что предварительное слушание не упрощает, а усложняет процедуру судебного разбирательства и не обеспечивает сокращение сроков судебного производства, с другой стороны, стали высказываться о необходимости распространения особого порядка на дела о тяжких преступлениях, поскольку это обеспечит сокращение сроков и упрощение производства по указанной категории уголовных дел.

Законодатель учел мнения ряда ученых и практиков. Федеральным законом № 92-ФЗ от 4 июля 2003 года порядок проведения судебного заседания и постановления приговора в особом порядке

были качественно изменены. Во-первых, законодатель исключил обязательное проведение предварительного слушания по уголовному делу при наличии ходатайства о рассмотрении уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ, в ч. 6 ст. 316 было установлено право судьи по собственной инициативе вынести постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке. Во-вторых, он включил дела о тяжких преступлениях в категорию уголовных дел, которые можно рассматривать в особом порядке [2].

Почти семнадцать лет понадобилось для того, чтобы понять о нецелесообразности применения особого порядка по уголовным делам о тяжких преступлениях. Несмотря на то, что высказывалось мнение о нецелесообразности отказа от применения особого порядка по уголовным делам о тяжких преступлениях [5, с. 60–64], Федеральным законом № 224-ФЗ от 20 июля 2020 года в ч. 1 ст. 314 УПК РФ было внесено изменение, согласно которого особый порядок применялся только в отношении подсудимых, которые привлекаются за совершение преступлений небольшой и средней тяжести [3]. Данное положение обеспечило защищенность подсудимых, поскольку для признания виновным в совершении тяжкого преступления необходимо было в судебном заседании установить наличие доказательств, подтверждающих его виновность [4, с. 160–163].

Предварительное слушание осталось вне внимания законодателя, полагающего, что наличие условий и оснований, установленных ст. 314 УПК РФ, являются достаточной гарантией обеспечения права подсудимого для постановления справедливого приговора. Полагаю, что предварительное слушание при наличии ходатайства о применении особого порядка является той процессуальной гарантией, которая обязывает судью принять справедливое решение по уголовному делу, независимо от того, соблюдены ли все условия для его применения. В стадии подготовки дела к судебному заседанию судья обязан изучить материалы уголовного дела, что позволит ему понять наличие доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого, либо у него возникнут сомнения в качестве предвари-

тельного расследования, соответственно, наличия доказательств [8, с. 177–193]. В данном случае на предварительном слушании судья либо устранит свои сомнения и назначит рассмотрение уголовного дела в особом порядке, при наличии сомнений он откажет в удовлетворении ходатайства и назначит судебное разбирательство в общем порядке. Проведение предварительного слушания обязывает судью изучить материалы уголовного дела, что обеспечивает принятие судом справедливого решения. При непосредственном назначении судебного заседания в особом порядке судья фактически полагается на согласие обвиняемого в предъявленном обвинении, не вдаваясь в детали уголовного дела, не учитывая, что по уголовным делам, по которым производство проводилось в форме дознания и дознания в сокращенной форме, обвиняемые в ходе предварительного расследования не допрашивались, заявляя ходатайство о применении особого порядка при окончании производства дознания. Вряд ли можно говорить о том, что их права на справедливое судебное разбирательство обеспечены судом. Полагаю, что процессуальной гарантией на справедливый приговор при рассмотрении уголовного дела в особом порядке должно выступать производство предварительного слушания, в процессе которого судья должен исключить все сомнения в самостоятельности заявленного ходатайства при реальном обеспечении права на защиту и доказательств, исключающих возможность осуждения невиновного лица.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.
2. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 92-ФЗ от 4 июля 2003 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc
3. О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральным законом № 224-ФЗ от 20 июля 2020 года: Федеральный закон № 224-ФЗ от 20 июля 2020 года. – URL: <https://www.consultant.ru/>

4. Мамедов Р. Я. Особый порядок судебного разбирательства в новом формате // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13. – № 6.
5. Прусс А. Р. Об эффективности рассмотрения в особом порядке судебного разбирательства уголовных дел по тяжким преступлениям // Российский судья. – 2019. – № 7.
6. Рябинина Т. К. Особый порядок судебного разбирательства как одна из сокращенных форм уголовного судопроизводства // Российский судья. – 2004. – № 9.
7. Татьяна Л. Г. Особый порядок принятия судебного решения // Законность. – 2003. – № 12.
8. Юнусов А. А. О праве судьи устанавливать виновность обвиняемого при подготовке уголовного дела к судебному разбирательству // Актуальные вопросы права и правоприменительной практики : материалы «Круглого стола», проведенного в Нижнекамском филиале Московского гуманитарно-экономического института, 11 сентября 2008 года; Моск. гуманитар.-экон. ин-т, Нижнекам. фил. – Казань, 2011.
9. Халитова В. З. Актуальные проблемы применения особого порядка судебного разбирательства уголовных дел // Аллея науки. – 2021. – Т. 1. – № 6 (57).

Е. Ф. Тензина,

*доцент, к.ю.н., доцент кафедры уголовного
процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ НЕКОТОРЫХ УСКОРЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Конституция РФ, закрепляя приоритет прав личности, состоятельность и равноправие сторон, в свое время определила основные направления построения концепции уголовного судопроизводства. Один из векторов предусматривал комплекс мер по расширению и совершенствованию частного начала в уголовном процессе как одной из существенных гарантий обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина.

Природа частного начала в уголовном судопроизводстве определяется свободой заявления/не заявления требования лица о защите к суду. Частное начало предполагает свободу (право) распоряжения как материальными, так и процессуальными правами, что позволяет не только оказывать влияние на возникновение и дальнейшее движение процесса, но и использовать процессуальные права в целях наиболее полной защиты своих личных интересов.

Устоявшимися формами диспозитивности в уголовном судопроизводстве выступают такие институты, как: частное обвинение, гражданский иск и введенный УПК РФ с 01 июля 2002 года особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ).

Производство по делам частного обвинения и особый порядок судебного разбирательства, регламентированный гл. 40 УПК РФ, законодателем отнесены к упрощенной, ускоренной форме, поскольку уголовное дело не представляет фактической и правовой сложности (небольшая тяжесть преступления, как правило, очевидность преступления и др.). Возникает вопрос о допустимости

объединения этих сокращенных форм в одном производстве с позиции защиты прав участников уголовного дела.

Анализ положений УПК РФ не содержит запретов на объединение рассматриваемых упрощенных производств. Четкости разъяснений нет и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 60 от 5 декабря 2006 г. «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»⁹⁸. Так, согласно п. 8 Постановления «в особом порядке могут рассматриваться уголовные дела как публичного и частно-публичного, так и частного обвинения... При этом мировой судья в соответствии с требованиями ст. 11 УПК РФ при вручении заявления обязан в присутствии защитника разъяснить лицу, в отношении которого оно подано, право ходатайствовать о применении особого порядка судебного разбирательства, выяснить у него, желает ли он воспользоваться этим правом, а при проведении примирительной процедуры – выяснить у потерпевшего, не возражает ли он против удовлетворения ходатайства лица, привлекаемого к ответственности».

Однако вряд ли возможен однозначный подход в разрешении ходатайства о применении гл. 40 УПК РФ по делам частного обвинения. Так, в случае возбуждения дела частного обвинения путем подачи заявления мировому судье применение особого порядка производства считаем недопустимым по двум причинам:

1) в силу особенностей доказательственной деятельности при рассмотрении указанной категории дел. Согласно ч. 7 ст. 316 УПК РФ мировой судья вправе постановить приговор и назначить подсудимому наказание, если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. Но предварительное расследование по делам частного обвинения чаще всего не проводится; обвинение формулируется частным обвинителем внепроцессуальным путем, подтверждается сведениями, которые приобретают форму доказательств лишь в судебном следствии после их оценки мировым судьей с участием сторон. Только в судебном следствии в условиях состязательности

⁹⁸ О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 29.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

проверяется и оценивается относимость, допустимость, достоверность собранных участниками сведений, устанавливается их достаточность для вынесения решения. На момент разъяснения мировым судьей прав сторонам (в стадии подготовки к судебному заседанию) отсутствует правовое основание для применения особого порядка принятия судебного решения, установленного в гл. 40 УПК РФ;

2) в связи с отсутствием правовой регламентации порядка заявления ходатайства. Так, согласно ч. 2 ст. 315 УПК РФ обвиняемый вправе заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением лишь в двух случаях:

– в момент ознакомления с материалами уголовного дела в порядке, установленном ст. 217–218 УПК РФ;

– на предварительном слушании, когда оно является обязательным в соответствии со ст. 229 УПК РФ.

Приведенные законодателем случаи не имеют место при производстве по уголовным делам частного обвинения, возбуждаемым путем подачи заявления в суд.

Иначе следует решать поставленный вопрос, если по делу частного обвинения проводилось предварительное расследование (ч. 4 ст. 20 и ч. 3 ст. 318 УПК РФ). В этом случае полноценная доказательственная деятельность осуществляется компетентными должностными лицами (ч. 1 ст. 86–88 УПК РФ). При ознакомлении обвиняемого с материалами окончательного предварительного расследования должностное лицо разъясняет право ходатайствовать о применении особого порядка судебного разбирательства (п. 2 ч. 5 ст. 217 УПК РФ). Мировой судья, назначая судебное заседание, при соблюдении условий, предусмотренных в ст. 314 УПК РФ, выносит решение об особом порядке рассмотрения дела.

Таким образом, учитывая особенности доказательственной деятельности при рассмотрении уголовных дел частного обвинения, применение особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного в гл. 40 УПК РФ, считаем возможным лишь при условии производства предварительного расследования по данной категории дел.

Именно судья в приведенных случаях должен выступать гарантом обеспечения прав участников процесса.

А. В. Тецин,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО
«Ульяновский государственный университет»,
мировой судья в отставке, подполковник юстиции,
г. Ульяновск

О ДОПУСТИМОСТИ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ И ПОТЕРПЕВШЕГО В СЛУЧАЕ НЕОДНОКРАТНОГО ИХ ИЗМЕНЕНИЯ

Сложно представить себе уголовное дело, не содержащее показаний. При расследовании и рассмотрении уголовных дел в качестве доказательств используются сведения, сообщаемые подозреваемыми, обвиняемыми, экспертами, специалистами, и, конечно же, потерпевшими и свидетелями. Являясь наиболее распространенными видами доказательств, показания не свободны от недостатков, в том числе объективно существующих и связанных с личностью лица, их дающего. Так, в период своей практической деятельности, в том числе в качестве руководителя следственных подразделений МВД, органов по контролю за оборотом наркотиков и Следственного комитета РФ, и затем мирового судьи, приходилось достаточно часто сталкиваться с изменениями потерпевшими и свидетелями ранее данных показаний.

Так, в ходе рассмотрения уголовного дела № 1-2/2021 года по обвинению гр. Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, потерпевший гр. В. в судебном заседании изменил свои показания и пояснил, что подсудимый ему не причинял телесные повреждения. Он ранее в ходе допроса в отделе дознания просто назвал фамилию подсудимого из-за того, что оперуполномоченный сотрудник пояснил ему, что им установлено, кто совершил преступление, и назвал ему фамилию, которую он впоследствии и повторял. На самом деле он в первый раз увидел подсудимого за день до судебного заседания. При этом очная ставка в ходе

дознания не проводилась, а потерпевший являлся человеком ранее неоднократно судимым, с определенными сформировавшимися стереотипами, в частности, о том, что обращение в полицию за помощью не соответствует его жизненным ценностям и приоритетам. В итоге государственным обвинителем были заявлены многочисленные ходатайства о вызове дополнительных свидетелей, оглашении показаний и так далее, по результатам которых был вынесен обвинительный приговор. Судебное следствие при этом растянулось на несколько судебных заседаний. Многие, если не все вопросы, могли бы быть сняты при проведении в ходе дознания очной ставки между потерпевшим и подозреваемым [1].

Как на практике зачастую развивается ситуация по делу? В соответствии с нормами ч. 1 ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в случае наличия существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц следователь вправе провести очную ставку. Допрошенный в качестве свидетеля гражданин бодро и уверенно изобличает преступника в совершении преступления, с мельчайшими подробностями описывая все детали совершенного преступления. Так происходит до момента проведения очной ставки с изобличаемым им лицом. На очной ставке наш свидетель внезапно начинает забывать значимые подробности, и это в лучшем случае. Иногда свидетель соглашается с тем, что говорит лицо, с которым проводится очная ставка. Казалось бы, цель очной ставки достигнута, и противоречия устранены, если бы не одно «но». Результат очной ставки совсем не устраивает следователя, который уже определил для себя, что первичные показания потерпевшего – это и есть истина по делу. Поэтому следующим логичным, с точки зрения следователя, шагом является приглашение «провалившегося» на очной ставке свидетеля на дополнительный допрос. Свидетель при дополнительном допросе вновь внезапно все в подробностях вспоминает, а факт своей забывчивости на очной ставке объясняет тем, что растерялся, побоялся так называемого оппонента, но именно сейчас он дает правдивые показания, и именно эти показания являются правдивыми и достоверными.

Что получается в сухом остатке? Довольный следователь, свидетель, который то помнит, то не помнит обстоятельств совершенного преступления. Лицо, которое привлекается к уголовной ответственности, только удивленно, а порою и обреченно, что называется «махнет рукой», заявит «дежурное» ходатайство о признании недопустимым доказательством показаний, данных свидетелем при дополнительном допросе, проведенном после очной ставки. Ответом будет постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства, и все останется на том же месте с имеющимися неустранимыми противоречиями. Казалось бы, раз они неустранимые, то должны трактоваться в пользу подсудимого. Но в реальной жизни так не происходит. Более того, следователь, несколько не озадачившись результатами очной ставки, вполне себе уверенный в своей правоте и непогрешимости собранных им доказательств даже не стесняется указать в обвинительном заключении, перечисляя доказательства обвинения, в том числе и протокол очной ставки.

Так что делать с таким избирательным подходом к оценке доказательств? Нормы УПК РФ напрямую не требуют от органов предварительного расследования предоставлять стороне защиты возможность задавать вопросы лицу, свидетельствующему против них, если сторона защиты не ходатайствует об этом. Помимо этого, УПК РФ указывает, что проведение очной ставки – это право следователя, а не его обязанность.

В определении от 27 октября 2000 г. № 233-О по жалобе гражданина В. В. Щенникова Конституционный Суд РФ указал, что «в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах (подпункт «е» пункта 3 статьи 14) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (подпункт «d» пункта 3 статьи 6) одним из обязательных условий справедливого судебного разбирательства является право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или требовать, чтобы эти свидетели были допрошены» [2]. Верховный Суд РФ в своем постановлении от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» указал,

ссылаясь на вышеуказанную Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, что «с учетом положений ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ суд не вправе оглашать без согласия сторон показания не явившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения)».

Таким образом, российским уголовным процессом полноценно восприняты положения п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которыми предусматривается право обвиняемого допрашивать граждан, свидетельствующих против него (право на очную ставку), и право вызова и допроса его свидетелей на аналогичных условиях, существующих для свидетелей, дающих показания против него. Такой подход нашел реализацию в конкретных решениях. Так, например, в Постановлении Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) от 05 февраля 2009 г. по делу «Макеев (Makeyev) против России» (жалоба № 13769/04) было установлено нарушение права заявителя на справедливое судебное разбирательство в связи с тем, что сотрудники милиции не обеспечили явку показывающих против него свидетелей, чьи показания имели решающее значение для уголовного дела [3].

Анализ судебной практики свидетельствует об имеющихся нарушениях вышеуказанных прав при вынесении решений российскими судами, что приводит к их отмене вышестоящими судами по причине установления факта нарушения права подсудимого на защиту. Так, апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 16 октября 2020 года по делу № 22-2104/2020 был отменен приговор и

удовлетворена апелляция жалоба. Как указано в определении, в ходе предварительного расследования очные ставки между обвиняемым Т. и свидетелем Ю., в ходе которых Т. имел бы возможность оспорить эти доказательства предусмотренным законом способом, в предыдущих стадиях производства по делу не проводились, что свидетельствует о нарушении его процессуальных прав, в том числе предусмотренных статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод права допрашивать показывающих против него свидетеля или иметь право на то, чтобы это лицо было допрошено. Аналогичные нарушения допущены и в отношении других обвиняемых по данному делу, против кого свидетельствовал Ю., и с кем у него не проводилось очных ставок.

Кроме того, материалы дела, по мнению судебной коллегии, не содержат данных, свидетельствующих о том, что суд первой инстанции предпринял исчерпывающие меры к вызову свидетеля Ю. или принял меры к его допросу иным путем, в том числе по видеоконференц-связи. Каких-либо уважительных причин неявки свидетеля в суд, по мнению судебной коллегии, не имелось, а представленные его адвокатом сведения о наличии чрезвычайных причин неявки Ю., в том числе и в связи с болезнью, судом надлежащим образом не проверены [4].

В статье 75 УПК РФ указаны конкретные случаи, когда показания потерпевшего и свидетеля отнесены к недопустимым доказательствам: когда показания потерпевшего, свидетеля основаны на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности. Таким образом, УПК РФ нечетко регулирует ситуацию, несущую потенциальную опасность для правосудия, и позволяет вопреки сложившимся требованиям к показаниям использовать их при недостаточно обеспеченной достоверности.

В связи с изложенным предлагается дополнить часть вторую указанной статьи «К недопустимым доказательствам относятся...» еще одним пунктом следующего содержания: «ранее данные показания потерпевшего, свидетеля в той части, в которой они не под-

тверждены в ходе проведения очной ставки с лицом, с показаниями которого у потерпевшего или свидетеля имеются противоречия».

Нельзя не обратить внимание и на вопрос желания либо нежелания следователя проводить очную ставку, в том числе и в случае опасения за ее результат. Противники идеи обязательного проведения очной ставки обращают внимание на возможность изменения потерпевшим своих показаний в результате оказания на него, к примеру, психологического давления. Например, С. А. Калугина указывает, что для того, чтобы повысить процессуальную самостоятельность следователя, необходимо дополнить ч. 1 ст. 192 УПК РФ словами: «Если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, и имеется такая необходимость в рамках расследуемого уголовного дела, по усмотрению следователя может проводиться очная ставка» [5, с. 339]. Но если лицом, производящим расследование, будет двигать опасение подобного рода, тогда с таким же успехом можно прийти к тому, чтобы и в суде потерпевшего не допрашивать. Вдруг он изменит показания? Но ведь необходимость непосредственной оценки судом доказательств на предмет достоверности, относимости и допустимости является необходимым элементом вынесения правосудного решения, а следовательно, и оснований для отказа от проведения очной ставки не имеется.

Оставлять вопрос о необходимости проведения очной ставки на усмотрение следователя нельзя. В таком случае у следователя всегда будет законодательное прикрытие своего бездействия – не провел очную ставку, не устранил противоречия и оправдал это тем, что так решил по своему усмотрению.

В 2017 году Московской академией Следственного Комитета России был произведен опрос проходивших обучение на курсах повышения квалификации 52 следователей и руководителей следственных отделов по вопросам проведения ими очной ставки в стадии предварительного следствия. В целом большинство опрошенных работников следствия отметили, что проведение очной ставки, даже при отсутствии противоречий в показаниях участников, на

практике положительно сказывалось на дальнейшем расследовании и рассмотрении уголовного дела в суде за счет того, что таким образом проверялась в том числе способность свидетеля или потерпевшего публично дать уличающие показания, а также одновременно реализовывалось право подозреваемого или обвиняемого на допрос указанных участников процесса.

Следует разделить мнение А. Р. Белкина, который указывает на еще одно важное значение очной ставки. Говоря о возможности ее проведения с лицом, ранее отказавшимся от дачи показаний, он отмечает, что «ответ на этот вопрос должен быть только положительным: в ходе очной ставки, услышав показания других лиц, это лицо вполне может изменить свое решение об отказе и все же согласится дать показания» [6, с. 99].

Все вышеуказанное приводит нас к мысли о том, что необходимо законодательно закрепить обязанность лиц, производящих предварительное расследование, проводить очные ставки во всех случаях наличия противоречий в показаниях потерпевшего, свидетеля и подозреваемого (обвиняемого), а именно необходимо ч. 1 ст. 192 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь обязан провести очную ставку».

Список литературы

1. Уголовное дело № 1-2/2021. // Архив мирового судьи судебного участка Цильнинского района Ульяновского судебного района Ульяновской области.

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щенникова Валерия Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 276, частью первой статьи 277 и пунктом 2 части первой статьи 286 УПК РСФСР: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.10.2000 № 233-О // СПС «КонсультантПлюс». – 2000.

3. Постановление Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) от 05 февраля 2009 года по делу «Макеев (Makeyev) против

России» // Сайт Европейского суда по правам человека. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-91136> (дата обращения: 16.02.2023).

4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 16 октября 2020 года по делу № 1-28/2019 г. // Санкт-Петербургский городской суд. – URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=43209781&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 16.02.2023).

5. Калугина С. А. Проблемы производства очной ставки и пути их решения // Актуальные проблемы российского права и законодательства : материалы IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых, Красноярск, 20 апреля 2016 года. – Красноярск : АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2016. – С. 337–339.

6. Белкин А. Р. Процессуальные проблемы очной ставки // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 3 (33). – С. 97–101.

Д. А. Топоркова,

заместитель начальника отдела

делопроизводства и контроля Управления

Судебного департамента в Самарской области

г. Самара

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Вовлечение современных технологий в процесс отправления правосудия является актуальным вопросом для отечественного правоприменителя по ряду причин. Во-первых, возросшая экономическая активность вкупе с перестройкой экономических связей обуславливает интенсификацию гражданско-правовой активности субъектов данной деятельности [1]. Во-вторых, российский правоприменитель в 2020–2021 гг. столкнулся с объективной необходимостью привлечения современных электронных технологий ввиду пандемической опасности. Данные обстоятельства требуют от практики и законодательства оперативных и проработанных решений в сфере привлечения современных электронных технологий в практику отправления правосудия.

В частности, с 1 января 2017 года исковое заявление может быть направлено в суд как в письменном виде, так и в электронном в силу ст. 4 и ч. 1 ст. 131 ГПК РФ. Сама процедура подачи искового заявления в электронном виде осуществляется с использованием сервиса «Электронное правосудие», и порядок подачи искового заявления в таком порядке регламентирован Приказом Судебного департамента при Верховном суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [2]. Также в п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» содержится следующее положение: «обращение в

суд может быть подписано простой электронной подписью, а в случаях, предусмотренных законодательством, должно быть подписано усиленной квалифицированной электронной подписью (например, заявление о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав, заявление об обеспечении иска, заявление о применении мер предварительной защиты)» [3]. Как можно заключить из приведенного выше положения, процесс привлечения электронных технологий не только предусмотрен отечественным законодательством, но и регламентирован подзаконными нормативными правовыми актами. В то же время такой порядок подачи целого ряда обращений в суд (с использованием усиленной квалифицированной цифровой подписи) может исключить из процесса цифровизации целый ряд граждан, не обладающих достаточными компетенциями в рассматриваемой сфере. Однако альтернативы квалифицированной электронной подписи объективно не существует: идентификация гражданина в таком порядке является самым простым и наименее затратным способом в отличие, например, от использования биометрических данных лица.

Цифровизация также затронула и само судебное заседание: с апреля 2013 года активно используются технологии ВКС (видео-конференц-связи). Данная технология до 2020 года способствовала улучшению доступа населения к процессу отправления правосудия и доступа к защите гражданских прав, после же начала пандемии новой коронавирусной инфекции технологии ВКС стали незаменимы. В дальнейшем ВКС стала использоваться судебной системой Российской Федерации на постоянной основе, в результате чего повысилась эффективность деятельности судов. Стоит также отметить, что в последние годы гораздо шире распространилась практика информирования участников процесса о дате и времени судебного заседания с использованием SMS-рассылок и телефонных звонков, что пришло на замену традиционным почтовым и иным отправлениям.

Статистика случаев использования современных электронных технологий говорит сама за себя – в 2020 году количество гражданских дел, рассмотренных в дистанционном формате (с применением ВКС) составило 99 % от их общего числа [4]. Данное обстоятель-

ство также указало на достаточно серьезную проблему, а именно на отсутствие серьезно проработанной отечественной системы онлайн-заседаний. Некоторые судебные заседания в начале пандемии проводились через систему Zoom (принадлежащей американской компании и подотчетной органам власти США), в дальнейшем был осуществлен переход на так называемые open-source проекты. Хотя данные проекты находятся в свободном доступе и их исходный код также публичен, все равно для полноценной работы с различным оборудованием для них необходимо устанавливать дополнительные плагины и предоставлять доступ для целых дополнительных библиотек данных. Зачастую исходный код такого дополнительного программного обеспечения недоступен для изучения, что не исключает возможность существования т. н. бэкдоров (дефект алгоритма, который намеренно встраивается в него разработчиком и позволяет получить несанкционированный доступ к данным или удалённому управлению операционной системой и компьютером в целом) [5], что может привести к нарушению прав граждан в закрытых процессах и неминуемо ведет к нарушению тайны совещания судей. К уязвимостям (которые в то же время невозможно полностью преодолеть и исключить) ВКС относится также и возможность неудовлетворительного качества связи и соединения с иными техническими устройствами, что особенно актуально в отдаленных районах. На практике неоднократно наблюдались обрывы интернет-соединения, резкое ухудшение качества связи, приводящего к «вылетам» участников процесса, и так далее.

Достаточно актуальным вопросом является привлечение технических средств к процессу вынесения решения судьей. Данная проблема не нова – в более ранний этап развития российской судебной системы уже происходило вытеснение человеческого труда техническими средствами. Так, ранее процесс транскрибации от начала до конца осуществлялся человеком, в современном же судебном процессе данная деятельность практически полностью автоматизирована. В связи с этим возникает закономерный вопрос: будут ли подвержены автоматизации и иные процессы, осуществляемые ранее полностью человеком? Например, как известно, наиболее

трудозатратным для судьи в гражданском процессе является составление мотивировочной части судебного решения, в котором нужно отразить все обстоятельства дела и провести подробный правовой анализ ситуации. На сегодняшний день с анализом текста и его созданием достаточно неплохо работают нейросети, например Chat GPT. Может быть, судьям надлежит использовать схожие технологии при формировании текста мотивировочной части судебных решений? Разумеется, мотивировочная часть достаточно сильно стандартизирована и формализована – не секрет, что судьи используют собственноручно созданные шаблоны для типовых дел, так, может быть, подвергнуть и этот процесс автоматизации? Нам представляется, что такая ситуация невозможна по ряду причин. Во-первых, любое судебное решение в любой своей структурной части представляет собой прямую реализацию судейского усмотрения, неотделимую от личности и должности судьи. Судейское усмотрение является исключительно человеческой и правоприменительной функцией, а не служебно-технической, как транскрибация и схожие с ней процессы. Во-вторых, каждое судебное решение является логически единым и подконтрольным исключительно судье, но не автоматизированным системам. Все части судебного решения – реализация правосудия, будь то резолютивная часть или мотивировочная. На основании данных доводов считаем невозможным привлечение технологии нейронных сетей в какой бы то ни было форме к процессу отправления правосудия, поскольку их функции выходят за рамки исключительно служебных.

Таким образом, современные электронные технологии далеко не первый год используются в гражданском процессе и сопровождают (но не заменяют) судейскую деятельность на всех этапах судопроизводства. Широкое использование ВКС поставило перед отечественным правоприменителем вопрос о создании национальной системы видеосвязи. Использование же нейронных сетей в процессе гражданского судопроизводства исключено: все автоматизированные системы призваны выполнять исключительно служебные функции, не вмешиваясь в той или иной форме в процесс непо-

средственного вынесения решения. Российской Федерации необходимо идти в ногу со временем, используя инструменты электронного правосудия, одновременно при этом избегая нарушения конституционных принципов и прав граждан.

Список литературы

1. Шестернина Д. С. Вопросы реализации стандартов правосудия в условиях применения электронной процессуальной формы и развития системы «электронного правосудия». – 2020. – № 4 (38). – С. 147–149.

2. Об утверждении порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: Приказ Судебного департамента при Верховном суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/97ec508e3fab9ee602b836d97366e2887d7cc947/

3. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/

4. Интервью Генерального директора Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации А. В. Гусева информационному агентству ТАСС. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=227&item=5741>

5. Кузьмина А. В. Электронное Правосудие и способы взаимодействия участников гражданского судопроизводства посредством электронного документооборота // Современные социально-экономические процессы: проблемы, тенденции, перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Петрозаводск, 14 октября 2021 года. – Петрозаводск : Международный центр научно-го партнерства «Новая Наука», 2021. – С. 100–104.

Е. А. Фролычева,

*к.ю.н., судья Индустриального
районного суда г. Ижевска*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ НА ПРАКТИКЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЙОННОГО СУДА Г. ИЖЕВСКА

Главной задачей осуществления правосудия, в какой бы форме или порядке оно не осуществлялось, является реализация процессуальных, установленных законом гарантий всех участников процесса. Сложившаяся обстановка, связанная с политическими и экономическими событиями, эпидемиологической ситуацией последних лет, послужила катализатором развития уже состоявшейся модели – технологии «электронное правосудие» как целостной системы мер, средств, различных инструментов реализации судопроизводства в информационном пространстве как России, так и зарубежных стран.

Создание электронных сервисов, обеспечивающих судопроизводство, стало не только политической волей законодателя, но и следствием потребности гражданского общества в необходимости дистанционного разрешения дел, а также рассмотрения иных вопросов без непосредственного посещения судов, потребности в использовании электронных ресурсов, обеспечивающих экономию времени и финансовых затрат, а также эффективности использования ресурсов с учетом возрастающего количества рассматриваемых ежегодно российскими судами дел.

В связи с чем особенно актуальными являются научные и теоретические разработки при активном практическом внедрении электронного правосудия в целях обеспечения на высоком уровне установленных законом стандартов реализации прав участников гражданского процесса.

При этом законодательное урегулирование должно обеспечить применение сложившейся практики и возможности реализации потребностей гражданского общества при технической обеспеченности судов, кадровой и финансовой поддержке необходимых ресурсов.

Задачами и целью научной статьи являются исследование сложившейся ситуации на основе потребностей участников гражданского процесса и предложения по оптимизации апробированных технологий в районных судах, учитывая уже сложившуюся практику ведения электронного судопроизводства на примере работы гражданской коллегии Индустриального районного суда г. Ижевска.

При этом под электронным судопроизводством автором понимаются: ведение электронных дел, публикация сведений о движении дел в сети «Интернет», представление заявлений, ходатайств, жалоб посредством системы ГАС «Правосудие»; аудиопротоколирование хода судебного заседания; обеспечение доступа к текстам судебных решений и материалам дела посредством сети «Интернет»; проведение судебных заседаний посредством видео-конференц-связи.

Таким образом, под реализацией прав участников гражданского процесса автором рассматривается осуществление лицами, участвующими в деле: стороны (истец, ответчик), третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным статьями 4, 46 и 47 ГПК РФ, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства, возможности представления исковых заявлений и иных заявлений, ходатайств, доказательств по делу, актов, заключений, и т. д., то есть любых документов, имеющих юридическое значение в гражданском судопроизводстве в рамках гражданского дела посредством системы электронного делопроизводства ГАС «Правосудие»; контролирования и отслеживания хода рассмотрения гражданского дела посредством публикации об основаниях отложений, результатах рассмотрения дела, назначенных датах и времени судебных заседаний, обеспечения доступа к текстам судебных постановлений (решений, определений), к материалам дела

посредством публикации в сети «Интернет», реализации и обеспечения публичности процесса, гарантии беспристрастности судей при осуществлении аудиозаписи хода судебного заседания, осуществление прав при рассмотрении дела посредством видеоконференц-связи.

В Индустриальном районном суде г. Ижевска осуществляется ведение информационной системы ГАС «Правосудие», обеспечивающей доступ граждан к сведениям о движении дела, стадии рассмотрения дела, датах и времени судебных заседаний, результатах рассмотрения дела; обеспечен доступ к текстам судебных решений и материалам дела посредством сети «Интернет» (за исключением актов, не подлежащих публикации); залы судебных заседаний гражданской коллегии оборудованы системами аудиозаписи «Фемида» в целях ведения аудиопотокола, оборудованы специальные залы судебных заседаний для проведения видео-конференц-связи.

Права участников гражданского процесса в виде правовой возможности обращения в суд урегулированы ст. 3 ГПК РФ [2]. Так, из части 1.1 указанной статьи следует, что исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа [2].

Дальнейший порядок подачи представления искового заявления, заявления, жалоб, иных документов в электронном виде, за исключением запросов, предложений, заявлений или жалоб в суд в соответствии с Федеральным законом от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», урегулирован Порядком подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденным Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 [5], в котором предусмотрено, что документы в электронном виде подаются через личный кабинет пользователя, созданный в разделе «Подача про-

цессуальных документов в электронном виде» официального сайта суда, который расположен на интернет-портале ГАС «Правосудие» (www.sudrf.ru) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (пункт 2.1.1) [5].

Указанным выше порядком предусмотрена реализация прав заинтересованных лиц на обращение в суд в различных вариантах в виде электронного образа документа, который заверяется простой электронной подписью или усиленной квалифицированной электронной подписью (пункт 2.2.5), либо электронный документ должен быть подписан усиленной квалифицированной электронной подписью (пункт 2.3.5) [5].

При этом обращение в суд с сообщением, ходатайством, заявлением по электронной почте не свидетельствует о волеизъявлении участника гражданского процесса и его намерении произвести юридически значимые при рассмотрении гражданского дела действия, так как не содержит подтвержденной простой электронной подписи или усиленной квалифицированной электронной подписи, что не позволяет дать оценку судье в отношении волеизъявления лица на то или иное действие, что, представляется, также относится к законодательно установленным гарантиям всех участвующих в гражданском судопроизводстве лиц.

Реализация одного из основных принципов гражданского судопроизводства выражается в гласности судебного разбирательства, что отражено в обеспечении доступа граждан к сведениям о движении дел; возможность каждого лица, участвующего в деле, контролировать и отслеживать ход рассмотрения гражданского дела.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судостроительстве и судопроизводстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти [6].

В Индустриальном районном суде г. Ижевска судьями гражданской коллегии отслеживается ведение гражданских дел в электронном виде. Секретари судебных заседаний отмечают в программе ГАС «Правосудие» основания отложения судебных заседаний, сведения о вынесенных судебных постановлениях; ежедневно представляется отметка об основаниях отложения судебных заседаний, о датах и времени следующих заседаний. Отдел обеспечения судопроизводства и судебной статистики Индустриального районного суда г. Ижевска ежедневно проверяет статистические данные по количеству рассмотренных и отмеченных дел. Двойной контроль в судебной системе позволяет достигнуть эффективный результат по своевременному предоставлению сведений участникам процесса в электронном виде, что способствует формированию доверия общества к суду.

Публикации подлежат все дела, рассматриваемые гражданской коллегией, за исключением дел, рассмотренных в закрытых судебных заседаниях, разбирательство по которым осуществляется по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка, а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом.

Доступ пользователей к информации о деятельности судов урегулирован Федеральным законом от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»; в ст. 5 закреплено, что доступ к информации о деятельности судов ограничивается, если указанная информация отнесена в установленном федеральным законом порядке к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну. Перечень сведений, относящихся к информации ограниченного доступа, а также порядок отнесения указанных сведений к информации ограниченного доступа устанавливаются федеральным законом [3].

В соответствии с чч. 5 и 6 ст. 15 указанного выше закона не подлежат размещению в сети «Интернет» тексты судебных актов, вынесенных по делам:

- 1) затрагивающим безопасность государства;
- 2) возникающим из семейно-правовых отношений, в том числе по делам об усыновлении (удочерении) ребенка, другим делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних;
- 3) о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности;
- 4) об ограничении дееспособности гражданина или о признании его недееспособным;
- 5) о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар и принудительном психиатрическом освидетельствовании;
- 6) о внесении исправлений или изменений в запись актов гражданского состояния;
- 7) об установлении фактов, имеющих юридическое значение, рассматриваемых судами общей юрисдикции;
- 8) разрешаемым в порядке ст. 126 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 123.5 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

При размещении в сети «Интернет» текстов судебных актов, предусматривающих положения, которые содержат сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, эти положения исключаются из текстов судебных актов [3].

Такое ограничение обосновано обеспечением другой гарантии участникам процесса как защита публичных и частных интересов, в том числе безопасности страны, уважение частной и семейной жизни, защиты персональных данных и т. д.

Российская Федерация, в первую очередь, социальное государство, что закреплено в Конституции РФ, в которой уважение частной жизни является одним из приоритетов государства. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [1].

В случае ограничения доступа всех лиц, так как информация скрыта от всех пользователей информации, что представляет собой

определенные неудобства для участников процесса, при личном заявлении участников процесса и с разрешения председательствующего доступ к электронному делу может быть предоставлен ходатайствующему лицу посредством его идентификации через личный кабинет, что также выступает дополнительной гарантией участвующих в деле лиц.

За последний год значительно возросло проведение судебных заседаний посредством видео-конференц-связи как по заявкам других судов, так и по инициативе Индустриального районного суда г. Ижевска.

В настоящее время проведение судебных заседаний посредством видео-конференц-связи становится все более востребованным у граждан в силу уменьшения судебных расходов, рационального использования времени, оптимизации затрат, что выступает еще одной гарантией реализации прав участников гражданского процесса на участие в судебном заседании, гласности и открытости рассмотрения гражданских дел.

Все ходатайства о проведении видео-конференц-связи, заявляемые участниками гражданского процесса, удовлетворяются судьями гражданской коллегии Индустриального районного суда г. Ижевска в целях процессуальной экономии во избежание неоправданного использования временных, финансовых и кадровых ресурсов органов судебной власти государства в ходе рассмотрения дела, избыточности процессуальных процедур, затягивания судебного разбирательства.

Так, например, в сравнении с предыдущими годами посредством видео-конференц-связи было рассмотрено в 2020 году – 163 гражданских дела, в 2021 году – 216 гражданских дел, в 2022 году – 285 гражданских дел. Увеличивающаяся тенденция рассмотрения гражданских дел посредством видео-конференц-связи подтверждает её востребованность среди участников гражданского судопроизводства. В сравнении процессуальное действие – судебное поручение и проведение видео-конференц-связи судебного заседания, последнее сокращает сроки рассмотрения дела, содействует непосредственно-

му участию председательствующего в получении объяснений участников процесса, допросе свидетелей, экспертов, специалистов, и иных процессуальных действий.

В целях недопущения срыва заседаний посредством видео-конференц-связи в связи с наложением процессов ведется перечень повесток – дел, рассматриваемых Индустриальным районным судом г. Ижевска, сведения о котором вносятся в общий перечень судебных заседаний посредством видео-конференц-связи.

Положительной особенностью видео-конференц-связи в целях реализации прав всех участников гражданского процесса является то, что судебные заседания посредством видео-конференц-связи могут быть организованы с участием лиц из разных субъектов РФ. Техническая возможность организованной в Индустриальном районном суде г. Ижевска видео-конференц-связи позволяет соединить одновременно несколько участников процесса, находящихся в разных субъектах Российской Федерации.

По поводу ведения протоколирования хода судебного заседания существуют разные дискуссионные позиции. Представляется, что ведение аудиопотокола хода судебного заседания при наличии апробированной системы записи удобно и надежно. Аудиозаписи хода судебных заседаний хранятся как в материалах дела, так и на сервере Индустриального районного суда г. Ижевска. Как отмечают судьи Индустриального районного суда г. Ижевска, аудиозапись хода судебного заседания положительно влияет на поведение участников судебного процесса, способствует сохранению порядка в зале судебного заседания, а также удостоверяет действия председательствующего, повышает уровень доверия граждан к судебной системе.

Реализуя положения Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» в части предоставления возможности изготавливать судебные акты в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной

электронной подписью, Индустриальный районный суд г. Ижевска по ходатайству участников судопроизводства экземпляр судебного решения в электронной форме направляет с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что облегчает работу не только судьи, но и его аппарата [4].

В связи с увеличивающейся нагрузкой судебной системы представляется несколько возможных вариантов её оптимизации посредством электронного правосудия с целью реализации прав участников гражданского процесса [7]:

Во-первых, в связи с введением обязательного аудиопротоколирования судебных заседаний, который на носителях приобщается к материалам дела и содержится на сервере суда, а также может быть истребован в любое время лицами, участвующими в деле, исключить ведение бумажного протоколирования.

Во-вторых, возникает необходимость внедрения в деятельность судов общей юрисдикции надежной современной системы хранения полученной информации, в том числе и удаленно с использованием «облачных» технологий, что позволит значительно снизить расходы федерального бюджета на приобретение «локальных» носителей информации, которыми в настоящее время выступают оптические диски.

В-третьих, представляется необходимым принять положения закона, согласно которым обязательным будет считаться уведомление о дате и времени начала судебного заседания, в дальнейшем о ходе судебного разбирательства; участники получают информацию самостоятельно посредством сети «Интернет», исключение составляют не подлежащие публикации дела и ход их движения.

В-четвертых, целесообразно ввести штатные единицы в аппарат суда для осуществления полного сканирования судебных дел в целях формирования электронного архива (оцифровка исков, ходатайств, заявлений, иных материалов, поступивших суд на бумажном носителе).

В-пятых, предоставление работникам суда, участникам судопроизводства возможности контроля всех документов, поступив-

ших в суд в электронном виде, посредством создания личного кабинета (сервиса) и доступа к нему.

В-шестых, оснащение всех залов судебных заседаний программными комплексами аудиопроколирования и видео-конференц-связи для оптимального осуществления правосудия.

В-седьмых, предоставление возможности проведения судебных заседаний с использованием видеофиксации в режиме «онлайн» и их транслирования в сети «Интернет» по общественно-резонансным делам.

В-восьмых, предоставление участникам судопроизводства возможности самостоятельного получения итогового судебного акта в электронной форме посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет [7].

В-девятых, внести изменение в порядок проведения видео-конференц-связи для участия помощника судьи в удостоверении личностей, присутствующих в судебном заседании.

Таким образом, представляется, что посредством активного внедрения модели «электронное судопроизводство» возможно сохранение качественного рассмотрения увеличивающегося количества дел при экономии финансовых, трудовых, временных ресурсов, обеспечив тем самым равный доступ граждан к правосудию, однако при этом необходимо оснащение технической базы районных судов посредством оборудования всех залов судебных заседаний системами видео-конференц-связи, а рабочих мест судей личными е-кабинетами, а также организацией специальной подготовки как судей, так и государственных служащих в оптимальном использовании электронных сервисов.

Необходимо на законодательном уровне урегулировать всю модель электронного судопроизводства, которая будет включать в себя регулирование не только отдельных действий участников гражданского процесса, а все судопроизводство, начиная от его возбуждения посредством подачи документов (иска) в электронном виде, ведения электронных дел, участия лиц посредством видео-конференц-связи, так и до принудительного исполнения судебных

актов – подписанием исполнительных листов ЭЦП и передачи в службу судебных приставов посредством информационных технологий [7].

Взвешенная программа развития, направленная на внедрение новых технологий с использованием ИКТ в деятельность судов, способствует обдуманному и взвешенному поиску подходящих технологических решений, а также предоставит возможность всем субъектам и, в частности, правоприменителям подготовиться к новым правилам. При этом реализация модели «электронное правосудие» не должна умалять конституционные права граждан на судебную защиту, доступ к правосудию, защиту частных интересов, в связи с чем разработка единого комплекса мероприятий, стратегии и программы развития необходима для использования электронных технологий в судебной системе, при этом необходимо предоставить возможность реализации субъективного права граждан на выбор модели судопроизводства – электронного или привычного письменного [7].

Таким образом, реализация прав участников гражданского процесса при осуществлении электронного правосудия должна строиться на основных китах гражданского судопроизводства – публичности (открытости), состязательности и беспристрастности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.02.2023).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Рос. газ. – 20.11.2002. – № 220.

3. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Рос. газ. – 26.12.2008. – № 265.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 27.06.2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3889.

5. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 17.11.2021) // Бюллетень актов по судебной системе. – Февраль, 2017. – № 2.

6. Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 // Рос. газ. – 19.12.2012. – № 292.

7. Фролычева Е. А., Шишкин А. В. Организация электронного правосудия (E-JUSTICE) в России и зарубежных странах через призму практики Индустриального районного суда г. Ижевска: предложения для совершенствования и внедрения положительного опыта информационных технологий в районных судах // Организационные модели обеспечения деятельности судов в 21 веке: российский и зарубежный опыт и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященная 25-летию Судебного департамента (в публикации ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»).

*М. И. Халиков,
мировой судья судебного участка № 1
Ленинского района г. Ижевска
Удмуртской Республики*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ГПК РФ

Долгое время государство идет по пути повышения эффективности деятельности судов, в том числе по рассмотрению дел гражданско-правового характера. Предполагается, что эффективность тем выше, чем меньше усилий и материальных средств затрачено на разрешение спора. Однако независимо от сложности дела формальное отношение к его рассмотрению недопустимо.

Современному гражданскому процессу приказное производство известно с 1996 г. Более 20 лет с момента своего появления в гражданском процессе приказное производство было процедурой выбора, альтернативной процедурой. На практике удобство и эффективность применения приказного производства при осуществлении правосудия мировыми судьями обеспечили постоянный рост гражданских дел, разрешенных посредством вынесения судебных приказов.

Однако в 2016 г. законодатель изменил свой подход, устранив возможность выбора процедуры, дополнив статью 135 ГПК РФ о возвращении искового заявления пунктом, в соответствии с которым исковое заявление возвращается, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства.

С самого начала своего существования институт судебного приказа является востребованным.

Как и в предыдущие годы, в 2022 году сохранилась тенденция к увеличению общего объема, в том числе гражданских дел, поступающих на рассмотрение к мировым судьям. Так, за 12 месяцев 2022 года в производстве мировых судей Удмуртской Республики

находилось 239234 гражданских дела [1], что на 12,68 % больше, чем в 2021 году.

В силу различий между делами по степени сложности, характеру требований их рассмотрение и разрешение не может всегда осуществляться по единой процедуре. В связи с этим возникает необходимость упрощения, ускорения и специализации судопроизводства. При этом упрощение и ускорение процедуры рассмотрения дела должно привести к повышению оперативности судебной защиты прав лица, обратившегося за такой защитой, а также к повышению эффективности судопроизводства по гражданским делам, в том числе за счет исполнимости судебного постановления. Приказное производство как институт гражданского процессуального права призвано решить эти задачи при рассмотрении отдельных категорий дел, которые характеризуются бесспорностью заявленных требований и малой суммой требований.

В науке гражданского процессуального права вопрос о сущности приказного производства решается неоднозначно. Некоторые авторы рассматривают приказное производство как упрощенную (ускоренную) форму рассмотрения отдельных категорий дел [2]. Другие – как допроцессуальную, альтернативную процедуру, осуществляемую судьей в целях ускоренной защиты права кредитора и установления спорности или бесспорности требования [3]. Третьи не считают приказное производство правосудием, поскольку не соблюдается действие принципа состязательности [4].

Однако Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что приказное производство является одной из форм упрощенного производства, применяемой только по бесспорным требованиям [5].

В соответствии с ч. 1 ст. 121 ГПК РФ судебный приказ – судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным статьей 122 настоящего Кодекса, если размер денежных сумм, подлежащих взысканию, или стоимость движимого имущества, подлежащего истребованию, не превышает пятьсот тысяч рублей.

Существуют различные позиции по определению понятия «Процессуальные гарантии», однако приводить их, по нашему мнению, не является целесообразным.

На наш взгляд, процессуальные гарантии – система правовых средств обеспечения успешной реализации задач правосудия и охраны прав и законных интересов его участников.

Правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в инструментах и деяниях, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей.

В качестве правовых средств выступают нормы и принципы права, правоприменительные акты, договоры, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения и наказания, акты реализации прав и обязанностей и т. д.

В этой связи считаю, что процессуальные гарантии в приказном производстве – это система правовых средств обеспечения успешной реализации задач правосудия и охраны прав и законных интересов при рассмотрении заявлений о вынесении судебных приказов, процедуре вынесения, исполнения и отмене судебных приказов.

По нашему мнению, процессуальными гарантиями приказного производства следует считать:

- законодательное урегулирование требований, по которым выдается судебный приказ;
- законность требований;
- форма и содержание заявления о вынесении судебного приказа;
- порядок вынесения судебного приказа;
- форма и содержание судебного приказа;
- извещение должника о вынесении судебного приказа;
- возмещение судебных расходов;
- порядок отмены судебного приказа;
- порядок выдачи судебного приказа взыскателю.

Итак, можно выделить следующие проблемы реализации процессуальных гарантий в приказном производстве, связанные с применением ГПК РФ.

Проблема, связанная с реализацией гарантии законности требований, выражается в следующем.

Как указано в ст. 2 ГПК РФ, задачами гражданского судопроизводства является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду, мирному урегулированию споров.

Между тем при реализации права на обращение к мировому судье взыскатель может несколько раз обратиться за взысканием задолженности по одной сделке, разделив сумму требований, что в конечном итоге, не имея возможности отслеживать поданные заявления и вынесенные приказы, мировой судья, каждый раз удовлетворяя поданное заявление, передает взыскателю судебные приказы на сумму, превышающую реальную задолженность.

Указанная проблема может быть решена путем законодательного установления взыскателю обязанности предъявлять к взысканию сразу всю имеющуюся задолженность. При этом за неисполнение указанной обязанности возможно ввести административную ответственность с внушительным размером административного штрафа или дисквалификацией.

С вопросом отсутствия расширенной федеральной базы вынесенных судебных приказов за текущий и предыдущие годы связана и еще одна проблема – возможность качественной проверки поданного заявления о взыскании судебного приказа на предмет тождественности. Процесс обработки и внесения поданных заявлений нигде не учитывается.

Следующей проблемой, связанной с реализацией процессуальной гарантии законности приказного производства, следует

обозначить индексацию денежных сумм, взыскиваемых в рамках судебного приказа, в том числе, если сроки давности по исполнению истекли, а долг не взыскан (ст. 208 ГПК РФ). Указанное обстоятельство позволяет взыскателю бесконечно индексировать взысканные денежные средства, углубляя задолженность и усугубляя материальное положение должника.

Решение данной проблемы видится в законодательном ограничении периода индексации взысканных сумм.

Проблема реализации такой процессуальной гарантии, как форма и содержание заявления о вынесении судебного приказа заключается в обязанности взыскателя указывать сведения о должнике (п. 3 ч. 2 ст. 124 ГПК РФ). И если в отношении юридических лиц такие сведения найти не представляет особой сложности, то в отношении физических лиц становится довольно затруднительным. Так, в п. 3 ч. 2 ст. 124 ГПК РФ указано, что если взыскателю неизвестны дата и место рождения должника, один из идентификаторов должника, об этом указывается в заявлении о вынесении судебного приказа, и такая информация по запросу суда предоставляется органами Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, и (или) налоговыми органами, и (или) органами внутренних дел. В этом случае срок вынесения судебного приказа, предусмотренный ч. 1 ст. 126 настоящего Кодекса, исчисляется со дня получения судом такой информации.

Однако нередко возникает ситуация, когда взыскатель не представляет никаких сведений о должнике, за исключением места его жительства (или адрес объекта недвижимости, который принадлежит должнику). Так, отсутствие даты рождения должника существенно усложняет или порой делает невозможным мировому судье установить идентификаторы (без даты рождения сведения по запросам часто не предоставляются), что существенно затягивает срок вынесения судебного приказа, предусмотренный ч. 1 ст. 126 ГПК РФ.

С учетом изложенного решение данной проблемы видится в возложении на взыскателя обязанности представлять в заявлении о вынесении судебного приказа сведения о дате рождения должника.

При рассмотрении проблем процессуальных гарантий приказного производства следует упомянуть проблему формы и содержания заявления о вынесении судебного приказа и сопутствующую ей проблему в части формы и содержания судебного приказа. Как разъяснил Верховный Суд РФ в п. 5 Постановления Пленума от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»: «размер денежной суммы, указываемой в заявлении о выдаче судебного приказа, должен быть определен в твердой денежной сумме и не подлежит пересчету на дату выдачи судебного приказа, а также фактического исполнения денежного обязательства». Это следует понимать так, что при взыскании денежных средств размер процентов и неустоек должен быть рассчитан и точно определен на день подачи заявления о вынесении судебного приказа, и никакого пересчета в дальнейшем не может произойти. Хотя если бы предъявлялось аналогичное требование в исковом производстве, такой пересчет на дату вынесения решения, а также на день исполнения решения был бы вполне возможен (ст. 208 ГПК РФ).

Решение указанной проблемы видится в законодательном урегулировании возможности взыскать неустойки, пени и штрафы на дату вынесения судебного приказа.

Следующей проблемой реализации процессуальной гарантии следует обозначить законодательное урегулирование требований, по которым выдается судебный приказ. Так, в ст. 122 ГПК РФ указано, что судебный приказ выдается, если заявлено требование о взыскании задолженности по обязательным платежам и взносам с членов товарищества собственников недвижимости и потребительского кооператива. В данном случае закон указывает на задолженность членов товарищества собственников недвижимости и потребительского кооператива. Иными словами, если должник является собственником земельного участка, дачного строения на территории ТСН, но при этом не является членом ТСН, взыскать имеющуюся

задолженность в приказном производстве не представляется возможным, и в этом случае необходимо подавать исковое заявление.

Указанную проблему возможно решить путем технического усовершенствования конструкции указанной правовой нормы ст. 122 ГПК РФ.

Кроме того, на наш взгляд, имеется проблема реализации процессуальной гарантии в виде порядка вынесения судебного приказа.

Так, в исковом производстве можно восполнить недостающие доказательства в стадии подготовки дела к судебному разбирательству или в стадии судебного разбирательства, между тем от полноты представленных доказательств в приказном производстве будут зависеть сама возможность использования данного судебного порядка защиты права, а также содержание судебного приказа.

Решение данной проблемы предлагается закрепить законодательным образом, наделив заявителя правом представлять дополнительные доказательства в течение пяти дней со дня поступления заявления о выдаче судебного приказа мировому судье как по запросу мирового судьи, так и по своей инициативе.

Кроме того, необходимо обозначить проблему реализации процессуальной гарантии приказного производства в виде взыскания процессуальных издержек при вынесении судебного приказа.

Процессуальный закон регламентирует только возмещение расходов по государственной пошлине, а возмещение судебных издержек им не предусмотрено.

В этой связи нельзя не отметить мнение Конституционного Суда РФ, сформулированное в определении от 28 февраля 2017 г. № 378-О: в приказном производстве судебный приказ выносится судьей единолично по бесспорным требованиям, подтвержденным письменными доказательствами, без судебного разбирательства и вызова сторон для заслушивания их объяснений; возражение должника относительно исполнения судебного приказа влечет его отмену без выяснения вопроса о правомерности заявленного требования с разъяснением взыскателю его права предъявить заявленное требование в порядке искового производства (часть первая статьи 121,

часть вторая статьи 126 ГПК Российской Федерации, статья 129 ГПК Российской Федерации), а потому распределение судебных расходов между взыскателем и должником судьей при вынесении судебного приказа не осуществляется, за исключением государственной пошлины, подлежащей взысканию с должника в пользу взыскателя или в доход соответствующего бюджета (пункт 8 части первой статьи 127 ГПК Российской Федерации)[6].

Анализируя положения ст. 88, 98 ГПК РФ, п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 21 февраля 2016 г. «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», можно прийти к выводу, что возмещение судебных издержек в рамках гражданского судопроизводства предусмотрено только для искового производства и приравненных к нему (упрощенное производство, заочное производство, особое производство и др.). Вместе с тем предусмотренное ГПК РФ приказное производство фактически не допускает возмещения судебных расходов по итогам рассмотрения судом дела по существу, но вместе с тем лицо, обращающееся в суд за судебной защитой, не вправе выбирать порядок судопроизводства, по которому будет рассматриваться его дело. И в том случае, когда его дело должно быть рассмотрено в порядке приказного судопроизводства, например взыскание денежных средств по договору займа, взыскатель получит защиту его нарушенного права (получит исполнительный документ на взыскание указанной суммы денежных средств), но те судебные издержки, которые он может понести на услуги представителей (подготовка заявления о выдаче судебного приказа и приложений к нему, направление указанных процессуальных документов в суд), останутся невозмещенными.

Решение данной проблемы в приказном производстве не представляется возможным. Так, в случае введения возможности взыскания расходов на оплату услуг представителя посредством судебного приказа необходимо руководствоваться требованием разумности (ст. 100 ГПК РФ), размер таких расходов на оплату услуг представителя не всегда соответствует разумности. Следовательно,

было бы необходимо вводить институт обжалования судебного приказа в части взыскания расходов на оплату услуг представителя, что сводилось бы к неэффективности приказного производства и фактически приравнивалось бы к исковому производству.

Еще одна проблема реализации процессуальной гарантии приказного производства видится в порядке выдачи судебного приказа, а именно – момент вступления в законную силу судебного приказа не урегулирован специальными нормами.

В соответствии с ч. 4 ст. 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права).

Судебный приказ как разновидность судебного акта имеет как общие, так и отличные от других судебных актов признаки и свойства. Общие (тождественные) признаки и свойства позволяют делать заключения по аналогии закона и аналогии права, отличные признаки – заключения по противоположности.

По общему правилу судебные акты вступают в законную силу после истечения срока на обжалование, если они не были обжалованы, или немедленно, если они не подлежат обжалованию. Так, в законную силу вступают немедленно с момента их вынесения судебные акты, которые в силу указания закона не подлежат обжалованию или могут быть обжалованы вместе с итоговым судебным актом. Отсутствие срока для апелляционного обжалования является существенным признаком судебного приказа. Следовательно, по аналогии закона можно сделать вывод о том, что судебный приказ, как и все судебные акты, не подлежащие обжалованию, вступает в законную силу немедленно.

Указанный пробел правового регулирования следует устранить посредством внесения изменения в ст. 130 ГПК РФ, указав о том, что судебный приказ вступает в законную силу в случае, если в

установленный срок от должника не поступят в суд возражения. Однако на практике так и происходит. На судебном приказе ставится отметка о вступлении в законную силу по истечении 10 рабочих дней со дня получения должником копии судебного приказа.

Необходимо отметить и проблему реализации процессуальной гарантии на отмену судебного приказа.

Так, в практике мировых судей отмечаются многочисленные случаи отсутствия возможности при осуществлении правосудия в порядке главы 11 ГПК РФ (приказное производство) вручения копии судебного приказа должнику. Значительное количество судебных приказов возвращается в суд с отметкой почтового отделения об истечении сроков хранения. Встречаются случаи, когда по возвращении судебной корреспонденции (копии судебного приказа, направленной должнику) с указанием причины невручения «должник не проживает по указанному адресу» после вынесения судебного приказа выясняется, что должник никогда не значился зарегистрированным и не значится зарегистрированным на момент подачи заявления о выдаче судебного приказа на территории судебного участка или судебного района, ввиду этого суд не располагает сведениями о месте нахождения должника. При этом в законе не содержится нормы, регламентирующей правовые последствия в том случае, если должник не проживает по указанному адресу, и копия судебного приказа будет им не получена.

Кроме того, имеют место случаи представления взыскателем недостоверной информации либо по причине ее отсутствия, либо умышленно.

Иногда имеют место и технические ошибки, которые препятствуют в дальнейшем реализовать право лица на отмену судебного приказа (неверно указан номер дома, квартиры).

Далее, по нашему мнению, следует выделить проблему реализации такой процессуальной гарантии, как законодательное урегулирование требований, по которым выдается судебный приказ.

Судебный приказ является исполнительным документом, который приводится в исполнение в порядке, установленном для

исполнения судебных постановлений; судебный приказ одновременно является судебным постановлением.

В силу указанных в законе преимуществ судебный приказ получил широкое распространение как удобный и доступный механизм реализации противоправных намерений взыскателя в сговоре с недобросовестным должником. В условиях нахождения должника в состоянии банкротства кредиторы конкурируют за место в реестре требований кредиторов должника. Должник в преддверии скорого наступления банкротства может прибегнуть к нечистоплотным методам контроля процедуры банкротства через создание неконкурентных преимуществ дружественному кредитору. Так, выдача векселя и опротестование его дружественным взыскателем являются достаточными основаниями для последующей выдачи судебного приказа (ст. 122 ГПК РФ). Судебный приказ мирового судьи является судебным постановлением, поэтому в отношении его подлежат применению положения ч. 3 ст. 69 АПК РФ, согласно которой вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего дело по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле.

Далее требования кредитора, заявленные в деле о банкротстве, которые основаны на вступившем в законную силу судебном приказе, в соответствии с абз. 2 п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве подлежат включению в реестр требований кредиторов. Разногласия по требованиям таких кредиторов не подлежат рассмотрению арбитражным судом, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром.

При этом это положение Закона о банкротстве корреспондирует со ст. 16 АПК РФ и ст. 13 ГПК РФ, исходя из которых, вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов, федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, в том числе для судов, рассматривающих дела о банкротстве.

Таким образом, отличительные особенности приказного производства могут использоваться злоумышленниками во вред другим конкурсным кредиторам [7].

Каждое современное развитое государство сталкивается с проблемой необходимости оптимального отправления правосудия, поиска баланса между скоростью и качеством.

Достичь этой цели невозможно без введения в гражданское судопроизводство помимо общей универсальной процедуры ряда ускоренных механизмов, выбор которых обуславливается характером материального правоотношения, лежащего в основе спорного дела, особенностей требований и фактических обстоятельств.

Ускоренные формы рассмотрения дел заключают в себе огромный потенциал для развития судебной системы, поскольку имеют реальные перспективы приближения судопроизводства к гармоничному сочетанию скорости и качества отправления правосудия.

При наличии вышеперечисленных проблем приказное производство в целом успешно обеспечивает ускоренное рассмотрение гражданских дел установленных законом категорий. Сложившаяся судебная практика сглаживает пусть и не все, но большую часть проблем приказного производства, а в том числе вышеуказанных проблем в реализации процессуальных гарантий приказного производства. Таким образом, институт приказного производства является действенным способом реализации задач гражданского судопроизводства.

Список литературы

1. Статистическая информация о работе мировых судей. – URL: <https://www.uodms.udmurt.ru/Статистика/index.php>

2. Решетняк В. И., Черных И. И. Заочное производство и судебный приказ в гражданском процессе. – М., 1997; Черемин М. А. Приказное производство в российском гражданском процессе. – М., 2001; Решетникова И. В. Приказное производство // Гражданский процесс : учебник / отв. ред. В. В. Ярков. – 9-е изд., перераб. и доп. – М., 2014.

3. Громошина Н. А. Приказное производство // Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. – М., 2004.

4. Редких С. В. К вопросу о пробелах законодательного регулирования приказного производства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 2.

5. Пункт 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве».

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шабанова Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2017 г. № 378-О // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г.) (ред. от 26.12.2018).

7. Попелюк А. С. Фактор несостоятельности должника в приказном производстве // СПС «КонсультантПлюс».

А. М. Ходырев,
заместитель председателя Арбитражного
суда Удмуртской Республики

ГАРАНТИИ ПРАВ ВЗЫСКАТЕЛЯ И ДОЛЖНИКА ПРИ РАССМОТРЕНИИ АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ ЗАЯВЛЕНИЙ ОБ ИНДЕКСАЦИИ ПРИСУЖДЕННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СУММ

Индексация присужденных судом сумм выступает процессуальной гарантией защиты имущественных интересов взыскателя и должника от инфляционных процессов в период с момента вынесения судебного решения до его реального исполнения (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ.) № 1 (2015).

Порядок индексации в арбитражном процессе регулируется статьей 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) в редакции Федерального закона от 11.06.2022 № 177-ФЗ.

При применении данной нормы права арбитражные судьи сталкиваются с множеством вопросов, часть которых уже разрешена в арбитражной судебной практике.

Частью первой ст. 183 АПК РФ (в редакции Федерального закона от 11.06.2022 № 177-ФЗ) установлено, что по заявлению взыскателя или должника арбитражный суд первой инстанции, рассмотревший дело, производит индексацию присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда.

Если иное не предусмотрено федеральным законом, присужденные денежные суммы индексируются со дня вынесения решения суда или, если решением суда предусмотрена выплата присужденной денежной суммы в предстоящем периоде, с момента, когда такая выплата должна была быть произведена.

До последнего времени спорным являлся вопрос о том, возможно ли по требованию лица, в пользу которого арбитражный суд

присудил денежные средства, одновременное удовлетворение как его заявления об индексации присужденных денежных сумм в порядке, предусмотренном ст. 183 АПК РФ, так и иска о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных на взысканные средства?

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2022) (утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 12.10.2022) Верховный Суд РФ положительно ответил на этот вопрос, указав при этом на то, что требование об индексации присужденных денежных сумм и требование о выплате процентов в соответствии со ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) представляют собой два возможных способа возмещения потерь, из которых индексация присужденных денежных сумм в отличие от выплаты процентов по правилам ст. 395 ГК РФ направлена на возмещение потерь, вызванных непосредственно неисполнением судебного акта, и отказ в применении одного из указанных способов по мотивам, связанным с наличием как таковой возможности для заявителя прибегнуть к другому способу возмещения потерь, неправомерен.

В части 1 ст. 183 АПК РФ указано, что присужденные денежные суммы индексируются со дня вынесения решения суда. При этом редакция указанной нормы права дает не совсем ясное представление о том, что понимать под днем вынесения решения суда: дату изготовления резолютивной части решения или дату изготовления решения в полном объеме, поскольку согласно ч. 2 ст. 176 АПК РФ дата изготовления решения в полном объеме считается датой принятия решения.

В настоящее время судебная практика в арбитражных судах исходит из того, что индексация присужденных сумм производится с даты оглашения резолютивной части решения суда первой инстанции, что не противоречит правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 22.07.2021 № 40-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

в связи с запросом Арбитражного суда Республики Татарстан и жалобой гражданина В. В. Сторублевцева» и Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04.03.2015 (раздел VII, пункт 9)⁹⁹.

Между тем из данного правила есть исключения. Так, в определении Верховного Суда РФ от 09.01.2023 № 305-ЭС22-16399 о передаче дела № А40-286229/2018 для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ указано, что в соответствии с п. 1 ст. 242.1 и п. 6 ст. 242.2 Бюджетного кодекса срок исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации не может превышать трех месяцев со дня поступления исполнительных документов на исполнение с обязательным приложением документов, названных в п. 2 ст. 242.1 Бюджетного кодекса. В период исполнения судебных постановлений по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации по правилам главы 24.1 Бюджетного кодекса индексация присужденных судом денежных сумм не производится.

Вопрос о том, распространяются ли на требования об индексации присужденных денежных сумм нормы ГК РФ об исковой давности, также нашел отражение в судебной практике.

Представляется, что следует согласиться с практикой арбитражных судов, согласно которой требование об индексации относится к процессуальным, а не гражданско-правовым. Такое требование по своей правовой природе не является исковым. Следовательно, к требованию о взыскании индексации не применимы положения ГК РФ об исковой давности. Действующее процессуальное

⁹⁹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08.12.2022 № Ф03-5175/2022 по делу № А73-2839/2020, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.04.2022 № Ф04-3/2022 по делу № А45-5116/2020, определением Верховного Суда РФ от 28.07.2022 № 304-ЭС22-9500 по делу № А45-5116/2020 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

законодательство не устанавливает срок, в течение которого взыскатель может обратиться с требованием об индексации присужденной денежной суммы¹⁰⁰.

Интересными вопросами, встречающимися в судебной арбитражной практике, являются также вопросы о методике расчета индексации, то есть подлежит ли индексации только изначально присужденная денежная сумма либо же ежемесячной индексации подлежат как изначально присужденная денежная сумма, так и за более поздние периоды суммы увеличенные (капитализированные) с учетом индексации, распространяется ли на расчет индексации присужденных судом денежных сумм периоды мораториев на возбуждение дел о банкротстве, а также вопрос о том распределяются ли судебные издержки, понесенные лицами, участвующими в деле, при рассмотрении судом заявления об индексации присужденных денежных сумм.

По вопросу о том, подлежит ли индексации только изначально присужденная денежная сумма либо же ежемесячной индексации подлежат как изначально присужденная денежная сумма, так и за более поздние периоды суммы увеличенные (капитализированные) с учетом индексации, представляется правильной позиция, изложенная в постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2022 № 18АП-11521/2022 по делу № А76-8026/2014, согласно которой сумма индексации должна быть произведена без учета капитализации, поскольку ст. 183 АПК РФ не предусмотрено производство капитализации при расчете суммы индексации.

Таким образом, из буквального толкования данной нормы вытекает, что за каждый период неисполнения судебного акта индексации подлежат исключительно присужденные судом денежные суммы¹⁰¹.

¹⁰⁰ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.01.2023 № Ф04-6696/2019 по делу № А27-18167/2018, постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.11.2022 № Ф05-10811/2022 по делу № А40-242453/2015.

¹⁰¹ По данному вопросу имеется и другая практика арбитражных судов.

Как установлено подп. 2 п. 3 ст. 9.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), на срок действия моратория в отношении должников, на которых он распространяется, наступают последствия, предусмотренные абз. 5 и 7–10 п. 1 ст. 63 данного Федерального закона.

Абзацем 10 п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве предусмотрен запрет на начисление неустоек (штрафов, пени) и иных финансовых санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежных обязательств.

Абзац 4 ст. 2 Закона о банкротстве определяет денежные обязательства как обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному предусмотренному ГК РФ, бюджетным законодательством Российской Федерации основанию.

Индексация присужденных судом денежных сумм имеет иную правовую природу и не является финансовой санкцией, а кроме того, устанавливается арбитражным процессуальным законодательством.

С учетом вышеуказанного при исчислении индексации периоды действия моратория не учитываются.

Данная позиция нашла отражение в судебной арбитражной практике¹⁰².

Относительно вопроса о том, распределяются ли судебные издержки, понесенные лицами, участвующими в деле, при рассмотрении судом заявления об индексации присужденных денежных сумм, арбитражные суды придерживаются подхода, согласно которому такие судебные издержки подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, в порядке, установленном статьей 110 АПК РФ¹⁰³.

¹⁰² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.01.2023 № Ф05-31153/2022 по делу № А40-319139/2019.

¹⁰³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.07.2022 № Ф07-8544/2022 по делу № А56-76040/2015.

Е. А. Ходырева,

д.ю.н., доцент, профессор

кафедры гражданского права ФГБОУ ВО

«Удмуртский государственный университет»

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СМЕРТИ РОДИТЕЛЯ, НЕ ИСПОЛНИВШЕГО ОБЯЗАННОСТЬ ПО ВЫДЕЛЕНИЮ ДОЛИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ДЕТЯМ В ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ, ПРИБРЕТЕННОЕ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА

Одной из мер государственной поддержки для семей с детьми является предоставление права на получение материнского (семейного) капитала (далее – МСК). С момента принятия закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Закон) [1] прошло более 16 лет, и за этот период в текст акта было внесено более 30 изменений и дополнений, свидетельствующих о расширении сферы реализации права и о его большей гарантированности. «Возраст» закона позволяет говорить о проблемах, которые уже могут возникать при наследовании жилых помещений, приобретенных за счет средств материнского (семейного) капитала.

Обращаясь к судебной практике, можно выделить ряд ситуаций, возникающих в связи со смертью лица, задействованного при реализации права на получение средств материнского (семейного) капитала. Некоторые из них не представляют для судов особой сложности. Например, в случае смерти продавца по договору купли-продажи, который должен был получить деньги за продаваемую долю, пенсионный фонд не перечисляет денежные средства, что вынуждает покупателя обратиться в суд и потребовать признания бездействия незаконным с возложением обязанности по выплате средств [2]. Суды такие требования удовлетворяют, что вполне

обосновано, т. к. в рамках заключенного договора купли-продажи не было реализовано в полном объеме право продавца на получение цены за товар, которое носит имущественный характер и по ст. 418 ГК РФ переходит к наследникам независимо от источника выплат. Или, например, смерть продавца и (или) покупателя зачастую становится препятствием для снятия обременения на приобретенный объект недвижимости. При наличии наследников умершего продавца иск о погашении регистрационной записи об ипотеке в отношении жилого дома и земельного участка предъявляется к ним [3]. Суд устанавливает факт исполнения обязательств по договору купли-продажи в полном объеме и приходит к выводу о необходимости снятия обременения в виде ипотеки в силу закона [4]. Если умирает продавец, после смерти которого нет наследников, то иск о снятии обременения с жилого дома и земельного участка, приобретенного за счет МСК, заявляется к наследникам выморочного имущества – администрация муниципального образования и территориальное управление Росимущества [5]. В случае смерти как продавца, так и покупателя суды рассматривают требования наследников, принимая по искам о прекращении обременения в виде залога в силу закона положительные решения [6].

Есть основания для корректировки судебной практики в случае смерти лица, необоснованно получившего государственный сертификат на МСК. Неосновательность получения, как правило, связана с противоправным поведением управомоченного лица. В таком случае суды рассматривают требования о признании сертификата недействительным и о взыскании неосновательно полученной суммы [7]. Но в подобной ситуации сертификат лишь является правоподтверждающим документом, с получением которого не связано возникновение права. Он лишь удостоверяет статус лица как законного обладателя права на получение МСК. Поэтому оспариванию должен подлежать не сертификат, а возникшее право на получение МСК, что невозможно сделать без оспаривания того основания, которое привело к его возникновению. В основании уже возникшего права на получение МСК находится решение соответствующего

органа пенсионного фонда как административный акт. Поэтому вместо признания недействительным сертификата необходимо признавать недействительным решение органа пенсионного фонда о выдаче сертификата.

Еще большей сложностью отличается ситуация неисполнения при жизни лицом обязательства по выделению доли несовершеннолетним детям в праве собственности на жилое помещение, приобретенное за счет средств МСК. До принятия Президиумом Верховного Суда РФ разъяснений в 2016 году [8] суды отказывали в перераспределении долей в связи с не конкретизированностью принятого лицом при жизни обязательства [9]. В настоящее время при аналогичных обстоятельствах суды определяют доли всех участников общей собственности, включая умершего родителя, рассматривая требования о включении имущества в наследственную массу и об определении долей. Например, по одному делу супругами было оформлено обязательство о наделении долями несовершеннолетних детей, но при жизни супруги оно исполнено не было. После ее смерти по заявлению супруга суд определил за ним, за каждым из детей и за самой умершей по равной, $1/5$ доли в праве общей долевой собственности на квартиру, приобретенную с использованием МСК, включив эту долю ($1/5$) в состав наследства [10].

Сомнение вызывает несколько обстоятельств: 1) определение равной доли за родителями и детьми. Часть 4 ст. 10 Закона вопрос об определении долей оставляет на усмотрение самих субъектов, разрешая составить соглашение об этом. Размер доли может быть любой, что подтверждается правилом о неприменимости в этом случае ч. 1.1 ст. 30 Жилищного кодекса РФ. В Обзоре судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) отмечается, что определение долей в праве собственности на квартиру происходит с учетом равенства долей родителей и детей *на средства материнского (семейного) капитала*, потраченные на приобретение этой квартиры, *а не на все средства*, за счет которых она была приобретена (п. 13). Равенство долей может

определяться только тогда, когда жилой объект был приобретен исключительно за счет средств материнского (семейного) капитала (п. 14 Обзора);

2) определение долей после смерти родителя, не исполнившего обязательство. Для ответа на вопрос о том, что произойдет в случае смерти лица, не исполнившего требования ч. 4 ст. 10 Закона, необходимо определить правовую природу возникающих отношений. До вступления в силу ФЗ от 01.03.2020 № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала» родителям в обязательном порядке предписывалось оформить нотариально удостоверенное обязательство о передаче жилого помещения в общую долевую собственность. Заключаемое родителями соглашение содержало выражение воли родителей и лишь условно могло именоваться обязательством. Определяя обязательство как имущественное отношение, оформляющее процесс товарообмена, сложно увидеть такой характер в рассматриваемой ситуации. Само соглашение по сути служит подготовительным этапом для заключения в дальнейшем сделки по переносу права собственности (в определенной доле) с родителей на детей. Значит, если и признавать тот факт, что на основании соглашения возникает обязательство, то оно явно будет иметь неимущественный, организационный и односторонний характер. Но что признавать предметом исполнения такого обязательства? Он не конкретизирован, так как неясно совершения каких действий необходимо требовать кредитору от обязанных лиц? Так называемая обязанность оформить в общую собственность квартиру может стать следствием различных юридически значимых действий. Отсутствие предмета исполнения делает невозможным возникновение обязательственного правоотношения. Таким образом, становится невозможным применение норм гражданского законодательства (напр., иски о принуждении к исполнению обязательства или о взыскании неосновательно полученного, заявляемые со стороны органов пенсионного фонда и прокуратуры).

В литературе заключаемое соглашение нередко именуют «обязательством о выделении долей» [11], однако от этого его правовая природа не перестает быть более конкретной и не повлечет иного взгляда на проблему.

Если жилое помещение, приобретенное за счет средств МСК, было отчуждено по различным основаниям, а доля в нем не выделена, и взамен приобретено иное жилое помещение, то оснований для исполнения обязанности нет. Хотя в судебной практике можно увидеть иной подход. Так, например, после смерти супруги нотариус отказал мужу как наследнику в выдаче свидетельства о праве на наследство в отношении квартиры, которая была обменена на квартиру, приобретенную за счет средств МСК. Суд удовлетворил иск о признании права собственности на недвижимое имущество в порядке наследования, определив долю умершей и наследников, в т. ч. детей в праве собственности на квартиру [12].

С момента вступления в силу закона от 01.03.2020 № 35-ФЗ отпала необходимость удостоверения обязательства в связи с установлением в правовых нормах *обязанности* по оформлению жилого помещения, приобретенного (построенного, реконструированного) с использованием средств (части средств) МСК в общую долевую собственность, что сразу породило в науке дискуссию о моменте возникновения права долевой собственности родителей и детей на жилое помещение. Если речь идет о типичной ситуации: супруги, двое детей, часть денежных средств – кредитные или собственные, часть – МСК, то изначально супруги, выступая в качестве созаемщиков, становятся долевыми собственниками приобретенного жилого помещения, что и отображается в ЕГРН. Выплатив сумму по кредиту, в течение 6 месяцев после погашения регистрационной записи об ипотеке супруги обязаны оформить в долевую собственность жилое помещение (п. 15 (1) Постановления Правительства РФ от 12.12.2007 № 862 (ред. от 13.07.2022) «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» [13]). Приемлемой правовой формой надления детей правом собственности на имущество родите-

лей является договор дарения. Именно с момента государственной регистрации перехода права собственности на долю в праве собственности у детей возникнет право собственности. Предлагаемое в доктрине соглашение об определении долей может быть заключено лишь в тех случаях, когда дети уже являлись участниками общей собственности на жилое помещение и их доли подлежали бы перераспределению с учетом сложившихся обстоятельств.

В настоящее время для возникновения обязанности по оформлению жилого помещения в долевую собственность не требуется волеизъявления родителей, но и указание закона вряд ли можно расценивать как возникновение обязательства в силу закона. Как писал Г. Ф. Шершеневич: «основанием обязательства может быть только юридический факт, но не закон», и смешение частного-правового обязательства и публично-правовой обязанности является недопустимым. При отсутствии обязательства обязанность (или необходимость) может основываться только на силе власти [14, с. 352].

Возложение на собственника имущества публично-правовых обязанностей в интересах третьих лиц (детей) можно было бы рассматривать в качестве ограничения права собственности. В. П. Камышанский говорит о необходимости установления самостоятельного правоотношения, возникающего «из юридических фактов, основанных на законе...», содержанием которого «является совершение собственником каких-либо действий либо воздержание от таких, либо терпение с целью обеспечения прав третьих лиц» [15]. Однако в рассматриваемой ситуации установление публичной обязанности сопровождается не просто стеснением собственника в объеме его правомочий, но связано с совершением активных действий, которые приводят к возникновению гражданско-правовых последствий в виде прекращения права собственности (в определенной доле) родителей и возникновения соответствующего права у детей. При действии режима совместной собственности супругов на жилое помещение возникает необходимость его прекращения и образования долевой собственности. Даже если изначально в ЕГРН супруги были обозначены в качестве долевых собственников на

жилое помещение, возникает вопрос о наделении иных лиц (детей) правом собственности помимо воли собственника. Но перечнем принудительных оснований прекращения права собственности такая ситуация не охватывается, гражданско-правовой режим обязательства не предусмотрен в принципе. Тем самым возникают сомнения в возможности установления анализируемой обязанности в целом. Предоставление государством помощи семьям, имеющим детей, как форма государственной поддержки должно ограничиваться рамками публичного права, нормы которого устанавливают категории лиц, имеющие право на поддержку, направления использования сумм и их целевое назначение. Вмешательство в сферу частного права за счет принудительного наделения правом собственности при отсутствии подготовленных для этого правовых институтов и инструментов представляется неправомерным и излишним.

В том случае, когда родители на законных основаниях получили сумму МСК, использовали ее по целевому назначению, улучшив жилищные условия, создали тем самым благоприятный режим существования как себе, так и своим детям, у государства не должно возникать сомнений в том, насколько интересы ребенка оказались обеспечены. Обратившись к законодательству республики Беларусь, увидим, что предоставление МСК не сопровождается вторжением в частно-правовую сферу в виде обязанности по наделению правом собственности¹⁰⁴.

Таким образом, публично-правовая обязанность по наделению детей правом долевой собственности на жилое помещение, приобретенное за счет средств МСК, не может быть обоснована с точки зрения норм гражданского законодательства и нуждается в исключении из норм публичного права.

¹⁰⁴ См.: Указ Президента республики Беларусь от 18.09.2019 № 345 «О семейном капитале» и Постановление Совета министров республики Беларусь от 24.02.2015 №128 «Об утверждении Положения о порядке и условиях назначения, финансирования (перечисления), распоряжения и использования средств семейного капитала // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21500128> (дата обращения: 21.02.2023).

Список литературы

1. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 28.12.2022) //СЗ РФ. – 2007. – № 1 (1 ч.). – Ст. 19.

2. Решение Трусовского районного суда г. Астрахани (Астраханская область) от 13.11.2018 по делу № 2-1995/2018. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

3. Решение Читинского районного суда (Забайкальский край) от 20.10.2020 по делу № 2-1662/2020. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

4. Решение Ярцевского городского суда (Смоленская область) от 13.10.2020 по делу № 2-1134/2020. Аналогичная ситуация – решение Белореченского районного суда (Краснодарский край) от 17.11.2020 по делу № 2-2075/2020; решение Читинского районного суда (Забайкальский край) от 02.06.2021 по делу № 2-781/2021; решение Шарыповского городского суда (Красноярский край) от 16.06.2021 по делу № 2-459/2021; решение Шарьинского районного суда (Костромская область) от 14.07.2021 по делу № 2-599/2021. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

5. Решение Читинского районного суда (Забайкальский край) от 16.11.2021 по делу № 2-2198/2021. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

6. Решение Читинского районного суда (Забайкальский край) от 12.07.2021 по делу № 2-1431/2021. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2022 по делу № 88-27076/2022; решение Борского городского суда (Нижегородская область) от 19.08.2019 по делу № 2-2037/2019. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

8. Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016). – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

9. Решение Октябрьского районного суда г. Рязани (Рязанская область) от 30.10.2012 по делу № 2-1398/2012. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

10. Решение Первоуральского городского суда (Свердловская область) от 22.09.2020 по делу № 2-2329/2020. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

11. Аверина К. Н., Ситкова О. Ю. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «КонсультантПлюс». – 2019.

12. Решение Палкинского районного суда (Псковская область) от 27.07.2017 по делу № 2-139/2017. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

13. О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий: Постановление Правительства РФ от 12.12.2007 № 862 (ред. от 13.07.2022) // СЗ РФ. – 2007. – № 51. – Ст. 6374.

14. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. – Тула, 2001. – 720 с.

15. Камышанский В. П. Пределы и ограничения права собственности. – Волгоград, 2000. – 219 с. – URL: <https://lib.sale/pravo-grajdanskoe-uchebnik/ponyatie-osnovaniya-ogranicheniy-prava-40776.html> (дата обращения: 17.02.2023).

16. Указ Президента республики Беларусь от 18.09.2019 № 345 «О семейном капитале» и Постановление Совета министров республики Беларусь от 24.02.2015 № 128 «Об утверждении Положения о порядке и условиях назначения, финансирования (перечисления), распоряжения и использования средств семейного капитала // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21500128> (дата обращения: 21.02.2023).

А. А. Шепталин,

к.и.н., доцент, доцент кафедры

теории и истории государства и права ФГБОУ ВО

«Удмуртский государственный университет»

НАЦИОНАЛЬНО-КАДРОВЫЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В ВОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Актуальность заявленной темы обусловлена как 100-летним юбилеем Верховного Суда Удмуртии, так и ростом исследовательского внимания к различным аспектам истории становления судебной системы в крае [3], имевшего выраженную специфику, и в первую очередь – этническую. Советская власть, создавая в 1918–1922 гг. национальные автономии (трудовые коммуны, автономные области и республики), декларировала тем самым намерение устранения межэтнического неравенства, чем стремилась получить поддержку многочисленных нерусских народов страны в ходе гражданской войны.

С 1923 г. в Удмуртии, как и по всему СССР, развернулась политика коренизации, целью которой было замещение аппарата управления национальных республик и областей работниками «титულных» наций с последующим переводом делопроизводства на местные языки [2]. Процесс коренизации везде проходил по-разному, поскольку формирование интеллигенции у разных народов находилось на разных стадиях.

Пример Вотской АО (с 1932 г. – Удмуртской АО) показывает, что коренизация региональных органов юстиции проходила еще сложнее, нежели аппарата партийного и государственного управления в целом. В этой сфере было недостаточно правильного социального происхождения и принадлежности к титульной нации – требовались юридические познания и опыт. Если партийных и советских руководителей области удалось по всей стране подобрать из числа удмуртов, то на должности руководителей облсуда и

облпрокуратуры таковых не нашлось. Основная проблема заключалась в том, что подавляющее большинство удмуртов проживало в сельской местности, имело низкий образовательный уровень и находилось на периферии социально-экономической и культурной жизни региона.

Поскольку большинство работников наркомата юстиции ВАО, куда входили областные органы суда, следствия и прокуратуры, имело лишь начальное образование, с самого начала встал вопрос о необходимости организации юридических курсов, которые лично проводили в Ижевске руководители суда и прокуратуры.

В середине 1923 г. из 62 работников облсуда лишь 17 были удмуртами. Однако поскольку половина удмуртов, составлявших большинство населения области, плохо говорили на русском языке, а около четверти его вообще не понимали [6, с. 215–216], в декабре 1923 г. V съезд Советов ВАО принял решение о введении в употребление вотского языка наравне с русским во всех госучреждениях и организациях области, в связи с чем они обязывались принимать устные и письменные жалобы и отвечать на них на удмуртском языке, в кратчайшие сроки пополнить штаты лицами удмуртской национальности, ввести делопроизводство на вотском языке в волостях с преобладанием удмуртского населения и т. д. Первоочередная реализация этих мер возлагалась на правоохранительные органы, народное образование и здравоохранения [5, с. 89–90].

Забегая вперед, следует заметить, что созданная для русскоязычных руководящих работников в 1924 г. школа по изучению удмуртского языка вплоть до середины 1930-х гг. так и не дала ожидаемых результатов. Работникам судов из-за нехватки кадров и завала нерассмотренных дел было не до языков. В сельской местности, например, народные судьи помимо основных функций нередко были вынуждены разносить повестки и даже выполнять функции конвоиров и судебных исполнителей.

ВЦИК и наркомюст РСФСР требовали от автономий выполнения графиков коренизации, которые повсеместно срывались, в том числе и из-за начавшейся чистки аппарата от «классово чуждых

элементов». В 1925 г. всем ответственным работникам, а в аппарате облсуда даже и техническим работникам, было предложено к концу 1926 г. в обязательном порядке выучить удмуртский язык до уровня свободного общения.

Формально ситуацию несколько смягчил введенный в октябре 1925 г. институт практиканства, благодаря которому принятые лица, знавшие удмуртский язык, улучшили статистику коренизации. Ввиду перманентной кадровой неукомплектованности органов юстиции практиканты, получив определенный опыт, уже через несколько месяцев становились участковыми нарсудьями и нарследователями. Качество работы при этом серьезно снижалось, поскольку в сельской местности судьи при вынесении решений из-за нехватки кодексов часто руководствовались своими представлениями о справедливости и даже нормами обычного права. Не случайно в 1926 г. удельный вес отмененных в ВАО судебных решений по уголовным делам составил половину, а по гражданским делам превысил 52 % [1. Д. 58, л. 81об.-82].

Другого рода проблемы возникли с коренизацией относившегося к судебной системе следственного аппарата ВАО, в состав которого входили 12 нарследователей и 3 старших следователя при облсуде. С одной стороны, в населенных удмуртами волостях было легче подобрать подходящего кандидата на должность, который, получив опыт, имел возможность дальнейшего профессионального продвижения в органах суда или прокуратуры. С другой стороны, именно по этой причине текучесть кадров среди нарследователей была самой высокой в системе органов юстиции.

В сложной социально-экономической и политической обстановке, казалось бы, удавалось сравнительно успешно решать большинство задач, однако первая большая комплексная ревизия органов юстиции ВАО, проведенная объединенной комиссией наркомюста, прокуратуры и Верховного Суда РСФСР в 1927 г., выявила широкий ряд недочетов в работе облсуда, в том числе недостаточный удельный вес сотрудников удмуртской национальности.

В подавляющем большинстве удмурты были выходцами из крестьян, в то время как руководство наркомата и области стремились к «орабочиванию» органов юстиции. Кроме того, серьезную проблему для ведения документооборота представляла неразвитость удмуртской юридической лексики, ставившая в тупик даже относительно опытных удмуртов-юристов, для которых было проще перейти на русский язык, нежели выразить на удмуртском грань между правонарушением и преступлением, жалобой и заявлением, дознанием и следствием, и многими другими понятиями. В силу перегруженности органов юстиции заниматься разработкой правовой лексики было некому.

В 1928 г. на основании директив Совнаркома РСФСР началась новая фаза коренизации аппаратов управления автономных республик и областей. Однако вновь задание обкома ВКП(б) и облсовнаркома по коренизации судебных органов ВАО с самого начала оказалось невыполнимым из-за перманентных чисток и высокой текучести кадров. Для решения проблемы были организованы юридические курсы для 30 выдвиженцев, как работающих в аппаратах, так и числящихся в резерве [4]. Несмотря на помощь и поддержку, многие молодые сотрудники, работая и учась, не выдерживали до окончания испытательного срока и увольнялись. Так, в 1929 г. сменилось 120 % нарследователей, 40 % ответственных прокурорских работников и 58 % нарсудей [1. Д. 200, л. 167; Д. 204, л. 59.]. Одной из причин увольнений было постоянное давление облизполкома по вопросу перевода делопроизводства на удмуртский язык.

В целях проверки исправления допущенных ранее ошибок в 1930 г. состоялось очередное комплексное обследование работы органов юстиции ВАО. Комиссия признала «тяжелые условия работы органов юстиции, недостаток работников-нацменов, ожесточенность классовый борьбы в деревне, систематическое сопротивление всем мероприятиям советской власти со стороны контрреволюционного «кенеш» (Совет старейшин)» [1. Д. 203, л. 166]. Перед руководителями суда и прокуратуры в очередной раз была поставлена задача поэтапного перевода судопроизводства и делопроизводства в

судебных, прокурорских и следственных участках на удмуртский язык в течение двух лет.

В качестве компромиссного варианта было принято решение, чтобы на удмуртском языке временно вести хотя бы дела, связанные с удмуртами. Для ликвидации возникавших при этом трудностей с января 1931 г. стали печатать в ежемесячном информационном бюллетене русско-удмуртский словарь юридических терминов. Из-за языковых разногласий, возникавших в районах, рассматривался также вопрос о слиянии аппарата суда, прокуратуры и следствия, чтобы «обеспечить техническими работниками удмуртами» [1. Д. 204, л. 128].

Помимо этого, в области развернулась активная кампания по борьбе с великодержавным шовинизмом, в которой не удалось избежать перегибов. Например, в 1930 г. председатель облсуда был снят с должности «за отсутствие плана удмуртизации аппарата, за отсутствие энергии в коренизации аппарата, за отсутствие наблюдения за изучением сотрудниками удмуртского языка и за явный великодержавный шовинизм, выразившийся в том, что т. Поляков отказался дать какой-либо материал на выставку, устраиваемую в честь 10-летия В.А.О.» [1. Д. 203, л. 79].

Уже в 1931 г. уголовные дела по шовинизму стали исчисляться в области десятками. Дело дошло до того, что стали обвиняться работники суда и прокуратуры, знавшие удмуртский язык, но предпочитавшие вести делопроизводство на русском, ссылаясь на бедность национального языка и значительные затраты времени при переводе.

В 1930–1931 гг. облсуд сделал большой шаг в деле коренизации, по показателям более чем в два раза превзойдя облпрокуратуру – 83 % и 40 % соответственно. В 1933 г., на пике, коренизация ответственных работников в судебной системе области составила 92 %, среди технических работников – 83 % [1. Д. 340, л. 100], значительными были и успехи по удмуртизации документооборота.

Если до 1933 г. центральные органы настоятельно требовали выполнения показателей коренизации, то с 1934 г. требования

постепенно стали сменяться простым учетом статистики. Государственная национальная политика в СССР начала разворот в сторону интернационализации, что нашло отражение и в изменениях по всей стране административно-территориального деления.

Завершая рассмотрение национально-кадрового аспекта становления судебной системы Вотской (Удмуртской) АО, следует заметить, что политика коренизации имела двойственное значение и последствия. С одной стороны, она оказала большое негативное воздействие на процесс становления судебных и следственных органов. Вследствие этого на протяжении полутора десятилетий они фактически стагнировали по причине недостаточной компетентности сотрудников, перманентного приема неподготовленных и случайных работников и связанной с этим кадровой текучести, из-за огромных затрат и усилий по переводу документооборота на национальные языки. С другой стороны, коренизация способствовала ускоренной подготовке национальных кадров во всех сферах, в том числе в правоохранительной. Следует согласиться с мнением, что большой позитивный потенциал политики коренизации мог быть реализован гораздо эффективнее [5]. Для этого был необходим долгосрочный продуманный подход, который по факту был заменен на кампанейщину, штурмовщину и процентоманию, столь характерные для советской действительности 1920–1930-х гг.

Список литературы

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-357. Прокуратура Вотской автономной области, 1922–1934 гг. Оп. 1.
2. Васильева О. И., Воронцов В. С. «Неуклонно проводить реализацию вотского языка...»: документы Центрального государственного архива Удмуртской Республики о проведении национально-языковой политики в Удмуртии в 1920-е годы // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2015. – Т. 25, № 4. – С. 111–127.

3. Ившин В. Г., Татьяна Л. Г. Становление народных судов в УАССР // Международный научно-практический форум «100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития»: сб. материалов. Т. 1. – Ижевск : Удмуртский ун-т, 2020. – С. 65–71.

4. Ившин В. Г., Шепталин А. А. Истоки и становление юридического образования в Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33, № 1. – С. 134–140.

5. Ситдикова Л. А. Коренизация государственного аппарата в Удмуртии как один из путей решения национального вопроса // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917–1937 гг. : сб. статей / отв. ред. и сост. К. И. Куликов. – Ижевск : УИИЯЛ, 1991. – С. 87–98.

6. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. – М. : ИНСАН, 1992. – С. 215–216.

А. В. Шишкин,
судья Индустриального районного суда
г. Ижевска Удмуртской Республики

СОБЛЮДЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИСТЕМ ВИДЕО- КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

В последние десятилетия информационно-телекоммуникационные технологии стали неотъемлемой частью жизни общества. Право как неотъемлемая часть жизни общества также не стоит на месте, развиваясь вместе с обществом, впитывая в себя в том числе и достижения научно-технического прогресса. Вместе с тем в отличие от арбитражного процессуального и гражданского процессуального законодательств, как верно отметил С. В. Зуев, в настоящее время (несмотря на значительное изменение уголовно-процессуального законодательства, а также имеющийся положительный зарубежный опыт функционирования электронного документооборота в уголовном судопроизводстве) российский уголовный процесс остается по-прежнему письменным (бумажным), а потому – архаичным¹⁰⁵. Значительную роль в «цифровизации» уголовного процесса сыграло объединение Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и принятая в связи с этим Концепция развития информатизации судов до 2020 года¹⁰⁶, на основании которой в законодательство были внесены существенные изменения, позволившие в конечном счете внедрить возможность использования в судебных процессах судов общей юрисдикции системы видео-конференц-связи. Доказав свою

¹⁰⁵ См.: Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран : монография / под ред. С. В. Зуева. М., 2020.

¹⁰⁶ См.: Концепции развития информатизации судов до 2020 года // СПС «КонсультантПлюс».

работоспособность, отлично зарекомендовав себя при допросах потерпевших и свидетелей в судах первой инстанции, при рассмотрении дел в апелляционной и кассационной инстанциях, а также на стадии исполнения судебных решений, возможности использования системы видео-конференц-связи закономерно были расширены и на остальных участников уголовного судопроизводства при рассмотрении судами уголовных дел в первой инстанции.

Федеральным законом от 29 декабря 2022 года № 610-ФЗ¹⁰⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации дополнен статьей 241.1. «Участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи», направленной на оптимизацию судебной стадии уголовного судопроизводства за счет использования современных цифровых платформ и технологий.

Согласно нововведениям суд вправе принять решение об участии подсудимого в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи в трех случаях:

- при наличии технической возможности и ходатайстве подсудимого об участии в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи;
- при наличии технической возможности и наличии обстоятельств, исключающих возможность участия подсудимого в судебном заседании непосредственно;
- при наличии технической возможности, наличии угрозы безопасности участников уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях и ходатайстве любой из сторон об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей путем использования систем видео-конференц-связи.

Решение об участии иных лиц, вызванных в судебное заседание, путем использования систем видео-конференц-связи может быть принято судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе.

¹⁰⁷ См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290106>

Таким образом, законодатель обеспечил возможность участия практически всех участников уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел в первой инстанции, что в полной мере отвечает принципам современного правосудия, направленным на скорейшее разрешение спорных ситуаций, обеспечению гражданам доступа к правосудию с минимальными процессуальными издержками.

Роль суда, определяемая в современном правовом государстве, состоит, прежде всего, в необходимости обеспечить защиту прав и законных интересов граждан¹⁰⁸, в связи с чем при рассмотрении уголовных дел с использованием системы видео-конференц-связи не должны умаляться закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве права участников уголовного судопроизводства, о чем прямо указано в самой ст. 241.1 УПК РФ, из которой следует, что судебное заседание проводится по общим правилам, установленным Уголовно-процессуальным кодексом, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей.

Так, частью 4 ст. 241.1 УПК РФ установлен прямой запрет на участие в судебном заседании подсудимого путем использования систем видео-конференц-связи при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, что и понятно с учетом особенностей проведения предварительного слушания и судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей, требующих одновременного присутствия всех участников судопроизводства в зале судебного заседания, согласования позиции подсудимого и защитника по всем возникающим вопросам, а также длительности проведения судебных заседаний и большого количества лиц, принимающих участие в судебном разбирательстве.

Вместе с тем на практике возникают вопросы о возможности участия как подсудимого, так и других участников уголовного судопроизводства в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи при проведении закрытого судебного раз-

¹⁰⁸ См.: Лебедев В. М. Проблемы становления и развития судебной власти в Российской Федерации : дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 365 с.

бирательства в соответствии со ст. 241 УПК РФ, а также при рассмотрении уголовных дел о применении принудительной меры медицинского характера. Прямого запрета на это закон не содержит, вместе с тем с учетом специфики проведения закрытых судебных разбирательств из-за вовлечения в проведение судебных заседаний путем использования систем видео-конференц-связи третьих лиц могут возникнуть проблемы с обеспечением соблюдения прав участников уголовного судопроизводства. Думается, в данном случае, несмотря на все плюсы использования видео-конференц-связи, возможные негативные факторы в виде разглашения неопределенному кругу лиц сведений, ставших известными в ходе закрытого судебного разбирательства, должны быть для председательствующего судьи решающими при принятии решения об участии тех или иных лиц в судебном заседании с использованием системы видео-конференц-связи.

Достаточно «революционной» является формулировка, используемая законодателем в ч. 5 ст. 241.1 УПК РФ о том, что решение об участии иных лиц, вызванных в судебное заседание, путем использования систем видео-конференц-связи может быть принято судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе. Может возникнуть опасность того, что при такой формулировке суд в нарушение основополагающего принципа состязательности сторон, закрепленного в ст. 15 УПК РФ, может взять на себя несвойственную функцию обвинения либо защиты. Полагаю, что в данном случае председательствующему необходимо ставить на обсуждение участников процесса вопрос об использовании систем видео-конференц-связи, выслушивать все «за и против» и принимать решение, в первую очередь, направленное на соблюдение прав подсудимого и потерпевшего. Принцип процессуальной экономии в данном случае должен отойти на второй план.

Следует отметить и возросшую роль аппарата суда в связи с расширением использования систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве. Казалось бы, совсем недавно в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был официально

введен такой участник судопроизводства, как помощник судьи¹⁰⁹, который по поручению председательствующего ведет протокол судебного заседания. С внесением названных изменений полномочия помощника судьи и секретаря судебного заседания значительно расширены, названные сотрудники аппарата суда по поручению судьи организуют судебное заседание по месту нахождения вызванных лиц, устанавливают и удостоверяют личности явившихся в судебное заседание лиц, участвующих в судебном заседании, путем использования систем видео-конференц-связи. Данное нововведение позволит более эффективно и рационально использовать имеющиеся комплексы видео-конференц-связи, ведь зачастую судебные заседания срывались либо начинались позднее установленного времени ввиду занятости судьи суда по месту нахождения вызванного лица в других судебных заседаниях, либо отсутствовала возможность ждать начала судебного заседания суда, рассматривающего уголовное дело.

С принятием ст. 241.1 УПК РФ устранен имевшийся в законодательстве пробел, не позволявший оперативно допрашивать лиц в качестве свидетелей в случае их нахождения под стражей или отбывания ими на момент проведения допроса наказания в виде лишения свободы. Ранее такую категорию свидетелей приходилось доставлять в близлежащий суд, оборудованный комплексом видео-конференц-связи, с одной лишь целью, чтобы судья удостоверил личность свидетеля и отобрал у него подписку о разъяснении прав, обязанностей и предупреждении об ответственности зачастую при отсутствии у такого лица при себе каких-либо подтверждающих личность документов. Теперь же процедура допроса такой категории свидетелей значительно упростилась, поскольку их личность удостоверяется администрацией места содержания под стражей, администрацией учреждения или органа, исполняющих наказание, которые отбирают необходимые документы и в последующем

¹⁰⁹ См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201807300012>

направляют их председательствующему в судебном заседании суда, рассматривающему уголовное дело.

В части 9 ст. 241.1 УПК РФ найдена своё законодательное закрепление вытекающая из ст. 47 УПК РФ и давно осуществлявшаяся на практике процедура обеспечения конституционного права лица, содержащегося под стражей и участвующего в судебном заседании путем использования системы видео-конференц-связи, беспрепятственного конфиденциального общения со своим защитником. Вместе с тем думается, что данные положения закона подлежат как минимум разъяснению со стороны Пленума Верховного Суда Российской Федерации, так как использованные формулировки с учетом положений ч. 5 ст. 241.1 УПК РФ порождают неясность в части того, где именно должен находиться защитник при рассмотрении уголовного дела – непосредственно в суде, рассматривающем дело, либо рядом с подсудимым. Также неясно, почему ч. 9 ст. 241.1 УПК РФ специально выделяет подсудимого, содержащегося под стражей, ведь право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально закреплено в ст. 47 УПК РФ для всех обвиняемых (подсудимых), независимо от того, содержатся они под стражей или нет. При одновременном применении положений ч. 5 и ч. 9 ст. 241.1 УПК РФ может возникнуть ситуация, когда подсудимый будет находиться в одном месте (в суде по месту жительства, в следственном изоляторе или в месте лишения свободы), его защитник – в здании суда по месту ведения адвокатской деятельности, а суд, соответственно, по месту рассмотрения уголовного дела. При отсутствии практики применения данных норм и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации высказываются мнения в том числе и о необходимости назначения таким лицам еще одного защитника, который бы находился рядом с подсудимым в целях соблюдения его права на защиту, что, по мнению автора, является излишним. Конфиденциальное общение подсудимого с защитником в таком случае можно обеспечить путем отключения звука и микрофона на комплексе видео-конференц-связи и соединения названных лиц друг с другом посредством IP-телефонов, входящих в комплект системы видео-конференц-связи.

При использовании дистанционной формы участия в уголовном судопроизводстве также возникает неопределенность, как обеспечить право подсудимого и потерпевшего знакомиться с необходимыми им материалами уголовного дела. Поставляемые в настоящее время с комплексами видео-конференц-связи IP-факсы не позволяют оперативно и качественно обеспечить данное право. Предлагается дооборудовать установленные системы видео-конференц-связи так называемыми «документ-сканерами», которые позволят в реальном времени передавать по каналу видео-конференц-связи и выводить на экраны изображения уголовного дела в высоком разрешении, позволяющем ознакомиться с ним дистанционно. Решить данную проблему так же можно, как это уже сделано в арбитражных судах и в судах кассационной инстанции путем изготовления полной копии уголовного дела в электронном виде, доступ к которой могли бы получить в личном кабинете после авторизации лица, имеющие право знакомиться с материалами уголовного дела.

С учетом поэтапного введения системы видео-конференц-связи суды общей юрисдикции с нетерпением ждут внесения следующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство, которые позволят дистанционно принимать решения, отнесенные к непосредственной компетенции суда, в ходе досудебного производства (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), что будет в полной мере соответствовать повышению доступности правосудия и уровня защиты прав граждан.

Список литературы

1. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: монография / под ред. С. В. Зуева. – М., 2020.
2. Лебедев В. М. Проблемы становления и развития судебной власти в Российской Федерации : дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000. – 365 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Приветственное слово ректора ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» Мерзляковой Г. В., директора Института права, социального управления и безопасности Ившина В. Г.</i>	3
Абашева Ф. А. Доктрина уголовно-процессуальных функций в современном уголовном судопроизводстве как гарантия обеспечения прав, свобод и законных интересов личности.....	4
Аккуратный А. В. Гарантия разумности сроков рассмотрения гражданских дел как составляющая часть фундаментальной процессуальной гарантии – свободный доступ к правосудию	13
Арсагова С. И., Чернышова Э. Л. Практические проблемы применения цифровых сервисов в деятельности судов общей юрисдикции и пути их решения.....	22
Балакшин В. С. Проблемы отказа прокурора от обвинения при рассмотрении уголовного дела по существу	32
Богинский М. М. Проблемы реализации применения мер безопасности участников судебного заседания по уголовному делу.....	37
Булава О. Н. Протокол судебного заседания как процессуальная гарантия современного правосудия.....	43
Галиакберов А. Ф., Гаянов А. Р., Хафизова Л. Р. Электронное правосудие в России: некоторые аспекты развития.....	52
Гафурова Э. Р. Процессуальные гарантии подозреваемого или обвиняемого при назначении судебного штрафа.....	59
Гимазетдинов Д. Р. Президент России В.В. Путин о некоторых особенностях осуществления правосудия в условиях СВО.....	64
Даровских С. М., Даровских О. И. Требование к качеству правоприменительной деятельности как гарантия обеспечения защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.....	67

Епихин А. Ю. Становление принципа разумности сроков в российском уголовном судопроизводстве	74
Зварыгин В. Е., Ахатова А. М. Охрана уголовно-правовыми средствами чести и достоинства участников судебного разбирательства (ст. 297 УК РФ)	81
Зинатуллин З. З. Объективность – детерминантное составляющее правосудия.....	87
Ибрагимов А. Т. Автоматизация процедуры возмещения процессуальных издержек в федеральных судах общей юрисдикции Республики Татарстан	99
Каблуков И. В. Процессуальные гарантии обеспечения достаточности доказательств в суде с участием присяжных заседателей	104
Калмыков В. Ю. Развитие принципа доступности правосудия на современном этапе реформирования судебной системы	111
Камалова Г. Г. Перспективы и проблемы реализации машиночитаемого права в системе судопроизводства	121
Колегов С. О. Институт представителей общественности в квалификационной коллегии судей субъекта РФ в системе процессуальных гарантий современного правосудия.....	130
Кузнецова Н. В. Истина рождается в споре (или состязательность гражданского процесса в системе процессуальных гарантий современного правосудия)	138
Максимов О. А. Полномочия судьи при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ в контексте реализации права на ходатайство и жалобу.....	153
Маслова Т. Н. Прокурорский надзор за реализацией мер безопасности участников досудебного производства по уголовному делу	159
Матушкина Н. В. Актуальные тенденции судебной практики по трудовым спорам	168
Машинникова Н. О. Судебная дискреция при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ.....	181

Маштакова Н. А. Перспективы развития электронного правосудия в гражданском судопроизводстве судов общей юрисдикции Российской Федерации	186
Молоков М. А. Экономический аспект «Мултанского дела» в Вятской губернии	193
Москалев А. А. Подготовка к рассмотрению дела об административном правонарушении как процессуальная гарантия правосудия	198
Наговицын Д. Ю. Вопросы организации взаимодействия государственного обвинителя со следователем и оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность	219
Невострюев А. Г. Методика определения процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения жилищных дел	222
Низамова М. И. Пути решения проблем исполнения судебных актов	235
Решетнева Т. В. К вопросу об исполнении Российской Федерацией решений международного (межгосударственного) суда.....	241
Решетникова Г. А. Факторы, препятствующие отправлению правосудия системой искусственного интеллекта	249
Рябинина Т. К., Петрова О. В. Нарушения права на защиту: о чем свидетельствует судебная практика (на примере судебных решений Курской области)	258
Сегал О. А., Трищенко А. А. Процессуальные аспекты реализации новых технологий при взаимодействии участников арбитражного процесса	267
Стародумов С. В. Особенности реализации принципов уголовного процесса при назначении судебно-психиатрической экспертизы потерпевшего	273
Стяжкина С. А. Уголовно-правовые гарантии обеспечения безопасности лиц, осуществляющих правосудие	279
Татьянин Д. В. Отдельные вопросы процессуальных гарантий участников судебного производства в уголовном процессе	285

Татьянина Л. Г. Проведение предварительного слушания по уголовным делам при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением как процессуальная гарантия обеспечения права на справедливое судебное разбирательство	289
Тензина Е. Ф. Процессуальные гарантии некоторых ускоренных производств уголовного судопроизводства	295
Тещин А. В. О допустимости показаний свидетеля и потерпевшего в случае неоднократного их изменения	298
Топоркова Д. А. Электронное правосудие в гражданском процессе	306
Фролычева Е. А. Реализация процессуальных гарантий участников гражданского процесса при осуществлении электронного правосудия на практике Индустриального районного суда г. Ижевска.....	311
Халиков М. И. Процессуальные гарантии и проблемы их реализации в приказном производстве, связанные с применением ГПК РФ	323
Ходырев А. М. Гарантии прав взыскателя и должника при рассмотрении арбитражным судом заявлений об индексации присужденных денежных сумм	336
Ходырева Е. А. Правовые последствия смерти родителя, не исполнившего обязанность по выделению доли несовершеннолетним детям в праве собственности на жилое помещение, приобретенное за счет средств материнского (семейного) капитала	341
Шепталин А. А. Национально-кадровый аспект становления судебных органов в Вотской автономной области	350
Шишкин А. В. Соблюдение процессуальных прав участников уголовного судопроизводства при использовании систем видео-конференц-связи.....	357

Научное издание

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСУДИЯ**

К 100-летию Судебной системы в Удмуртской Республике

Сборник статей

*Сост. и ред.: И. А. Бусоргина
Компьютерная верстка: И. А. Бусоргина*

Подписано в печать 15.03.2023. Формат 60x84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 21,46. Уч. изд. л. 16,29.

Тираж 100 экз. Заказ № 476.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел.: + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра
«Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18